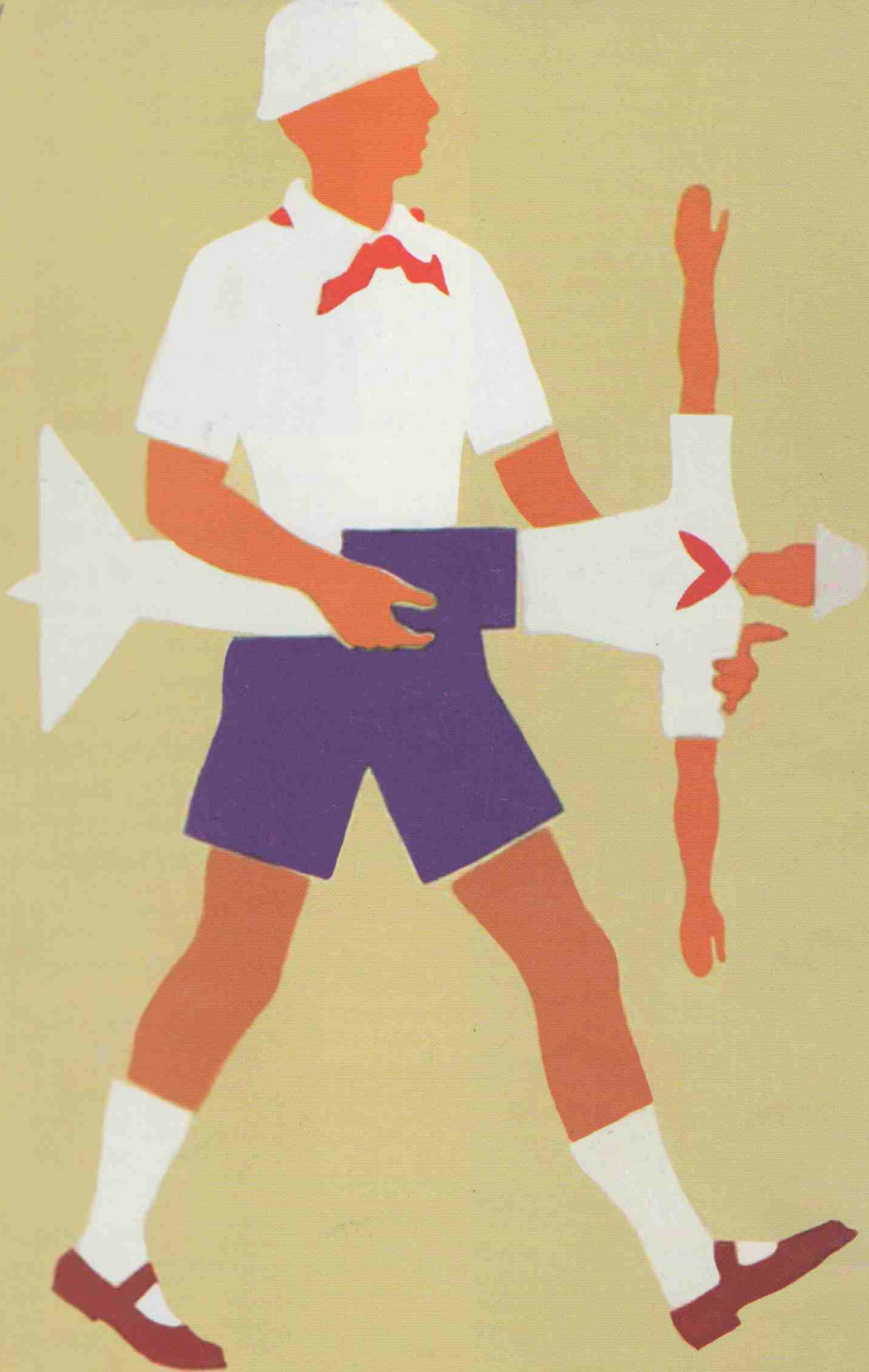

9 V

№ 5

ПИОНЕР

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

2007

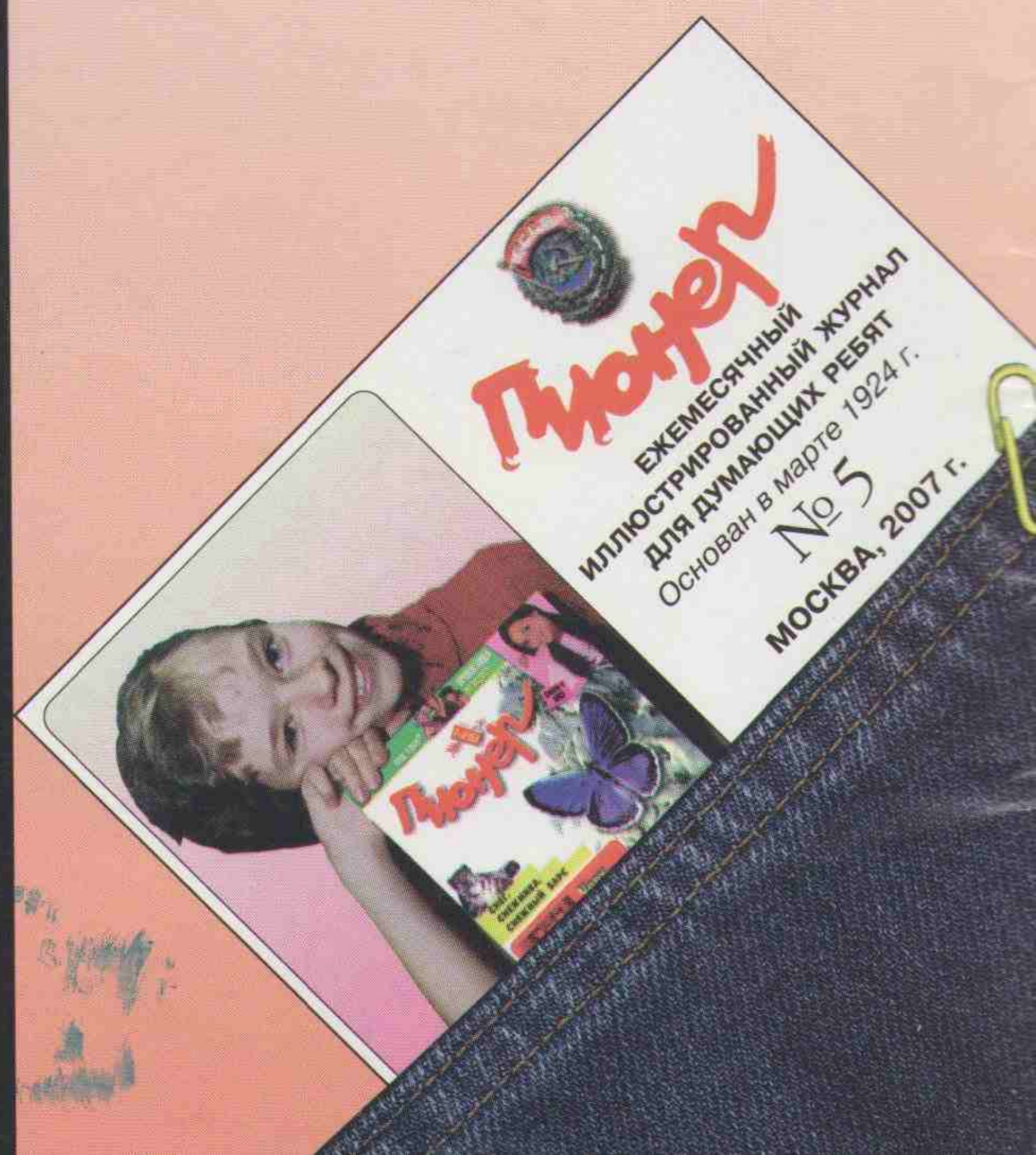
85!

Теперь в легендах, песнях и в архивах
Остался первый пионерский сбор.
Но только посмотрите, как красиво
Костер его пылает до сих пор.
И окажись последним я героем,
На тот злосчастный остров угодив, —
Я б жизнь по-пионерски там устроил:
Я б всех вокруг костра объединил.
Мы — тонкий ручеек, питающий обломки.
Нас можно растоптать и можно заглушить.
И только вера в то,

что мы нужны потомкам,
Торопит нас вперед и помогает жить!

Светлана МЛЫНЧИК,
г. Москва.

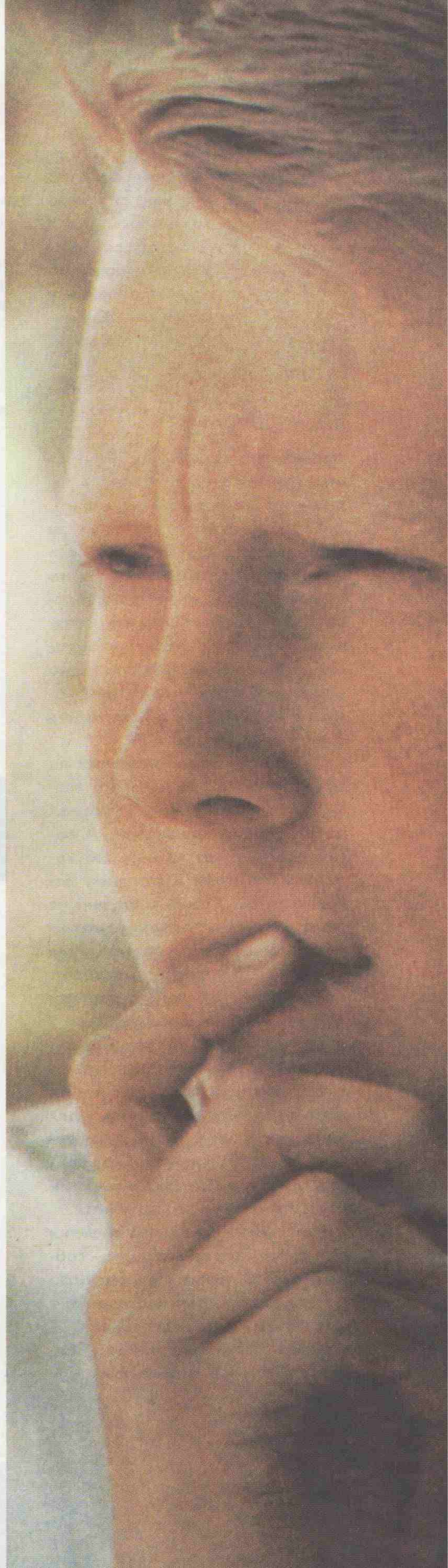

ЧИТАЙ В НОМЕРЕ:

Отцы и дети. Встреча под часами.	2
<i>М.Карпович.</i> Крыша. Рассказ.	4
Газета газет. 85 лет спустя.	8
<i>Н.Зайковская.</i> И такие «Пионеры» были.	10
<i>В.М.Полонский.</i> Скакать на коне и петь песню.	12
<i>А.Мороз.</i> Чудо на Яузе.	16
<i>Я.Годулина.</i> Главный вопрос Саманты.	20
<i>А.Овчаренко.</i> Девочка по имени Лотос.	26
<i>Н.Алексеев.</i> Чужого горя не бывает.	35
<i>А.Мороз.</i> Белые крылья. ✓	36
<i>Т.Гуляева, Ф.Свешников.</i> Маленькое знамя победы.	42
Пионеры в «Пионере». Оно им – надо!	46
Больше, чем остаться. <i>Посвящается тем, кто остался в нашей памяти.</i> ✓	49
Фотографии из архива.	64

Самый
известный
кадр

ОТЦЫ И ДЕТИ

В старые времена «Пионеру» как-то захотелось выяснить, что такое народ. И он начал об этом спрашивать у читателей. Отличники отвечали, как по писанному. Но нам понравился ответ на маленьком клочке бумаги, без фамилии и обратного адреса. «Народ – это все люди подряд».

Хороший ответ. Но хотелось бы выяснить, как «все люди подряд» между собой сосуществуют, за что держатся? Тогда мы не довели дело до конца. Другим чем-то занялись. А теперь, наконец, собрались. Осталось придумать, как это сделать. И тогда кто-то предложил: «Надо разным людям задать одни и те же вопросы».

Давайте! Возьмем разных по возрасту людей. Найдем по телефону, через интернет, прохожих на улицах поспрашиваем. А потом сформируем из них две команды. Младших и старших. Человек по 50. Самый младший из старшей группы должен годиться в родители самому маленькому в младшей. По возрасту, разумеется. Если одному 6 лет, то другому должно быть как минимум 24.

А как мы их соберем в одном месте? Нет ничего проще. На наших страницах, под часами. Их наш художник специально для этого нарисовал. Сейчас мы заведем стрелки... ой, нет, – это про другое. Мы сверим стрелки наших часов и посмотрим, что получится.

Живем ли мы по одному времени или оно у каждой команды – собственное? А чтобы команды можно было как-то различать, одна у нас будет называться ОТЦЫ, а другая – ДЕТИ. Ничего, Иван Сергеевич Тургенев не обидится!

Самая лучшая песня

Просто так проводить опрос скучно, и мы предложили игру. Старшие поют одну строчку из своей любимой песни, а младшие подхватывают. Если знают. Потом команды меняются ролями. Самую популярную на сегодня у молодежи песню начинают ДЕТИ, а ОТЦЫ подпевают.

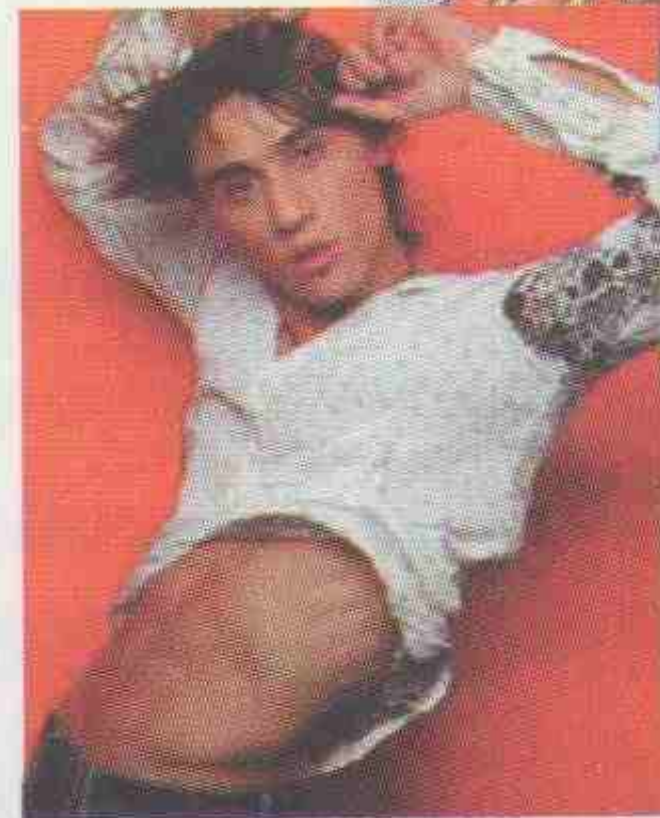
ОТЦЫ (не всеми эта песня любима, но большинство согласилось, что она была едва ли не самой известной): «Там вдали за рекой зажигались огни...»

ДЕТИ. Никто не подхватил. В тишине – одинокий голос: «Это про войну...»

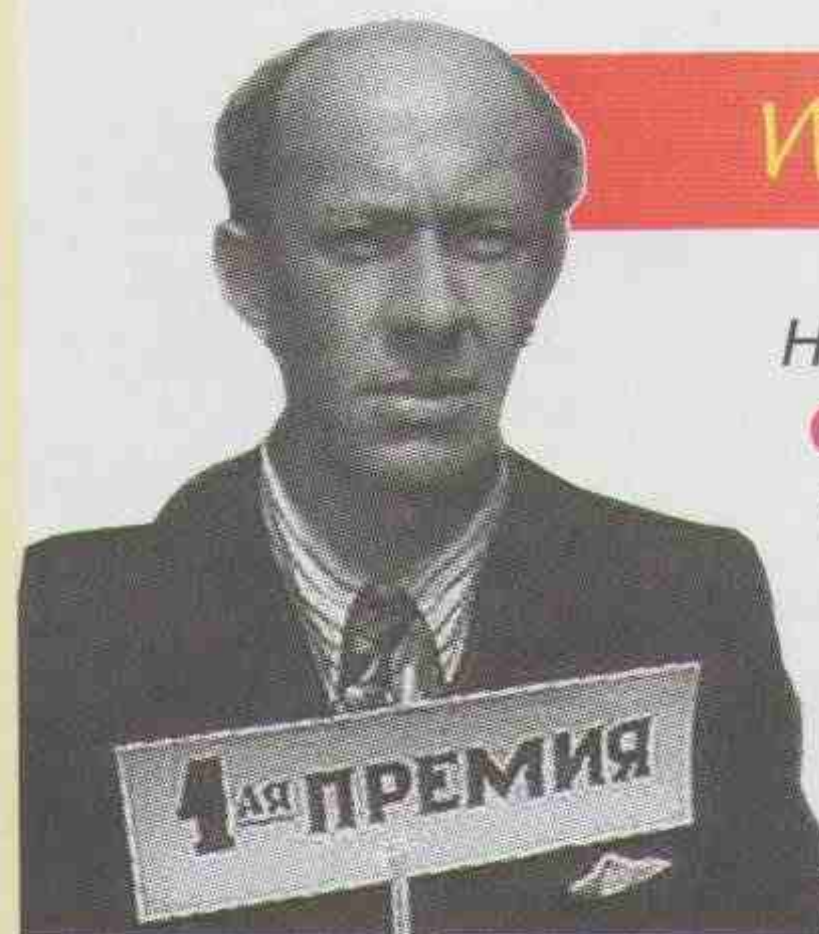
У **ДЕТЕЙ** вариантов хватало, но победил этот: «Стань для меня солнечным светом, зимой и летом...» Меньше половины **ОТЦОВ** узнали, что это – Дима Билан. Но подхватили песню немногие.

А есть песня, которую знают те и другие, причем все? Есть.

Пусть бегут неуклюже
Пешеходы по лужам,
А вода по асфальту рекой...

Идем в кино!

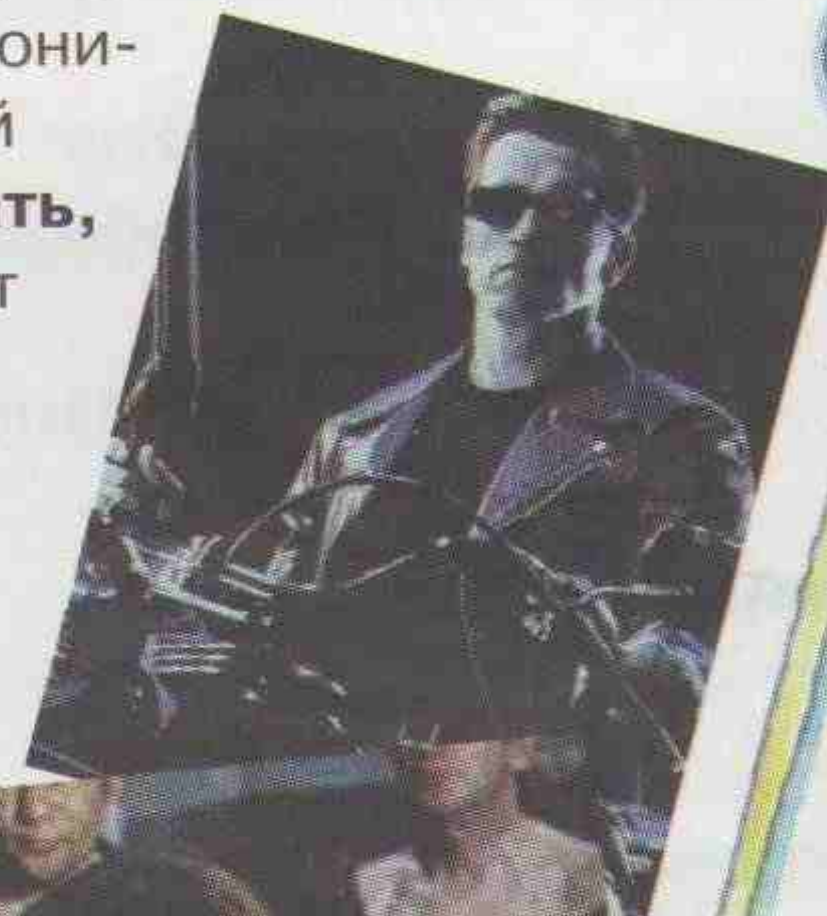

НАЗОВИТЕ СВОЙ ЛЮБИМЫЙ ФИЛЬМ?

ОТЦЫ назвали множество лент, которые могли бы претендовать на звание фильма поколения. «Звонят, откройте дверь!», «Айболит-66», «Буратино», «Доживем до понедельника», «Дикая собака динго, или Повесть о первой любви», «Сергея», «Приключения Электроника», «Золушка»... Абсолютный чемпион – «Добро пожаловать,

или посторонним вход воспрещен!» Далее идут «Гостья из будущего» и «Чучело».

ДЕТИ называют «Властелина колец», «Гарри Поттера» и «Человека-Паука». Из наших – только телесериалы. «Моя прекрасная няня», за ней «Бригада» и «Кадетство». И ни одного «прокатного» российского фильма!

«Рога поотшибаю!»

ВАШ ЛЮБИМЫЙ АКТЕР?

После долгих споров **ОТЦЫ** вывели на первое место **Евгения Леонova** (особенно за его голос в «Винни-Пухе»),

Фаину Раневскую и **Арнольда Шварценеггера**.

ДЕТИ признали могучего **Арни** абсолютным киночемпионом. Хотя он давно бросил это увлекательное занятие. Еще называют **Тома Круза**, **Джеки Чана**, **Элайджу Вуда**. Русских имен, кроме исполнителей ролей в телесериалах, не названо.

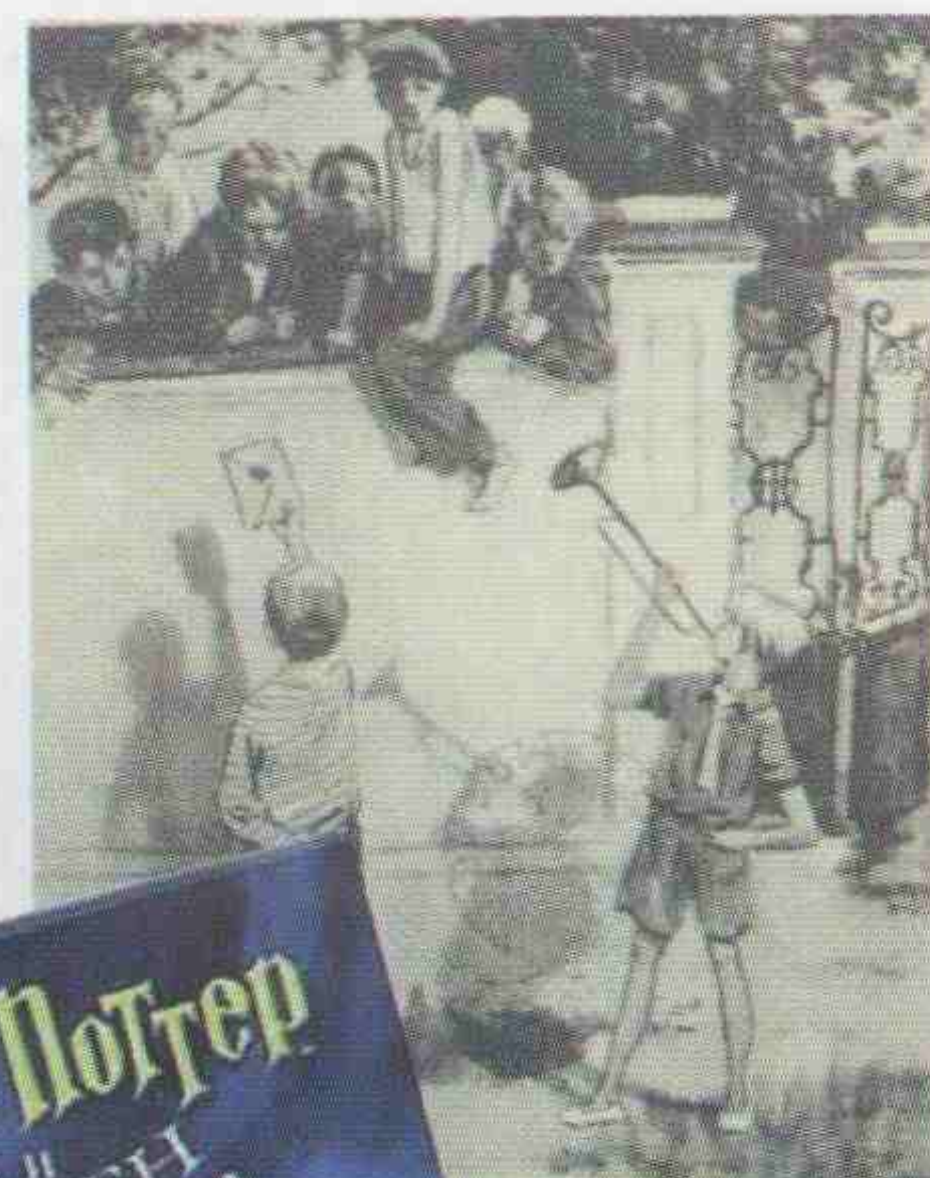
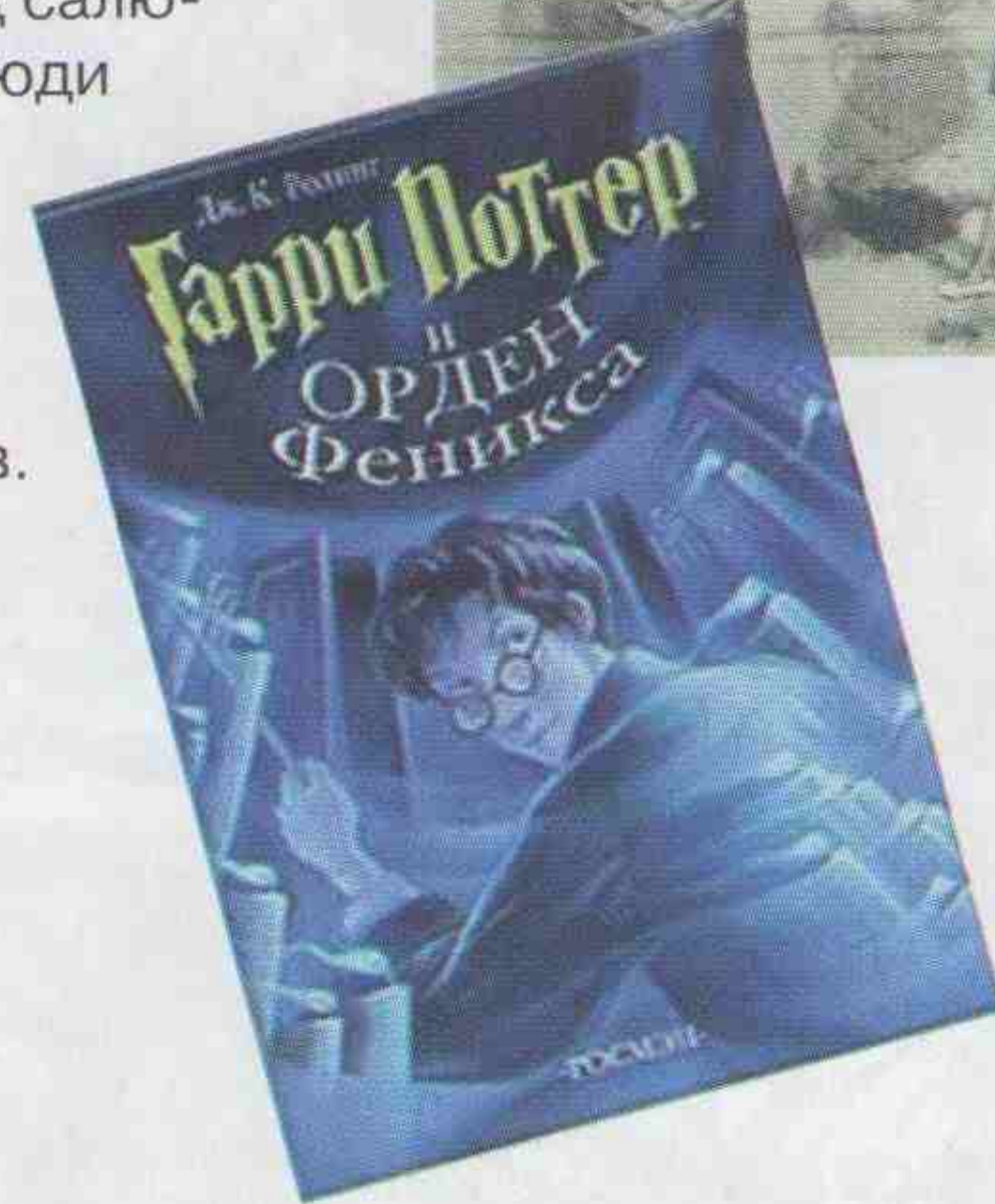

Дай почитать!

Думаете, почему мы так долго про книжки не спрашиваем? Да просто потому, что чтение в числе своих любимых занятий называют сегодня лишь 18 процентов опрошенных подростков. Это не наш с вами «самодельный» опрос, а настоящий, по всем правилам, по науке. Его провела одна очень солидная социологическая служба.

Любимых книжек у **ОТЦОВ** много, как и в случае с фильмами. И все-таки – «Тимур и его команда»! Честное пионерское, под салютом и еще два раза перекреститься. Никакого мухлеза. Что люди называли, то мы и записывали. Очень близко – «Робинзон Крузо», «Три мушкетера» и «Старик Хоттабыч». А еще Драгунский, Жюль Верн, Крапивин, Кассиль, Фраерман, Майн Рид...

ДЕТИ... Все правильно. У «Гарри Поттера» нет конкурентов. Но и вариантов маловато. Он один, великий и ужасный...

Крокодилы и черепашки

У старших – три любимых мультфильма. Крокодил Гена с Чебурашкой, Волк с Зайцем и Простоквашино. И еще «Жил-был пес». Тома и Джерри тоже называют, если напомнить.

ДЕТИ «крокодильскую» и простоквашинскую компанию тоже уважают. А еще они любят Диснея и «Черепашек Ниндзя».

Самый легкий вопрос

«АРТЕК» – ЭТО ЧТО ТАКОЕ?

ОТЦЫ, с удивлением в голосе: Всесоюзный пионерский лагерь в Крыму.
ДЕТИ: знают – 11 человек из 50.

Вопрос на засыпку

И, наконец, вопрос на засыпку. **ПЕРЕСКАЖИТЕ СВОИМИ СЛОВАМИ, ЧТО ВЫ ВИДИТЕ НА КАРТИНКЕ?** Для подозрительных объясняем: картинку мы показывали только там, где это было возможно. Ясно, что не по телефону. Поэтому ответов было меньше.

ОТЦЫ: «Вы бы еще спросили, сколько будет пятью пять!»

ДЕТИ в большинстве своем тоже знают, что там такое происходит. Но 7 человек честно ответили: «Без понятия».

И как же теперь с этим быть? Сейчас объясним. «Команды», вольно. Все свободны. **ОТЦЫ** и **ДЕТИ** становятся одной командой. Ничего не нужно делать. Просто надо взяться за руки и спеть вместе ту самую, «общую» песню. Ну, Сережа Парамонов, твой выход! Но только чтобы никто никого не перекрикивал. Мы должны **СЛЫШАТЬ** друг друга.

Пусть бегут неуклюже
Пешеходы по лужам,
А вода по асфальту рекой...

А когда допоете, переверните страницу и читайте дальше. Про пионеров. А как иначе? 85 лет прожили. Юбилей!

Художник Анатолий БОРИСОВ

Мы сидели на крыше нашего дома – большого старого пятиэтажного дома, расположенного в самом центре Москвы, недалеко от Политехнического музея. И, добавлю, от Ильинского сквера, где стоит памятник гренадерам, воевавшим с турками в позапрошлом веке. Да и в конечном счете недалеко и от самого Кремля.

Это я все к тому, чтобы стало понятно, в каком незаурядном месте стоял наш дом. Мы, мальчишки, само собой, гордились подобным соседством и при случае не забывали о нем сказать. Но свои свободные часы по большей части проводили все же у себя во дворе. Покрытый выбитым асфальтом, зажатый со всех сторон громадами кирпичных корпусов, заваленный разбитыми бочками, ящиками, бутылками из продуктового мага-

зина, занимавшего первый этаж, он тем не менее был нам чем-то мил. В нем мы умудрялись играть не только в «чижика», но и в лапту, и, уж конечно, в казаки-разбойники. Летними вечерами там озорно голосила гармошка, и ребята постарше самозабвенно топтались в старинном тустепе, краковяке.

Но временами дворовые развлечения надоедали. Тогда нас тянуло поближе к небу – на крышу. Здесь был совсем другой мир – просторный, светлый, чистый, пахнущий свежестью высоты, ее ветрами, а главное, недоступный осуждающему взгляду взрослых.

Да, крыша была нашим мальчишеским царством, мы владели им безраздельно. Мы понимали, конечно, что лазить по крышам опасно, родители внушали нам это без конца. Но ведь известно, как сладок запретный

плод! И летом мальчишеские десанты то и дело высаживались наверху. Только безнадежные трусы, изнеженные маменькины сынки не отваживались на это. Разумеется, их дружно презирали.

Итак, в тот памятный день мы как раз забрались на крышу. Нас было трое: белобрысый, ужасающе тощий и потому неестественно длинный на вид семиклассник Вася Брыскин; крепкий, спортивного склада смугляк, его одноклассник Саша Кириллов и я, обыкновенный московский подросток, о котором мне трудно сказать больше: для этого надо видеть себя со стороны. Но если кто из нас и заслуживал подробного описания, то это был, конечно, Саша Кириллов, Сашка-волейболист.

Дело даже не в том, что он считался лучшим спортсменом района, играл за детскую сборную команду Москвы. Самое главное, по крайней мере для меня, в нем было другое: Сашка никогда не расставался с пионерским галстуком. Нигде. Даже на спортивную площадку в соревнованиях самого высокого ранга выходил с галстуком на шее. Пламенные язычки кумача и сейчас полыхали на его белой рубашке.

Впрочем, что же тут удивительного? Ведь там, в знаменитой на всю столицу пионерской базе «КИМ», куда входила его школа, все они были такие, одержимые. Салют на улице друг другу отдавали. А как маршировали, как пели! Таких барабанщиков, фанфаристов, как у них, тоже, наверное, нигде не видывали. Словом, Кириллов был настоящим «кимовцем», и этим все сказано. Поэтому, кстати, забираясь с ним вместе на крышу, нечего было и думать о том, чтобы там тайком покурить или перекинуться в карты. Такого Кириллов не терпел.

— Давайте просто немного позагораем. Ладно? — предложил он, по обыкновению слегка картавя. — Солнце-то нынче смотрите какое!

Солнце в самом деле грело подходяще. Мы уютно устроились возле слухового окна, скинули рубахи, засучили штанины — и загорали, пожалуй, впервые после долгой зимы. Лениво перебрасывались словами. Общая тема нашлась сразу: все мы, несмотря на каникулы, застряли в городе.

— Ты на каникулах поедешь куда-нибудь? — спросил я Ваську Брыскина.

— Кажись, поеду, — ответил тот, не очень, впрочем, уверенно. — Тетка вот в деревню зовет. Там, знаешь, как хорошо? Караси в пруду — во какие!

Он развел руками — караси у него получились со щук. Мы с Сашкой прыснули со смеху. Смущенно ухмыльнулся и сам Брыскин.

— Ну, это я маленько загнул... А ты сам-то куда? Небось, в пионерлагерь?

— В лагерь, — подтвердил я. — Во вторую смену.

— А я бы и в первую уже уехал, — вставил, вздыхая, Сашка. — Да нельзя.

— Почему?

— Тренировки. Через неделю с Харьковом играем. Потом с Ленинградом.

— Когда же отдыхать-то?

— Потом. Обещали даже в «Артек» отправить.

— Не врут?

Кириллов пожал плечами.

— Кто его знает? Может, и не отправят.

Молодчина он! Другой бы на его месте непременно стал задаваться: нас, чемпионов, мол, не обойдут, а он принял сомнение как должное. Даже еще добавил:

— Боюсь, вообще я с этой сборной погорю. Отец и так ворчит.

— А ему-то чего?

— Как это «чего»? Осенью у меня переекзаменовка. По алгебре.

— Выходит, доигрался? — Я даже присвистнул от удивления. Вот уж не думал, что с ним может случиться такое.

— Да нет, я, конечно, сдам, — ответил Кириллов. — Если надо, просижу в Москве хоть все лето, а подготовлюсь. И до мяча даже не дотронусь. Честное пионерское!

В устах другого столь пылкая клятва здесь, на раскаленной крыше, где мы сидели почти нагишом, звучала бы смешно. Но Сашке можно было верить.

И мы с Васькой не стали спорить.

— Сейчас бы, братцы, хорошо искупаться... — мечтательно протянул Брыскин. Крохотные капельки пота росой блестели на его веснушчатом лице. — В Филях, или в Нескучном саду... Может, махнем?

— Что ты? — возразил Сашка. — Вода еще холодная. Забыл: лето началось только...

— Ну и что же? В прошлом году мы с ребятами в Измайловском пруду даже в мае купались. Знаете, как здорово было? Помню еще...

Васька не договорил. Мы так и не узнали, что именно он еще помнил, потому что разом повернули головы вправо. Там гулко загремело железо. Кто-то, пока невидимый, быстро топал по противоположному скату крыши. Не успели мы вскарабкаться наверх, как на гребне крыши возник Колька Исаченков, по прозвищу Шанхай.

Да, тут уж ничего не скажешь: улица умела давать прозвища. Второго такого меднокожего, скуластого подростка с глазами-щелочками, с жесткими черными волосами было не сыскать во всей округе, по крайней мере в радиусе до Чистых прудов.

Несмотря на теплынь, Шанхай и сегодня не расстался с грязноватой фуражкой-капитанкой, надвинутой до бровей. Такие фуражки, с длинными и прямыми, как руль, лакированными козырьками, говорили тогда о многом. В них щеголяли самые отпетые парни, не слишком уважавшие общественный порядок. И те, кто подражал им.

Колька-Шанхай, понятно, не относился к нашей компании. Но он жил в том же доме, его право на эту крышу тоже было неоспоримо. Впрочем, он и на чужой держался бы как хозяин.

— Ну что, все пекетесь, черти ленивые? — спросил он с ухмылочкой, пружинящими шагами спустился к нам и лихо уселся на слуховое окно. — А я вот деньгу зашибаю... Трешку с утра уже начистил.

Шанхай небрежно потрянул карманом засаленных брюк. Звякнули монеты.

– Слыхали? Мог бы и больше!

Он занимался запретным для нас ремеслом – чисткой ботинок на улице – и похвалялся перед нами своими доходами.

– Ты как сюда залез? – спросил Васька явно для того, чтобы сбить его с неприятной темы.

– Известно как: по пожарке. Что я, пижон – через чердак топать?

Опять нам в пику. Залезать на крышу дома по отвесной пожарной лестнице, прилепившейся к кирпичной стене, удовольствие, скажу вам, не из самых приятных. Я раза два лазил, знаю, что это такое.

Можно было, конечно, ответить Шанхаю, чтобы он особенно не важничал, что пожаркой нас вообще-то не удивишь и лезть по ней сейчас, когда все чердаки открыты, просто глупо... Можно было, но...мы не стали. Как-никак у нас с ним сложились несколько особые отношения. Мы, все трое, плохо ли, хорошо ли, но учились в школах. Шанхай же, в прошлом хронический второгодник, давно отбил от всякого учения. Считалось, правда, что он подрабатывает в какой-то сапожной мастерской. Но, судя по всему, он больше занимался другими делами. Той же чисткой ботинок, например.

Понятно, на нас, школьных затворников, он, человек вольный, смотрел свысока и не упускал случая зло подковырнуть. Мы тоже его не больно жаловали, но держались осторожно, избегая прямых столкновений: как-никак за ним стояла темная сила уличных дружков, носивших такие же капитанки.

Посидев с нами минуту-другую, Шанхай не выдержал:

– Скучота тут. Только языками и чешете. Давайте лучше в картишки. Ну?

Он вытащил из кармана замусоленную колоду карт.

– Кто первый со мной? В очко!

– Отстань, – сказал Васька Брыскин. – Ты же знаешь: мы в очко не играем.

– У нас и денег нет, – добавил я для пущей убедительности.

Но Шанхая уже трудно было остановить.

– Наплевать. Могу и в долг, раз вы такие нищие. Пятак ставлю для почину, начинай! Вот хоть ты...

Он совал карту Сашке Кириллову. Тот отстранился:

– Тебе же русским языком говорят: не надо.

– Чего-о-о? – Шанхай вскипел. – Не надо?! Ишь, какой чистенький выискался. Тебе что, может, вот это мешает?

Рукой, заляпанной сапожной ваксой, он грубо ухватился за красный галстук.

Тут надо кое-что объяснить. Если у меня и Васьки были сложные отношения с Шанхаем, то Кириллову приходилось еще труднее. Его пионерская стойкость особенно раздражала Шанхая. Он всегда видел в ней вызов, пусть и молчаливый. Похоже, у него на Сашку давно чесались кулаки. Но и тот был не робкого десятка: первым драться не полезет, а сдачи даст непременно. Миром дело кончиться не могло.

– Убери ручищи! – картавя больше обычного, потребовал Сашка и сам стал красным, как кумач. Но Шанхай не торопился. Тогда Кириллов резко шлепнул его по руке.

– А, ты вон как? – Шанхай вроде как бы даже обрадовался. – Ну, я те сейчас врежу!

– Бросьте, ребята! – Васька Брыскин вклинился между ними. – Перестаньте!

Шанхай все-таки успел нанести удар. Его кулак, хоть и вскользь, чиркнул о Сашкину скулу. Наклонив голову, Кириллов ринулся на обидчика. Но Васька, наш добрый миролюбивый Васька, этот белобрысый дворовый Дон-Кихот, и тут попытался его удержать, ухватил за локоть.

– Да не мешайся ты! – зло крикнул ему Кириллов и оттолкнул в сторону.

То ли толчок был сильный, то ли Брыскин вообще плоховато держался на ногах, только произошло нечто ужасное. Он упал и, переворачиваясь словно бревно, стремительно покатился к краю крыши.

Единый вопль вырвался из наших глоток.

Васька погибал на наших глазах. Еще мгновение – и он рухнет вниз, в страшную глубину каменного колодца.

Признаюсь, я малодушно зажмурился. А когда открыл глаза, увидел чудо. Чудом были Васькины пальцы, все же как-то уцепившиеся за низенький железный бортик, тянувшийся вдоль крыши, по самому краю. Сверху мы не видели даже его затылка. Только кисти рук и пальцы, которые могли разжаться через мгновение.

Я видел, как смертельно побелело только что пылавшее лицо Сашки. Как еще больше сузились азиатские глаза Шанхая. У меня самого перехватило дыхание.

Первым опомнился Кириллов. Скатившись к бортику, он попытался протянуть повисшему руку. При этом он страшно рисковал: сорваться ничего не стоило. Но Васька никак не реагировал – должно быть, ошалел от страха или просто ничего не слышал. До нас доносились лишь его невнятные всхлипы.

Едва ли беднягу видели и с земли. Люди обычно не ходят, задрав голову к небу. К тому же Васька висел над той стеной дома, которая выходила во двор, в этот час, как всегда, пустынный. Кричи не кричи – все напрасно.

Надо было как-то помочь Кириллову в его попытках. Я двинулся вниз, но он остановил меня:

– Назад! К трубе!

Он кричал так властно, словно уже придумал какой-то спасительный план. Невольно я подчинился.

Небольшая кирпичная труба торчала где-то на середине крутого ската крыши. От него до края оставалось шагов пять, не больше.

– Садись верхом с той стороны, да быстрее! – продолжал распоряжаться Сашка. – И лапы, лапы вперед!

– Зачем?

– Будешь держать Шанхая за ноги. Что есть мочи. Понял? Что есть мочи!

Кажется, я что-то начинал соображать. Я ухвачу ступни Шанхая, тот, следовательно, вытянется ниже, в свою очередь возьмется за ноги Сашки, а тот...

– Ваську ты, что ли, потянешь? – спросил я.

Кириллов не ответил. Не до того ему было. Он смотрел на Шанхая: как тот себя поведет? От этого зависело многое, быть может, все.

Секунду Шанхай колебался. Он не привык, чтобы им командовали. Неужели откажется помочь?

– Колька... – просительно сказал я, впервые называя его настоящим именем.

– Да ладно тебе! – отмахнулся он и, не прибавив больше ни слова, вмиг сам растянулся на крыше, головой вниз, ногами ко мне. Сашка тем же манером плюхнулся ниже его, на самом краю крыши.

– Взяли!

Этот Сашкин выкрик поставил все на место. Замысел Кириллова стал отчетливо ясен.

Живая цепочка мальчишеских тел растянулась по скату крыши. Верхним звеном ее, накинутым на трубу, оказался я, самый младший из всей троицы. Поэтому-то, думаю, мне и отводилось это место: опасности тут было меньше всего. Средним оказался гибкий, мускулистый Шанхай. Ну и замыкал цепочку Сашка Кириллов. Ничего не скажешь: он сам взял на себя труднейшее и рискованнейшее дело. Ведь ему надо было так далеко выдвинуться на край крыши, чтобы захватить руки Васьки выше запястий и попытаться втащить его наверх. Выдержим ли мы, не разомкнутся ли наши ладони в самый решающий миг?

Такого напряжения всех сил я не знал еще никогда. Упираясь грудью в трубу, обхватив ее ногами, я испытывал такое чувство, словно мне расплющили тело, ощущал плечами остроту кирпичных граней и, наверно, кричал бы от боли в другой момент. Но сейчас боль ничего не значила в сравнении с тем, что зависело от наших усилий.

Склонив голову, одним глазом я видел из-за трубы, что происходит там, впереди.

После нескольких безуспешных попыток Кириллов все же изловчился и ухватил Ваську за обе руки.

– Тянем! – донеслось оттуда. – Помалу.

Не знаю, что это давало практически, но только я так тянул к трубе раскоряченные ноги Шанхая, что, казалось, у меня лопнут глаза и сломаются позвонки. Шанхай, надо думать, старался не меньше. И конечно, труднее всего было Кириллову. Мы-то, верхние, в сущности, лишь страховали его действия. Тянул же Брыскина прежде всего он.

Дело шло туго.

Васькино лицо, запрокинутое назад, мертвенно-бледное, с беззвучно раскрытым ртом, на мгновение чуть пока-

зывалось из-под карниза и снова скрывалось под ним. Так повторялось несколько раз.

Но вот то ли он нащупал ногами какую-то случайную опору, то ли наконец сказались наши старания, только голова его поднялась выше, показались плечи, и Брыскин медленно перевалился через край, в нашу сторону. Еще секунда – и он уже лежал на крыше всем животом, лежал обессиленный, почти помертвевший от страха, но главное – живой.

Живой! Да, теперь мы знали, что Васька спасен. Все-таки Сашка последним усилием оттянул его подальше от края. Мы с Шанхаем одним духом слетели к нему, наклонились над спасенным.

– Ну как ты? Ничего?

– Ни-че-го, – ответил он, почему-то по слогам, должно быть, от волнения. – Це-лый.

Он сел. В его лице не было ни кровинки. Зато веснушки проступали ярче обычного.

Нет, Васька не благодарил нас. Может, потрясенный случившимся, еще не понимал, что обязан нам жизнью. А может, просто этого и не требовал наш тогдашний мальчишеский кодекс чести, где доброе дело расценивалось, как нечто вполне обыкновенное, само собой разумеющееся – не более того.

Так или иначе, мы не услышали от него никаких одобрительных слов. Да и к чему они нам были, такие слова? С нас было довольно одного сознания того, что мы выручили товарища из беды, спасли человека. И мы тоже не говорили сейчас об этом, не поздравляли друг друга, скупые на проявление подобных чувств. Зато внутри у нас все пело.

Я говорю «у нас», причисляя сюда и Шанхая, который тоже поддался общему настроению. Он медленно подошел к Кириллову и грубовато, но вполне дружески ткнул его кулаком в плечо:

– А ты, брат, силен. Молоток!

И грозный Шанхай снова, но уже совсем по-другому, чем прежде, дотронулся до красного галстука Сашки. На этот раз осторожно, даже, пожалуй, почтительно.

И тут же, не сговариваясь, мы, все четверо, взбежали на самый гребень крыши, а потом, обнявшись за плечи, твердо пошли по всему дому.

Рыжее июньское солнце стояло над нами. Топот ног по железному настилу вызывал грохотание, похожее на раскаты грома. И этот гром, рокочущий над крышами лежащей внизу Москвы, казался нам самой сладкой музыкой на земле.

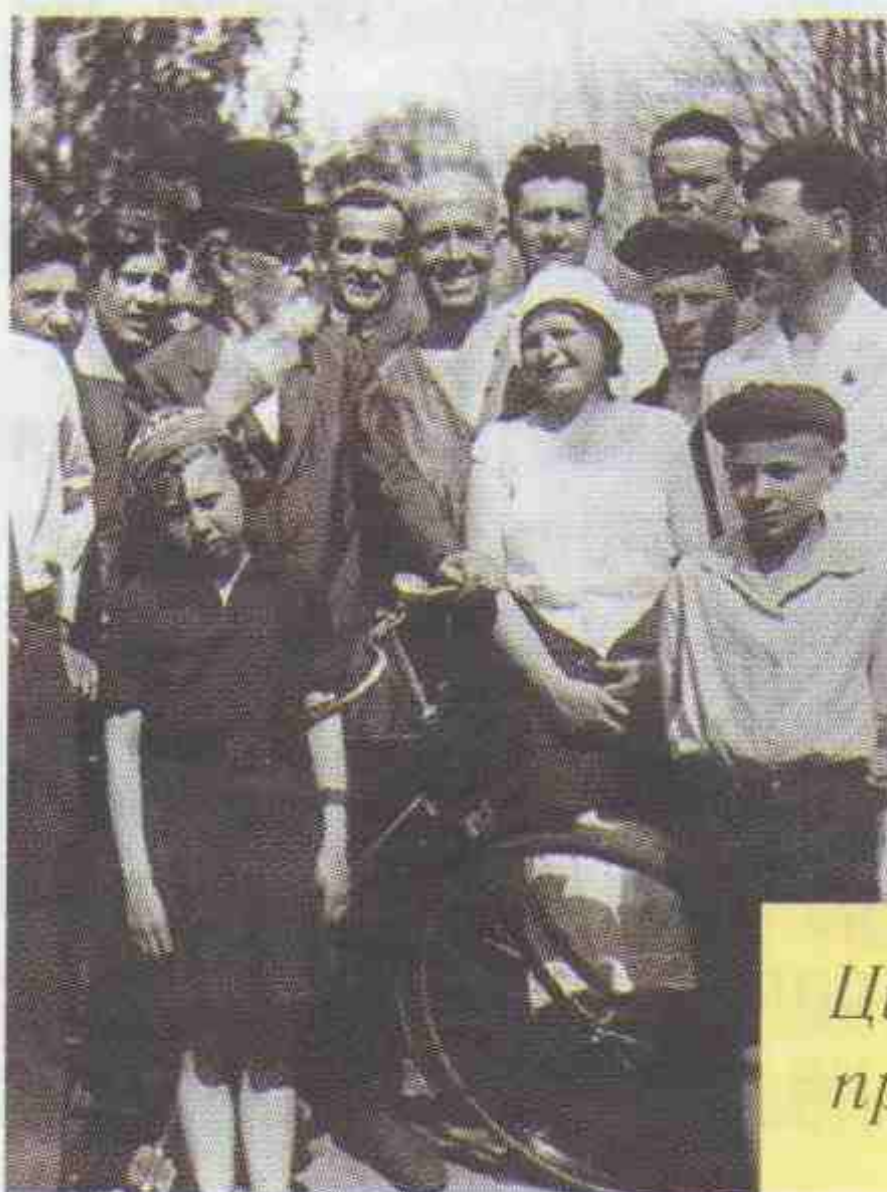
ДРАКА ИЗ-ЗА МЕСТА В РАКЕТЕ

В прошлом году наш лагерь находился под Калугой. И вожатые пригласили к нам на сбор Циолковского. Когда они нам об этом сказали, ребята так обрадовались, что весь вечер только и разговору было, что о Циолковском, его изобретениях и о межпланетных путешествиях.

Утром мы вышли на дорогу и все смотрели, не едет ли Циолковский. Но машин нигде не было, ехал только какой-то велосипедист. Мы сначала не обратили на него внимания. Никто не думал, что Циолковский приедет на велосипеде. Ребят собралось много. Циолковский говорил тихо, но каждое слово было слышно. Он нам рассказал свою биографию, потом про свои изобретения. Рассказывал так интересно, что нам жалко было, когда беседа кончилась. Вместе с нами он поужинал и уехал.

После этого все ребята у нас увлеклись межпланетными путешествиями. В каждом уголке спор: когда полетим и полетим ли? До драки дело доходило.

Мы пробовали сделать сами ракету. Взяли тележку с колесами, сзади прикрепили стеклянную трубку, а в нее насыпали серу от спичек. Потом подожгли эту серу. Там все зашипело, тележка прокатилась несколько шагов, и вдруг трубка взорвалась. После этого мы еще несколько раз пробовали делать ракету, но у нас пока не получилось.

Москва,
Покровка,
23-я школа
Бауманского района,
4-й класс.

Циолковский
приехал!

Когда-то детских газет и журналов было много. Особенно в 20-30-е годы. В каждой области и едва ли не в каждом большом городе выходила своя пионерская газета. Давайте-ка мы с вами их перелистаем.
То-то, наверное, скукутищу разводили!

ОБЫЧАЙ У НАС ТАКОЙ!

Детская пресса очень старалась, чтобы первые пионерские обычаи вошли в «новую жизнь». Первым делом нужно было разъяснить, как жить правильно: «В целях сохранения здоровья пионеры отказываются от рукопожатий и приветствуют друг друга поднятием руки, так как многие заразные болезни передаются через прикосновение людей друг к другу. Нужно отказаться и от поцелуев. Они еще лучший рассадник болезней».

В своей газете можно было получить совет по любому поводу:

Может ли пионер заниматься на турнике и на брусках?

– Нет, нельзя, для пионерского возраста это вредно.

Можно ли заниматься балетом пионерке, если она имеет способность?

– Балетом заниматься не советуем. Пионер время и силы может использовать для более полезных занятий.

Можно ли пионеру играть в карты на деньги или в дурака?

– Играть в карты не следует, потому что это игра дурацкая. Пионер должен и в игре строить новый быт!

Можно ли пионеру носить кольцо?

– Нельзя, это дикарский обычай.

А В.И. Ленин курил?

– Нет, он не курил. И ты тоже не кури, бери с него пример.

БИЗНЕС КАК БИЗНЕС

Когда в Москве открылась первая платная уборная, ее даже американское телевидение снимать приезжало. Между прочим, зря сенсацию раздули. Первыми до этого пионеры додумались. В 20-е годы, в Новосибирске (он тогда еще Новониколаевском назывался).

Ребятам хотелось подписаться на областную пионерскую газету «Юный ленинец», а денег – сами понимаете. И тогда они построили «пионерский юнкерс» – уютный домик с сердечком. Закрыли его на замочек, а рядом повесили ящичек для денег и объявление: «Пионерский юнкерс, тоись уборная. Вход не бесплатный, а платный – три копейки класть в ящик. Положишь три копейки, то ключ на крыше». А сами спрятались.

Народ обрадовался – ломанулся по нужному делу в чистый туалет. Думал, что можно и так им воспользоваться, раз написано, где ключ лежит. А пионеры тут как тут: «Здравствуйте, с вас три копейки причитается!» Приходилось платить. Куда в такую минуту денешься?

Так юные «бизнесмены» и заработали денег на газету. Редакция их тогда сильно хвалила за смекалку: «Молодцы!»

МЕЧТАТЬ НЕ ВРЕДНО

В 1927 году одна детская газета провела среди читателей конкурс «Москва через 80 лет». Целый месяц письма ребят печатали, из номера в номер. И что же получается? Наш с вами 2007 год получается. Интересно, сбылось что-нибудь? А вы сами сравните.

«Через 80 лет в Москве никогда не будет плохой погоды.

Надвигаются на Москву тучи, того гляди дождь пойдет, а дождя сейчас не надо. Как быть? А у нас в закрытых баллонах сжатый воздух. Мы открываем эти баллоны, и воздух с силой давит на тучи и весь «дождь» поднимается вверх. И снова солнце на небе! А можно сделать наоборот. Чтобы дождь шел, когда его нет.

И еще я однажды в застрявшем лифте три часа сидел. В будущем лифтов не будет. Вместо лифта – такая пружина перед высокими домами. Лежит она на земле, а поверх ремнем пристегнута, чтобы не подымалась. А как надо подняться на последний этаж, – отстегнул ремень, встал, пружина как рванется – и ты уж наверху. На самых больших домах будут аэродромы. Конечно, наши самолеты сейчас с них подняться не смогут: мало места для разбега. А тогда самолеты будут почти с места подыматься.

... Ну что, слабо на пружине до двадцатого этажа сигануть? А насчет самолетов с вертикальным взлетом – в точку!

МУШКА-ПАРАШЮТИСТКА

А вот за такие дела сегодня пионеров бы точно не похвалили. Особенно – друзья животных и защитники природы. Мы даже не знаем, как это все печатать. Но правда все-таки дороже. Короче, дело было так.

«Когда мы решили сделать парашют для собаки, многие нас отговаривали: «Ничего у вас не выйдет, только собаку зря искалечите». Но мы твердо решили построить такой парашют, чтобы он действовал безотказно. Через несколько дней в зеленом ранце лежал аккуратно уложенный голубой батистовый парашют. Потом мы внесли в него много конструктивных изменений.

Сперва мы решили сбросить с парашютной вышки котенка. Кошек вообще-то труднее сбрасывать, потому что они цепляются за стропы и могут запутаться. Первый раз котенок благополучно приземлился. Но второй прыжок окончился неудачно. Кто-то из ребят небрежно уложил парашют, стропы запутались, и он не раскрылся. Котенок упал с высоты 60 метров. Мы решили, что он разбился. Но котенок вдруг встал и потянулся. Падение не отразилось на нем, теперь он уже вырос и стал большим котом.

Мушка на тренировке.

К этому времени у Жоржика Савельева подросла собачка Мушка. Мушка была очень смелая и веселая собачка, и Жоржик готовил ее в парашютисты. Мы сбросили с вышки Мушку. Прыжок удался на славу. И Мушка стала нашим штатным парашютистом. Она 15 раз прыгала с парашютной вышки. Скоро нашу Муху узнали все на «Уралмашзаводе». Когда она бежала по

улицам, ребята кричали ей вслед: «Мушка-парашютистка!» У нее даже появилось какое-то доверие к парашюту. Если ее подвели к краю вышки без парашюта, она жалась, пищала, старалась убежать. Но стоило надеть на нее парашют, она подходила к самому краю вышки и весело виляла хвостом.

Приближался День авиации. Мы с Жоржем мечтали о том, чтобы сбросить Мушку с самолета. Мы поехали в аэро-клуб к областному инспектору парашютизма товарищу Берендяеву. Наш парашют осмотрели и признали, что он годится для прыжков с самолета.

Вот и День авиации. Когда мы ехали на аэродром в кузове, Мушка становилась передними лапами мне на колени и высовывала голову навстречу ветру.

Самолет взлетел. Мушка сидела у меня на коленях очень спокойно. Когда инспектор подал команду, я выбросил ее за борт. Парашют раскрылся, и Мушка стала плавно приземляться.

Жорж мне рассказывал потом, что Мушка упала в середину толпы. Мушка зарычала, а публика решила, что собака взбесилась, и все стали разбегаться. Но когда Жорж подошел к Мушке, она сразу успокоилась и завиляла хвостом.

Недавно у нас случилось большое горе: Муха пропала. Где она – пока неизвестно. Но мы надеемся найти ее».

Георгий КОРГУЛЬ, г. Свердловск
(ныне Екатеринбург – ред.),
22-я школа Уралмашзавода.

Один дядя прочитал эту заметку и сказал: «А взрослые куда смотрели?». Взрослые смотрели, чтобы парашют был исправен. Скажете, глупостями ребята занимались? Это как посмотреть. Когда испытывали спускаемые космические аппараты, помните, кто их «пилотировал»? А Мушка опередила и Уголька, и Веселого. Верно люди говорили: «Пионер – значит первый»!

КОНЕЦ

Надежда ЗАЙКОВСКАЯ

ТАКИЕ

И

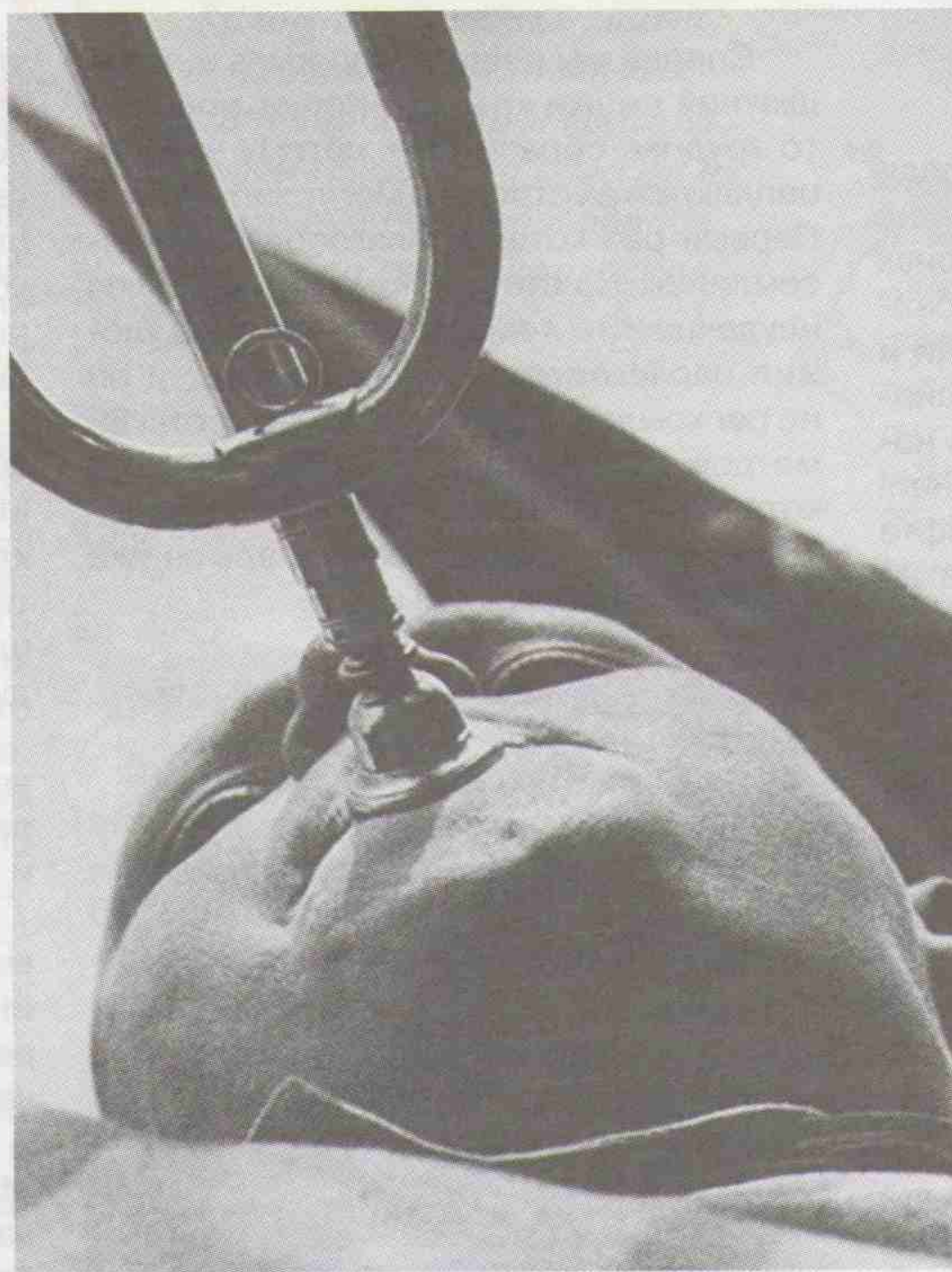
ПИОНЕРЫ

были

Во всяком виде искусства есть свои гении. Имена выдающихся художников, музыкантов, артистов, писателей у всех на слуху. На их мнение ссылаются, их цитируют, в их честь называют улицы и площади.

Фотографии повезло меньше. С самого начала ее держали на положении Золушки. Подумаешь – навел да щелкнул. Но именно фотография создавала документальный портрет эпохи. Она запечатлевала ее в лицах, в контурах великих строек, в изменяющемся облике природы. И далеко не всегда «портретистами» становились ремесленники. Иногда через окошко видеоискателя в мир вглядывались художники-новаторы, опережавшие свое время. Вглядывались, чтобы воссоздать его по-своему, так, как видели только они.

Александр Родченко – один из самых выдающихся мастеров фотографии. На работах Родченко выросло не

**Александр
РОДЧЕНКО
в «Пионере»**

зенштейн и Дзига Вертов. Родченко был потрясающим книжным графиком, дизайнером и конструктором книги. Он придумал десятки шрифтов, которыми пользуются до сих пор. Одним из них (он так и называется – «Родченко») набран заголовок этой статьи. По его эскизам расписывались агитсамолеты, пароходы, промышленные корпуса и новые дома. Родченко оформил здание Моссельпрома («Нигде, кроме как в Моссельпроме!»), поглядеть на которое съезжалась вся Москва.

И все-таки главной страстью мастера была фотография. Он снимал почти непрерывно, отдаваясь любимому делу с пылом профессионала-фанатика. Дочь Родченко вспоминает, что однажды на Сухаревке отец сфотографировал их с матерью (родной женой!) в толпе и при этом умудрился... не узнать их!

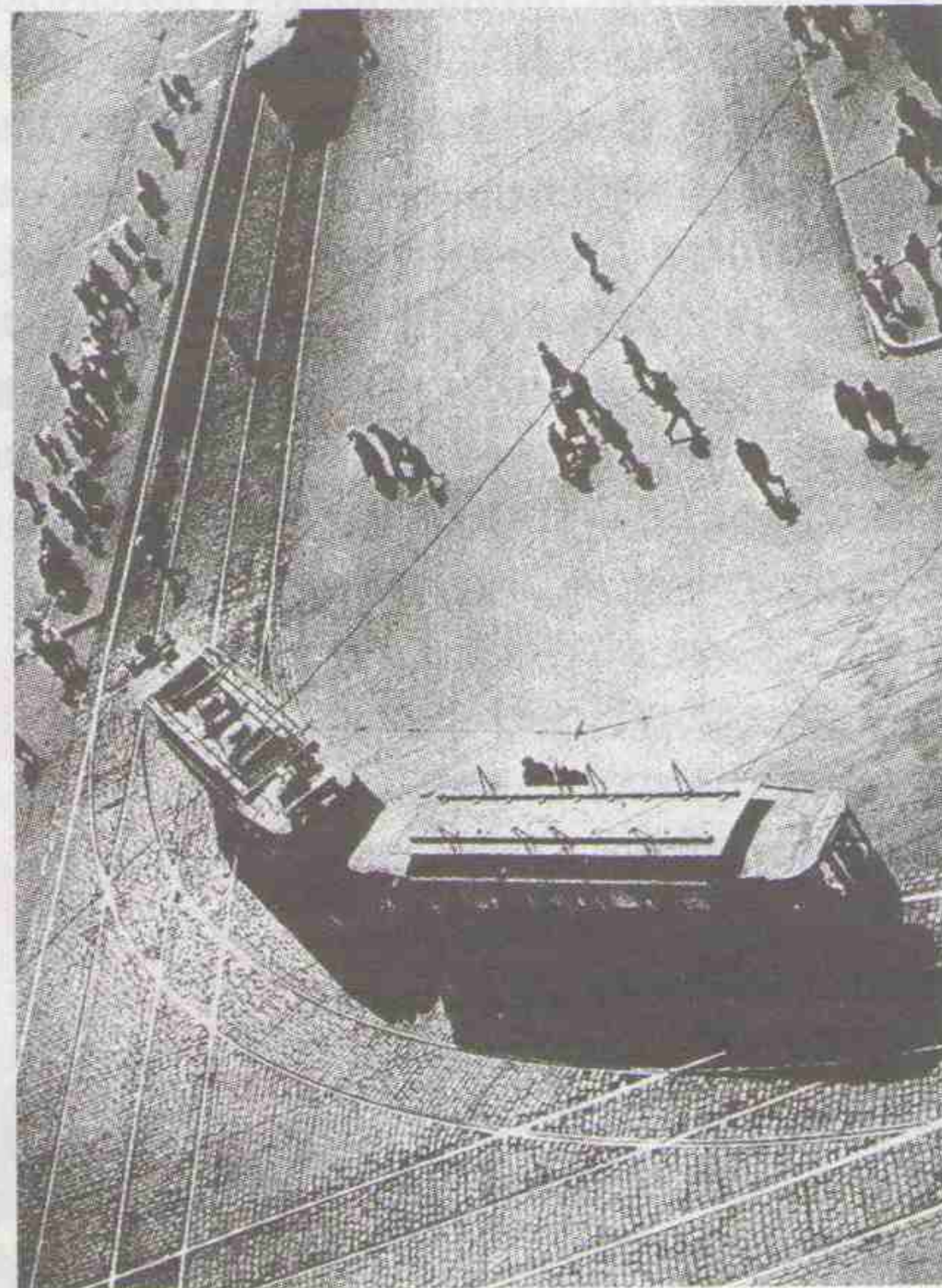
Родченко объездил всю страну. Он взбирался на заводские трубы и на крыши трамваев, залезал в канализационные люки, чтобы «ухватить» ракурс снизу, и поднимался на воздушном шаре. Вот как Родченко снимал скачки на московском ипподроме: «Он лег на край скаковой дорожки и оттуда снимал. А тем, кто был рядом, сказал, то лошадь никогда не должна наступать на человека. Ей не полагается».

Ему было скучно снимать «от пупа», когда фотоаппарат, как пылесос, «всасывает» все подряд. Родченко ищет

одно поколение профессиональных фотожурналистов. Его работы хранятся в крупнейших музеях мира. За ними гоняются коллекционеры, готовые платить – даже за сомнительного «Родченко» – любые деньги. И это при том, что наследие фотохудожника огромно. Его архив так велик, что на сканирование негативов Московский дом фотографии потратил четыре года!

Он был мастером на все руки. Оформлял советский павильон для Всемирной выставки 1925 года в Париже. Придумывал костюмы, декорации и даже складную мебель для постановки «Клопа» Владимира Маяковского. В качестве художника его приглашали в свои картины знаменитые режиссеры Сергей Эй-

необычный ракурс, «невозможную» точку съемки. Он снимает вертикальные линии как горизонтальные и наоборот. Он «опрокидывает» перспективу и наслаждается произведенным эффектом. Он «прилипает» к человеку так близко, что лицо на фотографии становится почти уродливым – и одновременно необычайно привлекательным. Для чего ему это было нужно? Мастер заставляет наш глаз трудиться, а нас самих понять, что мы довольствуемся лишь малой частью зримого мира.

В 30-е годы Родченко подружился с «Пионером». Он в нем работал. В то время в редакции журнала собрались молодые, по-хорошему нахальные журналисты, которым претила рутина. В редакции висел самодельный лозунг: «Мозги должны работать!» Вот как Родченко помогал решать эту задачу: «Некоторые фото в журнале «Пионер» превращались в загадки. Я залезал, например в какую-нибудь трубу и снимал изнутри просветы. Получалась композиция из светлых концентрических колец. Я вставал под лестницу или у стены дома и снимал вертикально вверх уходящую в небо конструкцию. Загадка была в том, чтобы разгадать, где верх или низ у такой фотографии».

Разумеется, Родченко снимал и пионеров. Но как! Начнем с того, что снимать их – невероятно трудное дело. Чуть что – и получите «штамп». Слюняво-умилительный, с прилизанными детками в галстучках, или громохвато-плакатный, на котором нет места живому взгляду и живой улыбке.

**«ПИОНЕРКА», «ОТДАЮЩИЙ САЛЮТ»,
«РАЗВОРОТ ТРАМВАЯ».**
Так работал мастер.

В 1930-м году Родченко снял своего «Горниста». «Где вы видели таких юных ленинцев? – с негодованием спрашивали фотографа. – Разве в этом грубом зверином узле мускулов и топорном образе лица можно узнать живое, радостное, открытое лицо младшего поколения коммунистов?»

Никто и никогда не видел таких пионеров? А вы представьте, что к трубачу приблизился маленький мальчик. Как ему еще смотреть? Единственно возможным способом – задрать голову кверху и глядеть на пионера с «низины» своего роста. И он увидит то, что подсмотрел фотоаппарат Родченко.

«Трубач» и похожие на него снимки здорово напортили мастеру. Родченко исключили из творческого союза. Перед ним наглухо закрылись двери редакций и издательств. Что оставалось

делать? Мастер дал обещание «создавать вещи, в которых фотографический язык служил бы полностью социалистическому реализму».

Родченко показывал человека новой России таким, каким его желали видеть. Налитые мускулы, волевые подбородки, прямой взгляд вперед и немного вверх – эти парни и девушки остались на снимках Родченко живым воплощением давно отшумевшей эпохи.

И все-таки Родченко «исправился» не до конца. Из пропагандистских сюжетов по заданиям редакций он ухитрялся «выжать» максимум живого, настоящего, человеческого.

Дочь Родченко вспоминает, что отец обожал показывать фокусы. Он клал на лысую голову тарелку – и она держалась, как приклеенная. Мастер расхаживал с тарелкой на голове по комнате, и детвора визжала от восторга.

Вот бы снять его в эту минуту! Крупным планом, ракурсом снизу, как гениального «Трубача»!

ЭТО РОДЧЕНКО

Валентин Михайлович Полонский – человек известный. Доктор наук, профессор, член-корреспондент Российской Академии образования. Маститый ученый, автор солидных монографий (кто не знает, что означает это слово, пусть посмотрит на самую толстую книгу в своей библиотеке) и огромного количества научных статей. Если бы все ученики и последователи Валентина Михайловича выписали «Пионер», тираж журнала сразу бы подскочил. Жаль, что это не приходит им в голову.

Профессор Полонский обладает массой разнообразнейших талантов. В юности был неплохим боксером. Написал несколько смешных рассказов. Прекрасно снимает. Он – неутомимый путешественник, побывавший во многих странах, на разных континентах. Прилично разбирается в компьютерах. А еще Валентин Михайлович – остроумный собеседник и великий эрудит. Негромким мягким голосом, посмеиваясь и отпуская ироничные замечания, он овладевает вниманием любой аудитории. И, что удивительно

но для педагога, не обижается, когда его перебивают.

О заслугах и талантах Валентина Михайловича Полонского можно рассказывать долго. Но

мы не станем этого делать. Сказать правду, нас больше интересует не мэтр педагогической мысли, а некто Вова Полонский, шестиклассник одной московской школы, пятьдесят четыре года назад вместе с товарищами совершивший путешествие в заповедник Аскания-Нова. Об этом примечательном событии в далеком 1953-м году рассказал журнал «Пионер».

Так уж не родственник ли он профессору?

– Почему «родственник»? – удивился Валентин Михайлович.

– Я и есть. Могу фото предьявить. Вот он я, – верхом на коне. А вот мои друзья. Рядом. Убедились?

– Там был Вова.

У вас другое имя.

– Вовой меня мама звала. Нравилось ей так меня называть, и все. А Валентин я «официально», по документам. Одно имя другому нисколько не мешало. Чтобы убедить вас окончательно, что я – я, могу показать 6-й номер «Пионера» за 1953-й год. Он до сих пор у меня хранится. Хотите – вместе прочитаем, как было на самом деле?

– Еще как хотим. Давайте!

Скакать на коне и

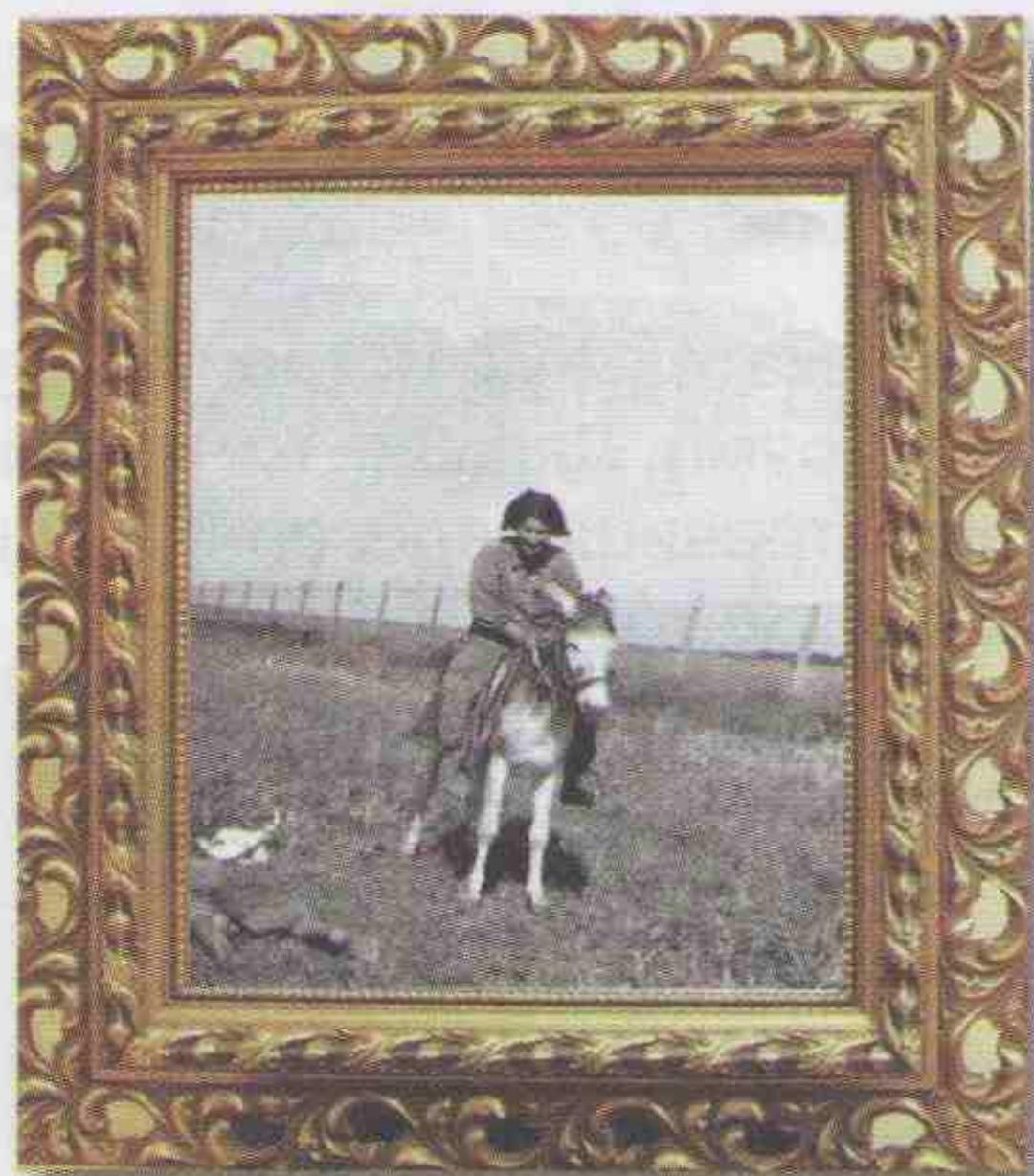

петь песню

ПУТЕШЕСТВИЕ

к необыкновенным зверям

Очень интересно заниматься в кружке юных биологов Московского зоопарка. Мало того, что мы наблюдаем и ухаживаем за всякими зверями, зоопарк каждое лето устраивает для нас интересные путешествия в заповедники. Прошлым летом мы были на Украине, в степном заповеднике Аскания Нова. Там разводят и акклиматизируют — приучают к здешнему климату — животных, которые родом из самых различных мест: из дальневосточной тайги, из американских прерий, с кавказских гор, из африканских саванн и европейских лесов.

Много интересного и нового увидели мы в Аскании-Нова. Удивляться начали еще по дороге, когда машина везла нас от станции: первый раз в жизни нам удалось увидеть миражи. Кругом, куда ни глянь, раскинулась степь, и от ветерка волны прокатывались по ковылю. Все было видно до самого горизонта. Мы знали, что здесь нет никаких озер, и вдруг заметили, что вдали блестит вода, а вокруг нее темнеют деревья. Машина проехала немного дальше, и вдруг вода исчезла, и снова была только степь. Потом в другом месте снова появилась блестящая полоска воды. Мы ясно представили себе то, о чем раньше читали в книжках: замученные зноем и жаждой караваны движутся в пустыне, обманутые миражом люди спешат к воде, но исчезает мираж, и нет никакой воды, и кругом опять раскаленные пески.

Потом мы вдруг заметили вдали стадо бизонов. При виде машины они убежали, но мы узнали, что не всегда бывает так. Один раз бизоны пытались напасть на легковую

машину, а в другой раз долго гнались за мотоциклом, только не смогли догнать. А уж если бы догнали, плохо пришлось бы мотоциклисту! К счастью, бизоны не такие быстрые, они большие, тяжелые, большеголовые, куда больше обыкновенного быка.

В заповеднике нас очень приветливо встретили. Директор рассказал и объяснил нам все. А потом познакомил с сотрудниками и сказал, кто из ребят с кем будет работать.

Среди наших новых знакомых была и тетя Катя, которая ухаживает за молодняком антилоп. На воле антилопы сами кормят своих детенышей. Здесь, в заповеднике, маленьких антилоп выпаивают, как обыкновенных телят, а антилоп доят, как домашних коров. Мы смотрели, как тетя Катя поит маленьких антилоп из поилки, а потом вытирает малышам мордочки полотенцем.

Эльба, теленок антилопы-гну, очень любит тетю Катю, подбегает к ней, как только увидит, ласкается. Тетя Катя гладит ее, почесывает, и Эльба очень довольна, хотя сначала она была самой дикой, самой пугливой и недоверчивой из всего молодняка. Вообще телята антилопы-гну и канн гораздо хуже приручаются, чем телята домашней коровы или зебу, которую в Индии разводят как молочный скот. Это объясняется тем, что родители маленьких гну и канн — дикие животные, и у молодняка сохранились инстинкты диких родителей, а коровы и зебу, много столетий назад прирученные человеком, уже утратили эти дикие инстинкты. Они одомашнены.

Когда мы в первый раз вошли в загон молодняка, антилопы-гну сейчас же вскочили и отбежали в сторону. Телята коровы и зебу лениво поднялись и через некоторое время подошли и стали нюхать протянутый им хлеб. Молодые антилопы все это время стояли вдалеке и смотрели в нашу сторону, а при малейшем движении начинали испуганно бегать по загону.

Мы видели двух взрослых антилоп-канн, как раз тех, которых доят. Одну зовут Венеркой, а другую Нигерией. У обеих характер неважный. Нигерию доят в особом станке, так, чтобы она не могла ни лягнуть, ни ударить рогом. А Венерку нельзя ставить в станок, ее приходится просто привязывать за рога, потому что она боится станка, начинает биться и может разнести его в щепки.

Много было у нас разных приключений, особенно когда мы ездили в степь, где стада пасутся на воле. Во-первых, пришлось научиться ездить верхом, потому что олени и антилопы подпускают к себе совсем близко всадника, а пешего или боятся или, наоборот, нападают на него.

Тетя Катя кормит антилопу.

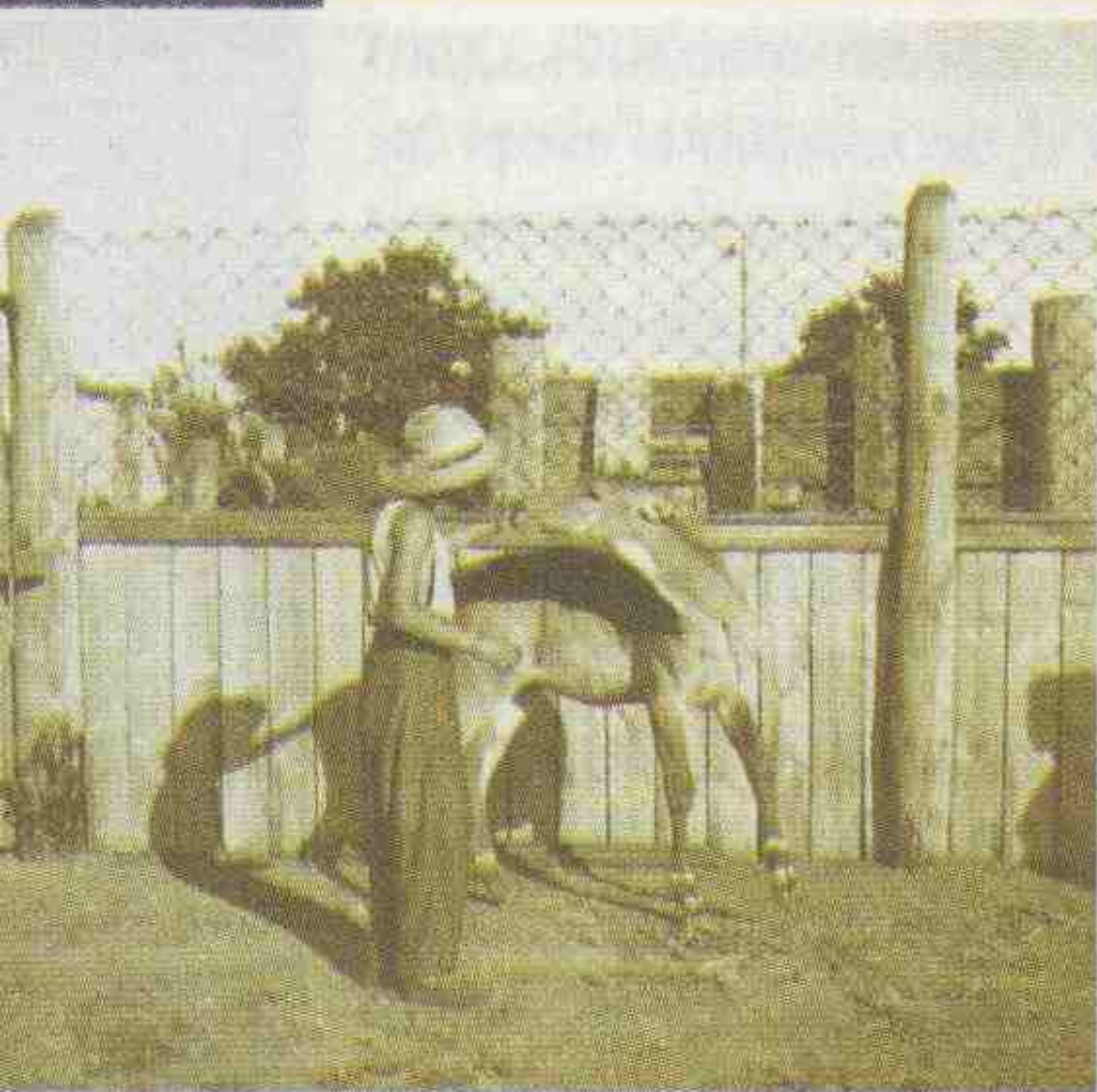
Иногда приходилось ездить не на лошади, а на ослике. Это было просто мучение. И смех и горе! Из конюшни он еле-еле шел, потом неожиданно останавливался посреди дороги, и с места его не сдвинешь. Зато на обратном пути он летел сломя голову, так, что не удержишь. Не раз случалось вылетать из седла ребятам, пользовавшимся «ослиным транспортом». У осла есть еще один недостаток — его совсем не боятся зебры, бизоны и антилопы-гну: он ведь маленький. Если завидят, со всех ног мчатся и нападают на него и на людей. Нам всегда давали лошадей, но иногда мы стеснялись просить и однажды чуть не поплатились за это. Мы возвращались из степи, где проводили наблюдения. Нас было трое, и на троих — один ослик. Мы были уже близко от ворот, но и стадо гну было недалеко. Почуввав нас, вожак насторожился и повернул в нашу сторону.

Антилопы увидели пешеходов и ослика и ринулись в «атаку», а мы, конечно, от них к воротам. Когда мы уже почти добежали до ворот, то вспомнили, как можно избавиться

от преследований. Гну боятся высоких предметов: достаточно поднять вверх шляпу на палке, и они отступают. Так мы и сделали. Гну остановились и повернули обратно.

В Аскании живут южноамериканские страусы эму и нанду. Есть и африканские страусы. Страусы приспособились к украинской степи и чувствуют себя как дома: несут яйца, высиживают птенцов. Впрочем, на помощь страусам пришла техника. Большинство страусят выводится в инкубаторах. Страусята очень забавные и совсем ручные. Сотрудники страусятника на прощание подарили нам несколько больших страусиных яиц, и мы благополучно довели их до Москвы. Ни одно яйцо не разбилось в дороге. Мы часто вспоминаем Асканию-Нову, особенно когда получаем оттуда письма от своего друга, пастуха дяди Сережи.

Вова Полонский, Таня Евгеньева,
члены кружка юных биологов
при Московском зоопарке.

Тоже кое-что знаем...

54 ГОДА СПУСТЯ,

или Что было дальше

Как часто, дочитав какую-нибудь увлекательную историю до конца, не хочется расставаться с ее героями. Дальше-то что с ними было? Да как узнаешь? Последняя страница перевернута, писатель далеко, герои разбрелись по своим житейским делам.

Но на этот раз нам повезло. Вот он, Вова Полонский, — собственной персоной. Он все еще «в седле». Только с маленькой, длиной в пятьдесят четыре года, поправкой на промелькнувшее время. Эта поправка «отлилась» в классическую профессорскую внешность: очки в тонкой оправе, короткая стрижка серебристых остатков былой шевелюры, мягкие манеры. А взгляд — озорной, лукавый.

Что ж, Валентин Михайлович, раз такое дело, давайте мы с вами вместе «допишем» давнюю заметку в «Пионере». Выкладывайте, что с вами дальше было!

— Что было дальше? Дальше была жизнь. Кстати, насчет очков. Красиво вы «завернули». Только это у меня не профессорское приобретение. Врожденная близорукость, знаете ли. Я в детстве даже особые металлические очки носил, с крохотными отверстиями посередине. Чтобы взгляд правильно фокусировался. А когда появились контактные линзы, я их в числе первых примерил. Тогда их делали не из мягкого гибкого полимера, как сейчас, а из стекла. Такие линзы приходилось надевать и снимать с помощью особой присоски. Намучаешься с ними. Зато скольким пацанам я морочил тогда голову! Беру остро заточенный карандаш и предлагаю: «Сейчас я ткну себе карандашом в глаз, и мне ничего не будет. Спорнем?» «Брехло!» Тычу. В линзу, разумеется. И не со всего размаха. Немая сцена. Потом начинают хохотать: «Да ну, у тебя вместо глаза — стеклянный протез. Ты во второй ткни». Тычу. Вижу отвисшие челюсти и вытянувшиеся физиономии. Почему-то эта моя «способность» невероятно раздражала. Некоторые даже в драку лезли. Позднее я понял, из-за чего. Человек больше всего злится, если ему не удастся объяснить непонятные вещи простыми причинами.

А в той заметке про нашу поездку не все рассказано. Кое-что редакция вычеркнула. Да и я не про все написал. Например, как мы в поезде ехали. На мне, как на самом шустром, решили сэкономить. Купили мне билет «без места». И катил я до самой Аскании на третьей полке, под потолком. Там еще привязные ремни были для чемоданов, чтоб они людям на головы не сыпались. Я тоже привязался.

Еще мы везли с собой из Москвы ручную ласточку-береговушку. Ее Аня Герман выходила, когда та птенцом из гнезда выпала. Эти птицы почти не приручаются, а Аня сделала из нее свою «подружку». В Аскании ласточку выпустили. А она полетает-полетает — и обратно к Ане. Сядет на плечо и щебечет — рассказывает, где была.

Мы проводили в Аскании наблюдения, фотографировали, помогали старшим. Хотя многого от нас не требовалось. Моя, например, «научная» деятельность состояла в том, что я выяснял, с какой скоростью дикие животные улепетывают от человека. Экспериментально. За страусами нанду я гонялся на своих двоих. Уже почти догонишь, протянешь руку... А нан-

ду захлопает крылышками да как рванет на «третьей космической» – только пыль столбом, как за гоночным автомобилем.

За крупными зверями я носился на резвом скакуне. На нем было легко догнать любого зверя. Кроме оленей и сайгаков. Олень способен резко менять направление движения. Ты уже в шаге от него, а он раз – и свернул под прямым углом. У лошади не та координация, пока повернешь ее, оленя и след простыл. С сайгаком другая история. Бегун он, конечно, выдающийся, но невероятно глупый. Набрав скорость, несется напролом, ничего не видя перед собой. И если добежит до заградительной сетки – бросится на нее и расшибется до смерти. Так что с сайгаками нам категорически запрещалось гонки устраивать. Да мы и сами понимали, что можно, а чего нельзя.

Хотя, если откровенно, порой все же не чуждались рискованным «научным экспериментам». Однажды мы с Герой наткнулись на степную гадюку. Грелась себе на солнышке. Или охотилась на полевок. Мы накрыли ее коробкой, а потом затолкали в жестянку из-под кофе, в которой уже сидели два жука-скарабея. Вернувшись домой, приоткрыли крышку. Один жук прокушен гадюкой насквозь. Второй бодро перебирает лапками, а сама гадюка не шевелится. Задыхнулась. Виноваты!

Хватало в заповеднике и животных, которые сами за нами гонялись. Ну, да об этом в той старой заметке сказано.

В Аскании нас была целая компания веселых московских ребят. Многие потом связали свою жизнь с биологией. Все мои друзья защитили диссертации, стали докторами наук. Аня Герман, «ласточкина хозяйка», кроме всего прочего, еще и полиглот. Она знает... сколько бы вы думали? Деятнадцать языков! Аня давно живет в другой стране. Но Асканию – я уверен – помнит отменно. Кого-то из нашей тогдашней ватаги уже нет в живых. Что поделать.

Давно нет на свете и тети Кати. Я говорил, что уход за антилопами – занятие не безопасное. Года через два после нашего визита тетю Катю сильно ударила почти ручная антилопа. Никто не знает, почему, из-за чего. Врачи пытались спасти женщину, но удар оказался смертельным. Так жалко...

Спустя двадцать с лишним лет я снова побывал в Аскании-Нова. На этот раз один. В заповеднике по какой-то причине был карантин, и меня не хотели селить в маленькой гостинице. Между делом я разговаривал с женщиной-адми-

нистратором. И вдруг оказалось, что она – дочь той самой тети Кати! Вопрос о моем поселении решился мгновенно. Невзирая на все запреты.

Сын нашего друга, пастуха дяди Сережи, стал в заповеднике авторитетным человеком – бригадиром. Он мне тогда тоже крепко помог. Спасибо ему.

А теперь я отвечу на вопрос, который вертится у вас на языке с самого начала нашей беседы. Вы хотите знать, что стало со страусиным яйцом, которое я привез домой из Аскании? Представьте себе – целехонько! Оно все так же напоминает мне о моем далеком детстве. О верных друзьях, о жарком степном солнце, о свистящем в ушах вольном ветре и о нашем удивительном путешествии к необыкновенным зверям, о котором поведал юным читателям любимый журнал. Я многое повидал в жизни. Но это воспоминание – одно из самых незабываемых воспоминаний моей жизни.

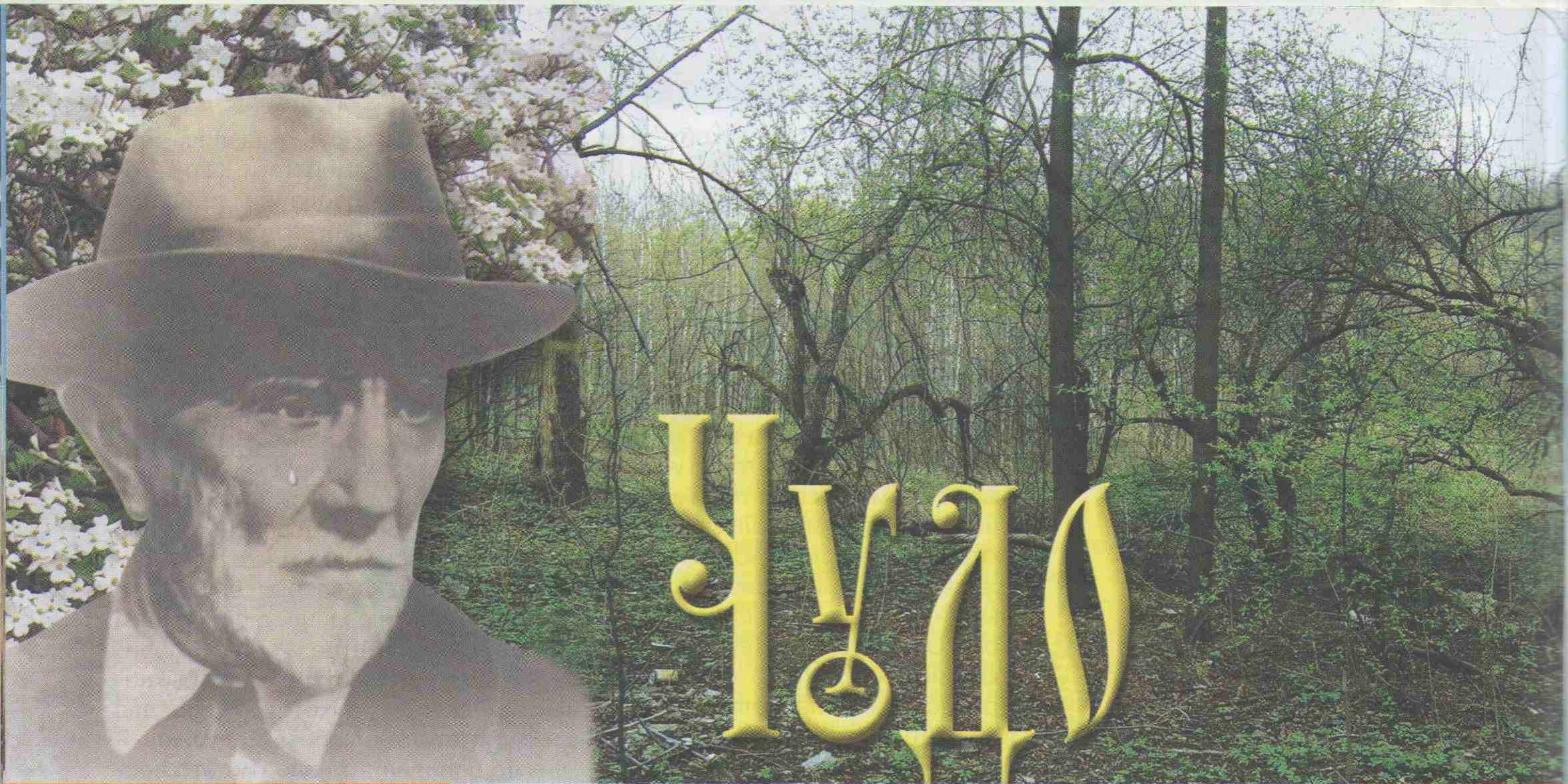
А еще я вывел для себя формулу счастья. Как и у всякого человека, случались в моей жизни по-настоящему счастливые деньки. Все они мне памяты, все дороги моему сердцу.

Но *наивысшее счастье* – лететь на коне по волнам колышущегося ковыля сквозь солнечное марево, во все мальчишеское горло распевая лихую песню: «Хорошо в степи скакать, свежим воздухом дышать!»

Теперь Аскания - Нова – за граница...

или Прогулки по угасшему саду
в поисках утраченного
волшебства

На Яузе

... На окраине Москвы, в Сокольниках, на берегу Яузы, раскинулся большой сад. Зеленый забор опоясывает участок в пять гектаров. Над забором виднеются ветви яблоневых грушевых деревьев со зреющими плодами. Далеко разносится тонкий аромат цветов. У входа синее вывеска: «Центральная станция юных натуралистов и опытников сельского хозяйства».

Журнал «Пионер», 1951-й год.

Вместе с заместителем директора Федерального детского эколого-биологического центра Клавдией Васильевной Сенчиловой мы пробираемся сквозь густые заросли, придерживая друг перед другом лезущие в глаза ветки. Под ногами трещит сушняк. Взгляд поминутно упирается то в высохший прошлогодний бурьян, то в битый кирпич, то в ошметки тряпья и рваной бумаги. Трава еще не выросла. Зелень кустов и деревьев не успела занавесить картину запустения, и она предстает во всей своей наглой и одновременно жалкой наготе.

Где же сад? Из кустов то тут, то там высываются ветки старых яблонь. Им совсем худо. Деревья доживают свой век, как больные, брошенные родными детьми старики. Собственно, от сада мало что осталось. Он почти полностью слился с диким древесным «самосеем».

— Был еще и абрикосовый сад, — грустно говорит Клавдия Васильевна. — Вымерз в студеную зиму. Сорт... «Товарищ»! Абрикосы такие красивые, крупные, один в один. Оставалась у нас где-то баночка консервированного компота — загляденье. Некоторые деревья еще плодоносят, но мало, еле-еле. Зато абрикосы сладкие-сладкие. Таких не встретишь больше нигде.

Здесь мы должны сделать небольшое историческое отступление. Сокольники испокон веку считались дачной местностью. У закраины

Лосиног острова состоятельная публика издавна строила дачи, а городская управа — лечебницы для «легочников». В начале лета сюда перебиралась вся Москва. Переезжали «целиком», с домашним скарбом. Дача-то не собственная, а съемная, и хозяин ничего, кроме пустых комнат, не предоставлял. Для извозчиков это было самое добычливое время. С утра дворников посылали на извозничью биржу — «рядиться». На тележную платформу громоздили диваны, шкафы, стулья кверху ножками, комоды, самовары, канареек в клетках, кошек в корзинах, фикусы в кадках... Обвязанные веревками обозы двигались в Сокольники — кто по Мещанской, через старинное село Алексеевское, кто по Стромынке. Великое летнее переселение наминало «оставление столицы» при нашествии Наполеона.

В революцию заведенный порядок выдохся. Некому стало ездить. Незачем, не на чем, да и не на что. Дачи стояли темные, заколоченные. Некоторые сгорели, в иных обитала всякая городская шпана. Кое-что реквизирувала новая власть.

В 1918-м году Сокольнический райсовет отдал одну бывшую купеческую дачку в Ростокинском проезде под биологическую станцию любителей природы. В Сокольниках тогда начальствовал хороший детский врач Иван Васильевич Русаков (его именем названа престижная московская больница).

Иван Васильевич понимал, что делает. Природа природой, но голова у него пухла от других забот. Москва, а с ней и вся

Россия содрогалась от мучительных приступов кашля туберкулезных детей. Их были сотни тысяч. В России, «которую мы потеряли», от туберкулеза умирали не одни лишь бедняки. Скольких писателей, художников, ученых, военных, учителей, инженеров, деловых людей свела в могилу безжалостная чухотка! Почитайте Достоевского, Лескова, Гаршина. В Европу «на воды» ехали тысячи русских семей. Еще больше – за Волгу, «на кумыс». Бедные умирали без всякого лечения, безропотно и обреченно.

Добавила горя Первая мировая. По России бродили толпы беспризорников. И у каждого третьего – туберкулез. Нельзя сказать, что в «старой» России ничего не делалось для их спасения. Но – мало, робко, «лоскутно», от случая к случаю.

В 1918-м за непобедимую болезнь взялись по-настоящему. Правительство учредило комиссию по детскому туберкулезу, наделив ее широкими полномочиями. Повсюду создавались клиники, лечебницы, лесные школы. В Сокольниках таких школ были десятки. Со всей Москвы сюда свозили больных детей. Задача ставилась просто – спасти ребят от голода и хвори.

Но вот детей подлечили. У них перестало урчать в тощих животах от голода. А дальше что с ними делать? Учить! Хотя бы – наблюдать природу. Благо что в Сокольниках она сама ломилась в распахнутые окна детских лечебниц и лесных школ.

У Русакова нашелся единомышленник – учитель биологии Борис Всесвятский. Он и стал первым директором Станции юных любителей природы. Раздобыли небольшие аквариумы, вольеры для птиц, террариум, поставили улей с пчелами. А первый опытный участок, громко именовавшийся «Дарвиновской площадкой», знаете какого размера был? Два на два метра! И все равно дело пошло. Первыми юннатами стали воспитанники лесных школ. Но бывшим беспризорникам было скучновато в своей компании. «Летучие отряды» отправились в городские школы – агитировать «домашних» ребят за главный лозунг юннатского движения: «Ближе к природе!»

И, представьте себе, сагитировали! Про Биостанцию юных натуралистов имени К.А.Тимирязева – так она теперь называлась – узнали не только в Сокольниках, но и во всей Москве. Не было отбоя от желающих записаться в разнообразнейшие кружки – юных орнитологов, звероводов, цветоводов, опытников, садоводов, агрономов. Со всей страны в Ростокино шли письма: подскажите, посоветуйте, пришлите... И – подсказывали, советовали, присылали. Никому не было отказа.

* * *

Давно, почти тридцать лет назад, сюда, на берег Яузы, пришли первые московские школьники – любители природы – со своими педагогами. Корчевали пни, убирали щебень с пустыря, сажали первые деревья...

Журнал «Пионер», тот же номер.

Юннатское, а с ним и экологическое движение основаны на «живите» и «возьмите». Увидел задыхающийся родник – вернул жизнь его струям. Нашел выпавшего из гнезда птенца – вылечил и отпустил на волю. Вывел новый сорт чего-нибудь полезного – поделился с людьми. Вырастил цветы – подарил хорошему человеку. Об одном удивительном факте поведал читателям «Юннатский вестник». В 1955-м году ребята из Владимирской станции юннатов «Патриарший сад» преподнесли землякам 540 роскошных букетов! «Это ж сколько бабла можно было срубить! – вздохнет хозяин цветочной палатки за Ростокинским мостом. – Дурачье!»

Между тем юное это «дурачье» бескорыстно и абсолютно осознанно подарило нам массу вещей, которыми мы охотно пользуемся до сих пор. Принимая как должное.

А ведь прежде, чем в Ростокине поселились юннаты, все здесь выглядело иначе. Топкие берега петливой Яузы были безлесны. В болотах блаженствовали лягушки, а заросли осоки подбирались к железной дороге. Откуда взялось это зеленое роскошество? Это потом укоренившийся лес воспроизводит себя сам. Но сперва его нужно посадить и выходить.

В 20-30-е годы прошлого века юннаты высадили в Сокольниках, Богородском, Ростокине – без преувеличений и натяжек – сотни тысяч саженцев. Несколько лет подряд весной и осенью на посадке деревьев ежедневно работали от 300 до 600 детей. Только за один майский день 1926 года ребята высадили 9 тысяч (!) сосенок. Саженцы они вырастили сами, из семечек, посеянных за два года до этого.

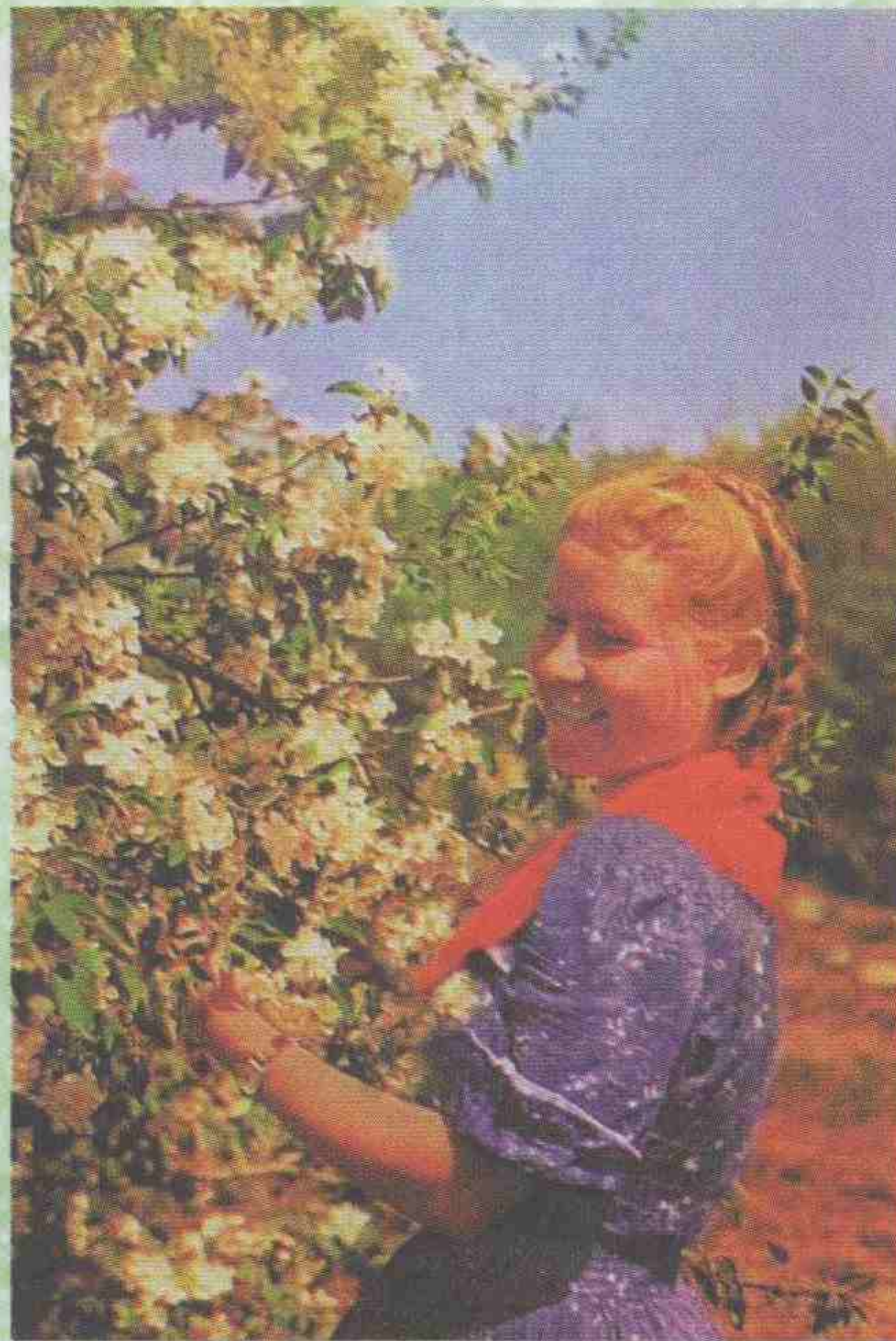
Сегодня давние юннатские посадки – внушительная часть лесного обрамления столицы. Того самого, которое громко именуют зелеными легкими Москвы.

* * *

Вверху: «Беспризорных привезли!»
Внизу: 1926 год. Сокольники. «Идем сажать лес!»

Вот он, юннатский сорт яблок Синап северный. Справа – лимонник, подаренный самим Мичуриным.

Чтобы помочь школам, станция вырастила примерный школьный сад. Он занимает всего полгектара. Такой сад можно развести у каждой школы. Здесь все наглядно: смотрите, срисовывайте, берите саженцы и черенки. Ряды выстроились яблони с гладкими, будто отполированными стволами, с густой кроной. В углу сада два куста оплели своими ветвями подпорки. Это актинидия. Ее привезли Мичурину из Приморья, с Дальнего Востока, а он подарил ее юннатам. Рядом растет дикое дальневосточное растение лимонник. Плоды его витаминознее лимона!

Журнал «Пионер», тот же номер.

Мы выбираемся на дорогу и идем вверх, в другой сад. Похоже, это и есть тот самый «примерный» школьный сад, про который писал «Пионер». Другой он не только количественно. Здесь и правда все по-другому. Я мало смыслю в садоводстве, но вижу, что все в нем сделано по уму. Деревья ухожены, кусты подстрижены, за опрятной оградой – ни соринки, ни единой сухой веточки. Представляю, какая здесь будет красотища, когда деревья зацветут.

– Вы спрашивали про актинидию, – говорит Клавдия Васильевна. – Вот она, уцелела.

Издали актинидия напоминает одновременно шалаш и огромный муравейник. Выглядит растение самоуверенно и солидно: «Что смотришь? Живу я тут!»

– А лимонник? Тот самый, у которого плоды витаминознее, чем у лимона?

– Лимонника нет. И про выведенный у нас Синап северный ничего не скажу. Надо бы у «стариков» поспрашивать...

Что же стало с юннатским движением? В наши реалистичные времена оно переживает не лучшие дни. Но главное, оно выжило. Отчасти из-за моды на все «экологическое». Но больше – из-за подвижнической «упертости» бывших юннатов, нынешней уже не слишком юной элиты организаторов и практиков биолого-экологического воспитания российской детворы.

В стране сегодня около 400 станций юных натуралистов и детских эколого-биологических центров. Кто-то живет сносно, кто-то еле-еле сводит концы с концами. Многие закрылись. Кого-то «слили» с другими детскими учреждениями.

Что же выросло на освободившихся «площадях»? Банк, гараж, элитный коттедж? Все это очень важные для страны объекты. Но кто из них возьмется... вырастить лес? Для других. И притом – не требуя внести предоплату?

Я смотрю на усыхающую, как шагреневая кожа, территорию «детской» России. Повисли паруса пионерских флотилий. Повально закрылись детские кинотеатры. В попытке выжить ТЮЗы ставят спектакли, которые детям смотреть невыносимо. Уже и мечтать перестали о новых фильмах для детворы, а цены на детские книжки взлетели до заоблачных высот. Если не брать Москву, все *детское*, что еще дышит, шевелится, занимает место под солнцем, – из того, прежнего времени. Страна донашивает старое добро, как в многодетных семьях друг за другом донашивают штаны и ботинки. Что дальше?

* * *

На станции выросло несколько поколений юных натуралистов и опытников. Первые юннаты давно стали педагогами, агрономами, научными работниками, садоводами. За ними пришли новые ребята. Так будет всегда. И всегда юннатский сад будет служить людям.

Журнал «Пионер», тот же номер.

А вот на эту тему Клавдия Васильевна разговаривает не слишком охотно. Что произошло? Почему бывшая Центральная станция юных натуралистов, нынешний Федеральный детский эколого-биологический центр, выглядит так странно? Умирающий сад – и прилично отремонтированное здание (с которым еще, правда, хлопот да хлопот). Отодвинутые на задворки груды мусора – и явственное ощу-

щение, что после долгой «атомной зимы» все здесь начинает потихоньку оживать. Наконец, слово прозвучало: «Захват».

Это для «лоха» ограда вокруг Центра – ограда. Юннатский сад – сад, клумбы – клумбы, Синап северный – сорт яблок, а вальяжно разлегшаяся в «Живом уголке» гребенчатая игуана – всего лишь типичный представитель отряда ящериц из семейства игуановых. Для сметливого человека все это вместе называется одним ласковым словом – недвижимость. И недвижимость не маленькая. Аппетитный кус земли, крепенькое здание. Это при нынешних-то московских расценках...

Война с «новыми хозяевами» была долгой и изнурительной. Вернулись в здание чудом. Отбились не без потерь. Устав от нервотрепки, ушли грамотные специалисты. Еще и сейчас у горизонта ходят-бродят тучи. Все ли закончилось?

Кто стоял за этими цепкими ребятами? Сотрудники переглядываются и разводят руками: «Разве докопаешься? Да и...» Понимаю. Ну, докопался ты. Сам же потом горько пожалеешь.

Так или иначе, но Федеральный детский эколого-биологический центр живет, работает, думает о будущем. Правда, у него совсем другие задачи, чем у бывшей Центральной станции юных натуралистов. Прямым юннатским делом занимается «город». В Ростокине же – штаб российского юннатского и школьного экологического движения. Совсем, кстати, не бесполезная работа. В проектах центра участвуют ребята из всех уголков России – в составе своих «домашних» центров и станций. Есть среди проектов весьма любопытные. Для юных лесоводов – «Подрост». Для исследователей природы – «Малая родина». С номинациями, награждением победителей, слетами. А еще здесь организуют экологические марафоны, конкурсы, экспедиции. Издают неплохой журнал. Даром хлеб не едят, трудятся.

И только одно мне решительно не нравится. На вывеске центра красуется жуткая аббревиатура из

целого вороха букв: ГОУ ДОД ФДЭБЦ. Запомнили с первого раза? Что ни говори, а во времена Русакова и Всесвятского выражались яснее: Станция юных любителей природы. Жаль, что слово «любить» осталось только в старых подшивках.

Мимо сгоревшей дачи знаменитого художника Касаткина я выхожу за ограду. Прямо перед воротами, у бетонного забора, делает маленький бизнес «Шиномонтаж». Рабочий вдохновенно лупит по погнутому диску кувалдой и беззлобно отгоняет от машины замурзанного, лет двенадцати, пацаненка: «Вали отсюда. Еще сопрешь что-нибудь». И, поймав мой вопросительный взгляд, поясняет: «Беспризорный. Развелось их...»

Боже мой, неужто здесь, на берегу Яузы, история замыкает свой круг таким жестоким и нелепым образом?

Когда-то больных и бездомных детей свозили сюда со всей Москвы. Пригреть, накормить, научить видеть добрый зеленый мир шумящих крон, ярких цветов и благоуханных трав. Сажать деревья, дышать на проклюнувшийся из семечка росток... И вот теперь – все сначала, только в обратном порядке?

Но тогда, справедливости ради, нужно отмотать пленку дальше!

И в одно короткое, как ослепительный проблеск молнии, мгновение исчезли тысячи деревьев, десятилетия хранившие тепло детских ладоней. Обнажились низкие берега Яузы, и от открытых бурой ряской болот поплыли густые волны колышущегося тумана. На мгновение он рассеялся, и на месте скромного двухэтажного здания я увидел огромный дикий валун, на котором горели-переливались золоченые буквы, намертво сцепившиеся в чеканный девиз нашей деловитой, не ведающей сантиментов эпохи:

«СДАЕТСЯ В АРЕНДУ».

Анатолий МОРОЗ.

Мы хотели дать фото и про сегодняшние дела центра. Но когда пришли снимать, навстречу вышел... лось. Клавдия Васильевна, не обижайтесь!

САМАНТЫ

Главный вопрос

Георгин «Саманта Смит»

«БЛАЖЕННЫ МИРОТВОРЦЫ»

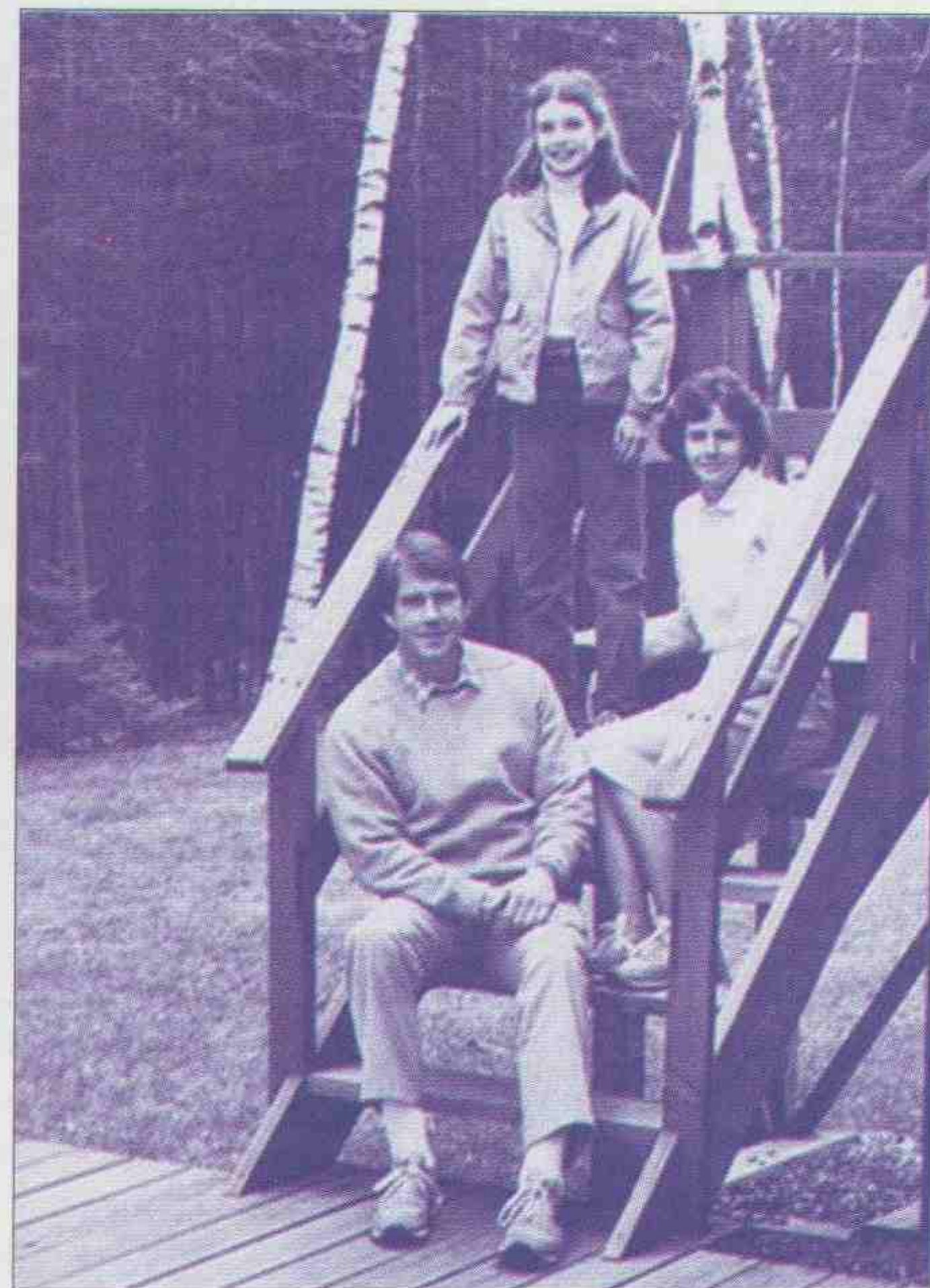
Если бы меня попросили составить список самых выдающихся миротворцев XX века, имя этой девочки я написала бы первым. Благодаря таким, как она, мир не обрушился, планета не рассыпалась в прах и история не остановилась. Хотя скажи об этом самой Саманте, она, наверное, сильно бы удивилась.

А вы что-нибудь про нее слышали? Ответ я знаю. Старшие улыбнутся: еще бы! Те, кому лет 20-25, «что-то такое припоминают». Была, кажется, такая девочка. Что-то кому-то писала. Или делала журавликов из бумаги. Для чего-то ей это было нужно. Ниже этого рубежа, как выражаются сами тинейджеры, – «глухо». И я попросила угадать, предположить. Варианты оказались на один манер: «певица... певица... артистка... певица... подружка Тома Круза... певица... кажется, олимпийская чемпионка... певица... артистка». И, наконец, «Полногрудая американская рок-звезда 80-х годов прошлого века».

Отчасти правильно. Саманта Смит действительно прославилась на весь мир в начале восьмидесятых. А была она самой обычной американской девочкой. Такой же, как нынешние читательницы «Пионеры». И даже чуть моложе. Такой же... Говорю искренне: это была самая красивая и самая обаятельная девочка-подросток из всех, каких я только видела в своей жизни.

В 13 лет она погибла.

Семья как семья...

Что же такого сделала Саманта, – без преувеличения, самый известный ребенок прошлого столетия? Прежде чем попытаться ответить, я хочу сказать, что понимаю затруднительность своего положения. Старшие наверняка уличат меня в неполноте и скороговорке. В том, что я перепутала детали или упустила что-то важное. Младшим же, несмотря на все мои старания, будет трудно понять, почему вдруг две огромные державы, побросав все свои дела, станут напряженно ловить каждое слово обычной девчонки.

Для начала я должна вам кое-что напомнить. Хотя некоторые, возможно, услышат об этом впервые. Никогда в отношениях двух самых могущественных государств планеты не было так много недоверия и враждебности, как в начале восьмидесятых. Американский президент Рейган называл нас «империей зла». У него и шутки были соответствующие. Однажды перед телевизионным обращением, не убедившись, выключен ли микрофон, он произнес: «Хочу сообщить американскому народу: только что я отдал приказ нанести ядерный удар по Советскому Союзу». «Шутку» услышали миллионы людей на всех континентах. Потом Рейган извинялся. Но в душе американцы были довольны: здорово господин президент напугал «Советы». Пусть знают!

Со своей стороны, наши руководители тоже могли не слабо «сострить». Что время от времени и делали. И совсем уж повеяло ледяным ветром, когда руководителем СССР стал Юрий Владимирович Андропов – бывший руководитель зловещего «Кей-Джи-Би». «Быть войне», – мрачно предсказывали аналитики.

СССР и США стояли друг напротив друга, как два грозных авианосца. Борт в борт, ствол в ствол, прицел в прицел, боеголовка в боеголовку. Никто не собирался отступать. Достаточно было искры, чтобы все мгновенно сорвалось в огненную круговерть.

И тут, в момент наивысшего ожесточения и взаимной озлобленности, раздался звонкий девчачий голосок:

– Дяденьки, вы чего? Покатайте на корабле, а?

От неожиданности стороны на минуту отвели взоры от радарных экранов – и увидели лица и глаза друг друга. Пальцы на спусковых крючках и красных кнопках чуть расслабились, но не произошло ничего страшного. И в наступившей тишине кто-то строго спросил: «Кто пустил сюда эту девчонку?»

Но в этом голосе явственно слышалась улыбка.

«УВАЖАЕМЫЙ ГОСПОДИН АНДРОПОВ...»

Все началось с того, что Саманте попался журнал с портретом советского руководителя на обложке. Под ним значилось: «Юрий Андропов: сколько дней до войны?»

– А почему русские хотят с нами воевать? – спросила Саманта у мамы.

Джейн что-то ответила, но ответ Саманту не устроил. И она потребовала дополнительных разъяснений. Мама отправила дочку к отцу. Тот, не отвлекаясь от дел, произнес пару общих фраз и посоветовал получше расспросить маму. Короче, обычная семейная канитель. Что в Америке, что у нас. Наконец, чтобы отвязаться, Джейн посоветовала:

– Ну что ты все пристаешь? Сама можешь у Андропова спросить. Уже большая. Напиши ему письмо.

А почему бы и нет? Она взяла листок бумаги и вывела, стараясь не делать ошибок:

«Уважаемый господин Андропов! Меня зовут Саманта Смит. Мне десять лет. Поздравляю Вас с Вашим новым назначением. Я очень беспокоюсь, не начнется ли ядерная война между Советским Союзом и Соединенными Штатами. Вы за войну или нет? Вы, конечно, не обязаны отвечать на этот вопрос, но я хотела бы знать, почему вы хотите завоевать весь мир или, по крайней мере, нашу страну. Господь сотворил землю, чтобы мы все вместе могли жить в мире и не воевать.

Искренне Ваша, Саманта Смит, город Манчестер, штат Мэн, США».

Между строк читался еще один, крайне важный для девочки вопрос: «Какие вы, русские? С вами и правда можно уживаться на этой планете?»

Саманта нашла конверт с маркой, вложила в него листок и надписала адрес: «Москва, Кремль, господину Андропову».

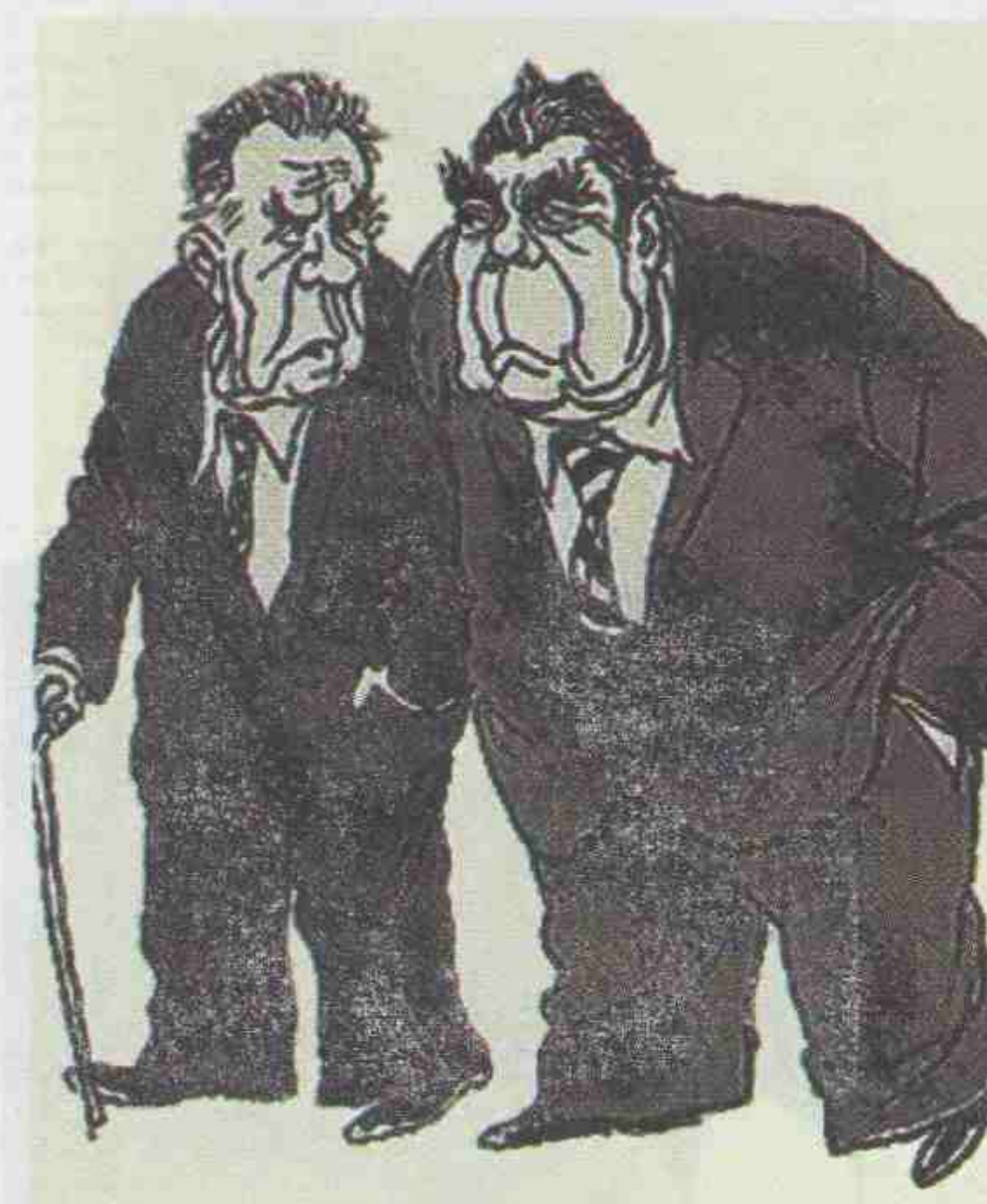
В ожидании ответа она ходила в школу, читала книжки, оправдывалась перед мамой, иногда поругивавшей ее «лентяйкой» и «грязнулей». А еще решала очень важную для себя проблему: кем ей все-таки стать – ветеринаром или балериной? Наконец, решила,

Мы их тогда – так.

... А они нас – так.

Стану ветеринаром, когда вырасту. Или балериной!

**«Dear mister Andropov!...»
«Дорогая Саманта!...»**

Dear Samantha,

I received your letter, as well as many others coming to me these days from other countries of the world.

It seems to me, and I take it from your letter, that you are a girl, resembling in some way Becky, Tom Sawyer's friend from your compatriot Mark Twain. All kids in our country, boys and girls, like this book.

You write that you are worried about our two countries going to war, and whether we will do something to prevent it.

Your question is the most important of those that are close to me. I will respond to it in an earnest and serious manner.

Yes, Samantha, we in the Soviet Union are endeavoring and do believe there will be no war between our two countries, so that there is peace on Earth. This is the wish of everyone in the Soviet Union. That's why we call it the wish of everyone in the Soviet Union.

Soviet people know all too well how disastrous and terrible a war was for our country, which aspired to dominate the whole world, burned and destroyed thousands and thousands of our cities and villages, and killed many Soviet men, women and children.

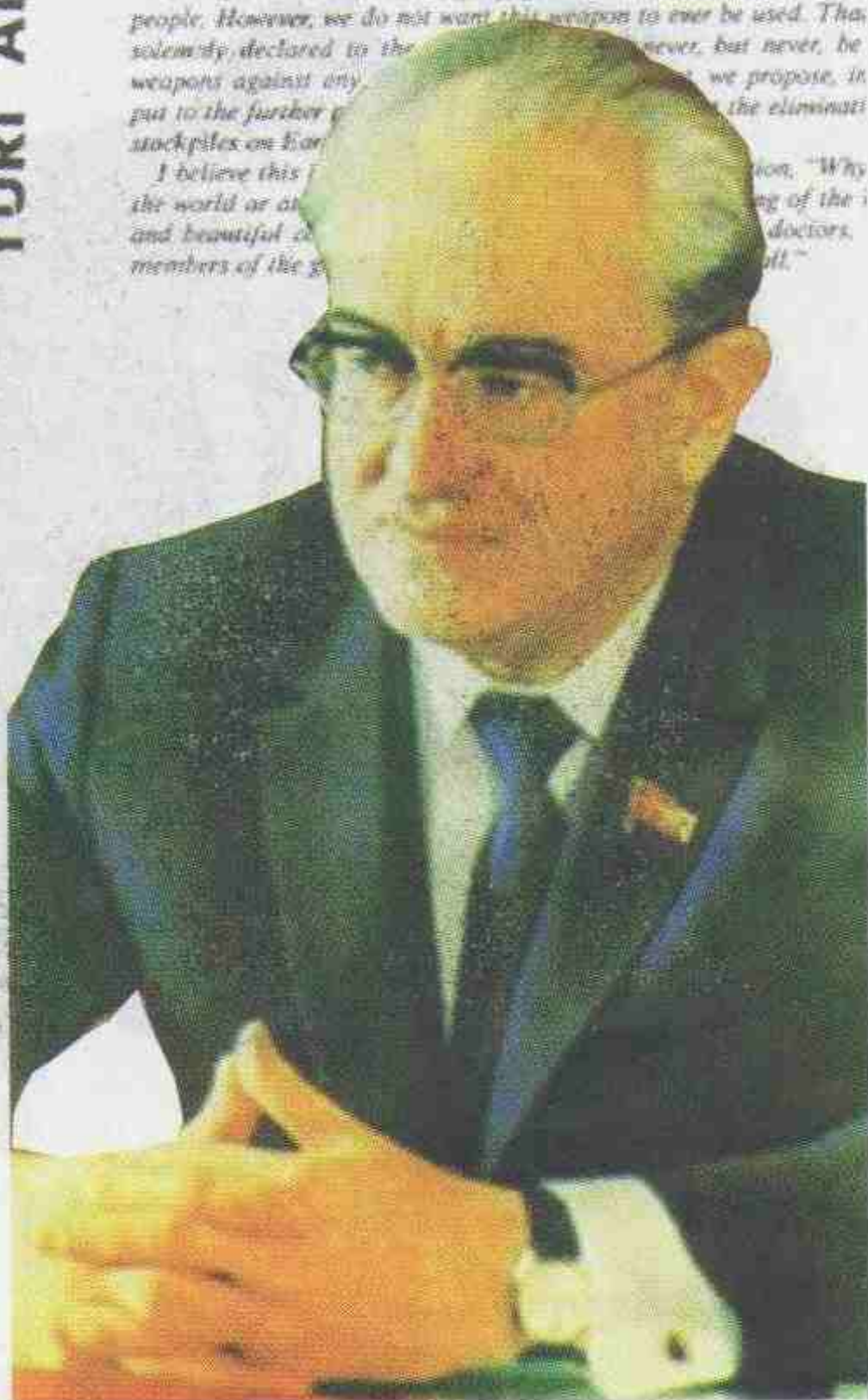
In that war, which ended with our victory, we were allies with the United States. We fought together to liberate many nations from the Nazi invaders. I remember this from my history lessons at school. Today, we want very much to live in peace with all our neighbors on the globe, no matter how close and, certainly, with such a great country as the United States of America.

America, like us, has a frightful weapon that can instantly destroy many people. However, we do not want this weapon to ever be used. That's why we have solemnly declared to the world that we will never, but never, use nuclear weapons against anyone.

We propose, in return, that you also declare to the world that you will never use nuclear weapons against anyone.

I believe this is the only way to ensure the peace and happiness of the world, and the happiness of all its people. I believe this is the only way to ensure the peace and happiness of the world, and the happiness of all its people.

YURI ANDROPOV REPLIES TO SAMANTHA SMITH

что можно быть тем и другим одновременно. Разве нельзя с утра лечить животных, а вечером танцевать на сцене? Мама смеялась: «Эх ты, это же совсем разные профессии...»

Ответа из Москвы все не было, и другая девочка на ее месте давно бы махнула на затею рукой. Но Саманта привыкла уважать свои идеи. И она написала еще одно письмо. Короткое и сердитое. На этот раз – советскому послу в Вашингтоне Добрынину.

Она спрашивала, собираются ли ей отвечать из Москвы или нет? Может, там думают, что она для такой переписки слишком мала? Но ведь вопросы-то были правильные!

А через несколько дней маленький американский Манчестер – «тезка» знаменитого английского города – буквально лишился дара речи. Как если бы перед городской ратушей забил нефтяной фонтан или звери в крохотном зоопарке начали требовать прибавки жалования. Считам позвонили с почты и дрожащим голосом сообщили, что на имя их девочки пришел пакет из Москвы. Точнее, из Кремля. От самого Андропова.

Письмо советского руководителя было не слишком длинным. «Этот ужасный Андропов» сообщал, что СССР ни с кем не собирается воевать. Что советским людям тоже хочется мира, что они с уважением относятся к любой стране. В том числе и к США. Саманта может убедиться в этом сама, приехав в СССР.

Переписка американской девочки и вчерашнего шефа «Кей-Джи-Би» стала сенсацией. Оттеснив с первых полос газет и журналов политиков, миллионеров и голливудских «супер-стар», с огромных фотографий улыбалась Саманта Смит, показывая всем письмо из Кремля: «Ну?! А вы говорили!»

Никто не воспринял приглашение посетить СССР всерьез. Но однажды им позвонили, и мужской голос с явственным акцентом сказал, что господин Андропов ждет Саманту Смит в гости. Вместе с родителями. Расходы советская сторона берет на себя.

До этого такие звонки раздавались в доме Смитов не раз. «Прикалывались» местные шутники. Разве не смешно – какую-то малявку приглашают в Москву! Это так надоело родителям Саманты, что они позвонили в ФБР: нельзя ли оградить их от «остряков»? Но все оказалось правдой.

В июне 1983-го Саманта с родителями приехала в СССР. Американцы изучали Союз, а Союз изучал американское семейство. Обе стороны – с огромным искренним интересом.

Джейн вспоминает:

– Когда мы прилетели в Москву и потом ездили в Ленинград, всеобщая любовь и дружелюбие были поразительны. На нас смотрели, как на чудо, нам жали руки, многим хотелось поцеловать Саманту. Нам дарили столько подарков...

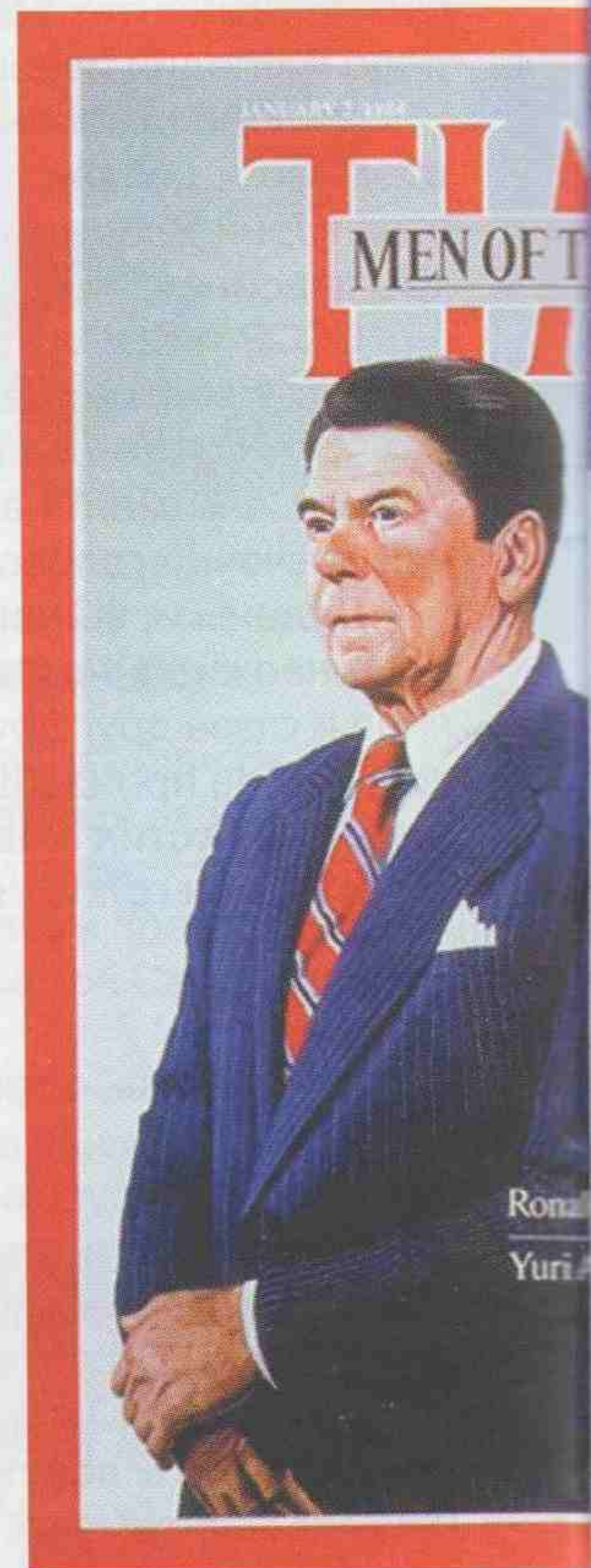
Саманта летела над страной, словно ангел. Ей хотелось всех обнять, всем сказать что-нибудь хорошее, каждому что-нибудь оставить на память. Но людей было так много! Девочка могла подарить им только одно – свою улыбку. Не заученное движение лицевых мускулов – «чи-и-и-з», – а настоящую, искреннюю, от полноты жизни, от радостного ощущения, что ты есть, что все у тебя хорошо, что вот ты здесь, вместе с папой и мамой, а никто не верил! И еще, что эти русские – вполне нормальные люди.

Репортажи о путешествии Саманты Смит показывали по телевидению. О девочке рассказывали по радио, писали в газетах.

А что же наше злое «Кей-Джи-Би»? И дураку было понятно, что в этой «неправильной» истории секретным службам делать нечего. Хотя один забавный сюжет я все-таки видела. Человек, давно вышедший на пенсию, – точная копия «анкла Ваньки» из старой американской «бродилки» про наши советские порядки, – мрачно курил на балконе и тянул под нос: «А ведь не простая семейка, не простая... Неужто не догадаются взять родителей в разработку?»

Слава Богу, не догадались.

И очень хорошо сделали.

**Рейган – Андропов:
«В упор не вижу!»**

«У НАС ВСЕ ХОРОШИЕ!»

Особая история – про артековские дни Саманты. Сперва всю семью хотели поселить отдельно, в «вылизанном» Синем корпусе, но она запротестовала. Ей хотелось к ребятам. Родители возражать не стали, хотя и поставили условие – отвадить журналистов.

И стала Саманта артековкой. С ее открытым характером девочка мгновенно со всеми перезнакомилась. А подружилась с ленинградкой Наташей Кашириной. Их кровати оказались рядом, к тому же Наташа, дочь учительницы английского, неплохо знала язык.

И началась отличная жизнь. Саманта с удовольствием носила форму (потом она попросит ее себе на память), кричала встречным артековское «Всем, всем добрый день!», участвовала в отрядных делах, лихо отдавала пионерский салют, с кислой миной выходила на зарядку, купалась в море, визжала, когда мальчишки брызгали на нее водой.

Но одно послабление для Саманты сделали. Для нее и для ее подружек. Она наотрез отказалась спать днем, в священный артековский «абсолют».

... А все-таки интересно – было ли в душе у американской девочки перед приездом к «зомбированным подросткам» хотя бы маленькое предубеждение? Если что и было, то вылилось оно в совершенно очаровательную сценку. Был в «Артеке» день, когда вожатые, нарядившись пострашнее и размалевав лица, носились по пляжу за ребятами, требуя признаний, кто в чем провинился и когда. Если за кем водился грешок, тех окунали в море. Не кто-нибудь – любимая вожатая подкралась к Саманте сзади:

– Признавайся, – кто в твоём отряде нарушал режим, кто не слушался вожатых, кто обижал маленьких?!

Саманта видела, кто перед ней. И все равно – ее глаза засверкали, щеки порозовели, и она звонко, с вызовом, выкрикнула:

– Нет! У нас таких нет! У нас все хорошие!

Зато и дома, после возвращения из России, Саманта оставалась Самантой. Ее расспрашивали так и сяк. Неужто в «Артеке» все было, как она рассказывает? Ведь любому известно, что в советских пионерских лагерях дети только и делают, что маршируют в противогазах и читают Ленина. Не зомбирована ли девочка советской пропагандой? Не видела ли она в СССР чего-нибудь, о чем можно рассказать только на родине?

– Нет! – смеялась Саманта. – Честное пио... честное слово, никто в СССР и правда не желал мне зла!

Думаю, взгрустнулось и американским коллегам «анкла Ваньи». Эх, взять бы всю эту семейку в «разработку»!

Что же особенного сделала эта девочка? С точки зрения современного подростка – **ни-че-го**. Съездила на советский «грант» в другую страну и пожила там в свое удовольствие.

Как объяснить юным «юзерам» и тонким знатокам интернета, к девятому классу побывавшим не в одной стране, простую вещь? То, что сегодня считается элементарным и естественным, было когда-то **немыслимым**. И прежде чем победил здравый смысл, человечество должно было одолеть длинную и трудную дорогу.

И кто-то должен был сделать на этой дороге первый шаг.

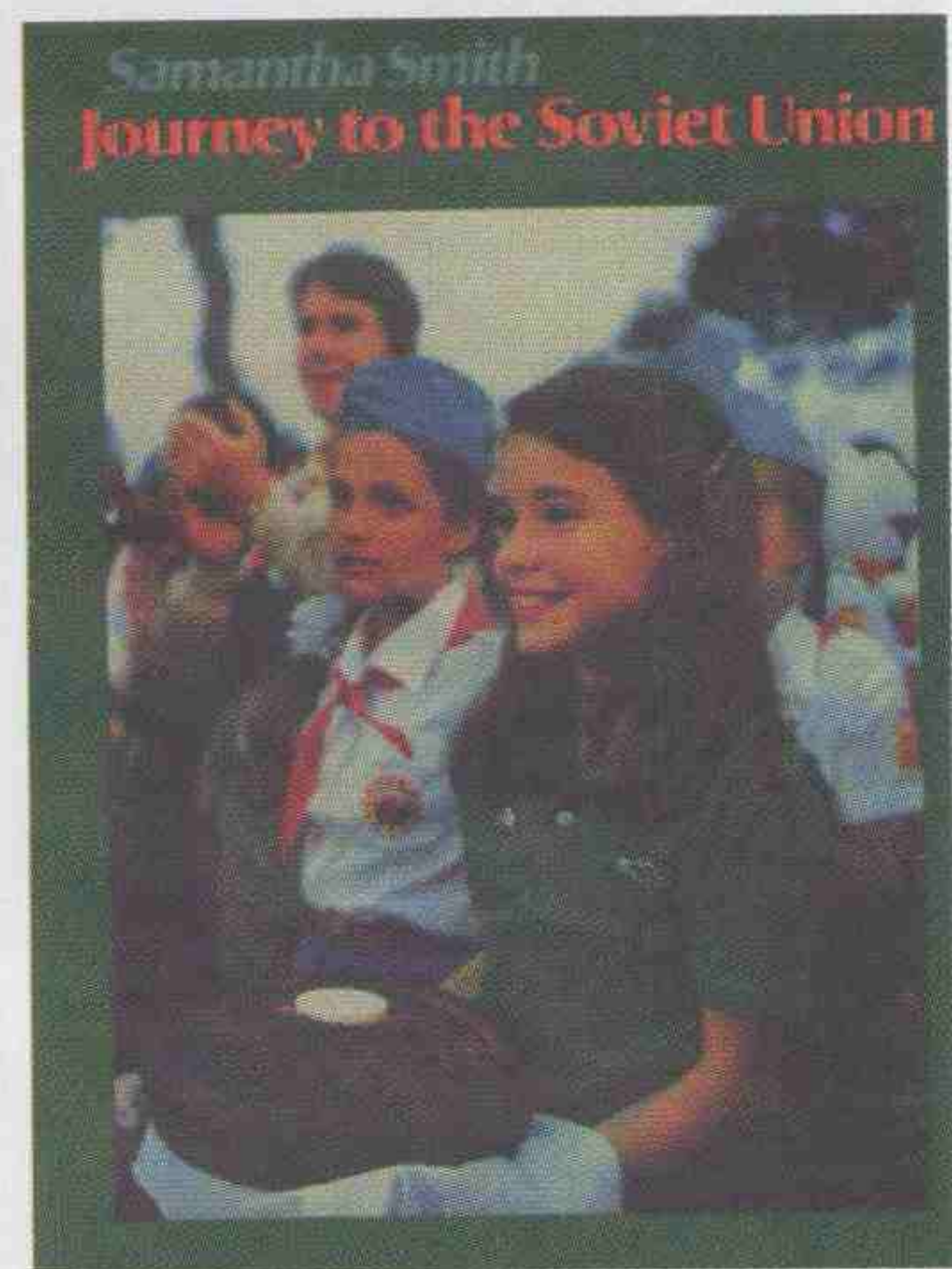
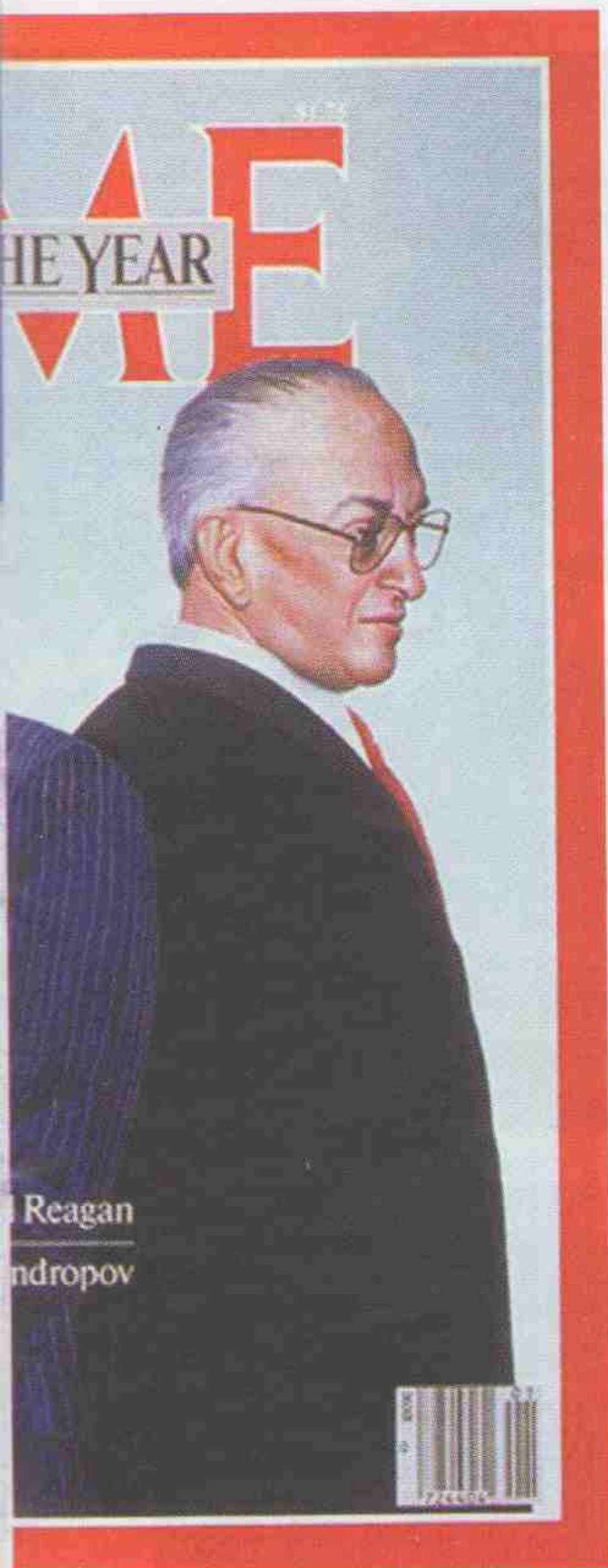
ПРЕРВАННЫЙ ПОЛЕТ

Своего аэропорта в маленьком Манчестере нет, приходится ездить за несколько десятков километров, в Огасту. В тот день, 25 августа 1985 года, Саманта с отцом возвращались из Англии, где участвовали в шоу Роберта Вагнера. К Саманте интерес не ослабевал, и ее то и дело приглашали то в одну передачу, то в другую. Ей слегка поднадоело, но на этот раз она ехала с удовольствием. Как-никак, Англия, интересно же посмотреть.

Из Лондона до Нью-Йорка долетели без приключений. Потом пересели на самолетик местной авиалинии. Погода была плохая, но это не пугало. Разве с ними может что-нибудь случиться? Они ведь только что летели над океаном, под самыми звездами...

На «Эхе Москвы» сказали бы: «Беззащитное дитя в лапах карательного ведомства...»

О путешествии в СССР Саманта написала книгу.

Катя Лычева

Памятник Саманте Смит в городе Огасте, США.

Неожиданно к встречавшей мужа с дочкой Джейн подошел мужчина в форме. Пряча глаза, он сказал: «Самолет снизился, мэм». «То есть как это снизился?» – переспросила Джейн. «Я имею в виду, что они разбились. Погибли все».

Джейн никогда больше не выйдет замуж. Саманта была ее единственным ребенком. Благодаря Джейн многие наши дети побывают в Америке, а американские – у нас. Недавно Джейн Смит гостила в «Артеке», который так любила Саманта. Ее встречали с былым радушием, а дети все так же кричали ей навстречу «Всем, всем добрый день!»

Наши газеты о приезде Джейн не написали ничего. В тот день было особенно много материалов о поставках российского газа на Украину.

В память о Саманте назвали цветок и небольшой корабль. И еще ей поставили два одинаковых памятника. Один в Огасте, другой – в Москве. Бронзовая Саманта выпускает на свободу голубя, а у ее ног присел медвежонок. Оказывается, у России и у американского штата Мэн – один и тот же «покровитель». В конце 90-х московский памятник украли охотники за цветными металлами. «Американская» Саманта Смит осталась в одиночестве. К нам она не приедет никогда.

КАТЯ

Чуть позднее ответный визит в Америку нанесла наша Катя Лычева. Потом, когда стало «можно», Катю дружно признали «маленьким манекеном в красном галстуке» (цитирую по сохранившимся вырезкам), «марионеткой», «зашоренным ребенком». Почему-то все писали об этой девочке с какой-то непонятной озлобленностью.

Саманта Смит была очаровательна, это правда. Но Катя Лычева перед поездкой побывала у нас в редакции, мы с ней долго беседовали. Это из «Пионера» начал путешествие за океан улыбочивый глобус, доставшийся из Катиных рук американскому президенту. Девочка была славная. Улыбчивая, доброжелательная, по-хорошему умненькая.

Алевтина Васильевна Федулова – человек не лукавый, не склонный к «лакированной липе», – рассказывала после поездки, что Катя в Штатах вызывала у людей искреннюю симпатию. Она охотно откликалась на шутку, поражалась всему, что ее поражало, и смеялась над тем, что ее смешило. И не испытывала при этом никаких комплексов. «Поручководить собой» Катя разрешила лишь однажды, когда в одной американской школе вокруг нее началось истинное столпотворение. Ее разглядывали, фотографировали, тербли, о чем-то спрашивали, что-то совали в руки. Задние напирали на передних, стоял оглушительный гам, и учителя сбились с ног, пытаясь водворить порядок. «Встань на стол, – с улыбкой сказала Алевтина Васильевна, – а то не всем видно». Катю не пришлось просить дважды. Она запрыгнула на стол и приняла позу супер-модели – под веселый хохот юных американцев.

Конечно, Катина поездка не имела в Америке того резонанса, какой имел в нашей стране приезд Саманты Смит. Американцы в шутку говорят, что если их в этом мире что и интересует, так это исключительно они сами. И потом, Катя ездила «в ответ», вторым номером, когда новизна темы потускнела. А еще – и это главное – нет пророка в своем отечестве. Было время, когда все «советское» объявлялось фальшью и вздором. Даже дети, если они в самой Америке (!) не стеснялись своей страны и говорили об этом.

Я не знаю, где сейчас живет Катя. Доходили слухи, что она уехала из России. Не имеет значения. Как и то, как она сегодня смотрит на вещи. Все равно – спасибо, Катя!

НЕРАЗГАДАННАЯ ТАЙНА

И все-таки памятник Саманте Смит в России есть. Не в Москве, в Воронеже. Его на собственные деньги установил пенсионер Валентин Федорович Ваулин. Этому человеку захотелось увековечить память девочки, как только он узнал о ее гибели. Ваулин не

стал ходить по начальству, добиваясь, чтобы «под памятник» ему выделили участок земли и помогли деньгами. Ему вообще никто не был нужен. У себя на даче, где другие пенсионеры выращивают редиску, Ваулин посадил березовую аллею. Позднее к березам прибавились сирень и черемуха. Деревья давно выросли, и аллея получилась на славу. В ее начале – табличка: «Памяти Саманты Смит».

Не надо думать, что слово «памятник» мы употребили в фигуральном смысле. Аллея аллеей, но Ваулин возвел Саманте Смит еще и настоящий памятник – красивый и основательный. Два полушария планеты венчает очаровательное лицо девочки, как бы объединяя их в одно целое. Такой памятник мог бы украсить любую улицу, любую площадь.

Спасибо, «Артек»! Всем, всем, всем – до свидания...

Конечно, в одиночку Валентину Федоровичу было не справиться. Помогли добрые люди. Талантливый скульптор Анатолий Фролов создал образ Саманты и сам вылепил глиняную форму. Ваулин потом отлил по ней у себя на заводе алюминиевый барельеф. У Валентина Федоровича в Воронеже полно друзей, таких же мастеровых людей, как он сам. Не взяв ни копейки, отливку довели до ума. И даже сделали анодирование – покрыли сверкающим золотистым металлом. Литые буквы для надписи – «Саманта Рид Смит. Юный посол доброй воли. 29.06.72 – 25.08.85» – нашлись на родном заводе. Для какого-то заказа их наделали с избытком, вот и пригодились.

Памятник выглядит здорово. Валентин Федорович – человек многоопытный. Он знает: для кого памятник, а для кого – «цветмет». Металлическое основание монумента вмуровано в слой бетона метровой толщины. Его можно сковырнуть только танком, а разнести – разве что из гаубицы, и то если бить прямой наводкой. Надежно приварен и барельеф. Но Валентин Федорович не расслабляется. Нет-нет да и проверит: все ли на месте?

Ваулину хочется, чтобы дело его рук увидела мама Саманты. Но он понимает: вряд ли Джейн приедет. Поэтому Валентин Федорович сделал точную копию барельефа. Вдруг каким-нибудь способом его удастся передать в Америку?

Мне не известно, удалось ли тогда американской девочке разгадать «тайну загадочной русской души». Я даже не знаю, пыталась ли она это сделать – за малостью лет и трудностью задачи. Но давайте на минутку представим, что крохотный самолетик не врезался тогда в землю. Что он просто не приземлился и все еще летит – от звезды к звезде, от планеты к планете, вместе с Маленьким Принцем Антуана де Сент-Экзюпери. Девочка и мальчик смотрят на нас сверху и пытаются понять: какие они, русские? Одни – глухой ночью рушат памятник ребенку, пришедшему в их страну с добром. Другие – возводят его на новом месте, своими руками, на копейки – и, как умеют, защищают от тупосердных кретинов.

... Какие мы, русские?

Джейн Смит: снова в «Артеке». «Не забывайте о моей девочке...»

Яна ГОДУЛИНА,
Москва–«Артек»–Воронеж.

Москва. Зияющая пробоина в форме детской фигурки на нашей общей совести.

Кто купит «Саманту Смит»?

ДЕВОЧКА ПО ИМЕНИ ЛОТОС

Александр ОВЧАРЕНКО

Повесть печатается в сокращенной редакции 1987 года.

Было чудом, что он оказался здесь, на другой стороне земного шара, в тропиках. Год назад мать поехала во Вьетнам работать. Всю зиму и весну перед этим она до головных болей зубрила иностранные языки, нередко паникуя. Вот-де в институте и аспирантуре языками всерьез не занималась, а теперь расплачивается, так что он, Сережа, должен извлечь урок из ее печального опыта.

Для практики она разговаривала с Сережей на французском, хотя сам Сережа учил в школе английский. Бабушка помогала ей одолевать азы вьетнамского – она невольно выучила несколько слов и фраз. Язык этот оказался очень трудным: в нем шесть тональностей. Одно и то же слово, произносимое в разных тональностях, принимает различные значения.

Уезжала мать в большой тревоге. Несмотря на то, что она оставляла Сережу на попечение своей сослуживицы Дины Константиновны и бабушки Лизы, мать боялась: вдруг он подожжет квартиру, попадет под машину или свяжется с дурной компанией? Мало ли что может с ним случиться?

Каждое воскресенье они писали матери письма с подробными отчетами о своей жизни. Бабушка Лиза непременно вставляла пару фраз про погоду и передавала приветы от знакомых, требуя перечислить всех поименно. Дина Константиновна добавляла ужасным почерком, каким обычно выписываются медицинские рецепты: «Наш вундер-киндер ведет себя в пределах допустимого...» При этом она смотрела на Сережу так, словно он только и мечтал что-нибудь «поджечь», куда-нибудь «попасть» и с кем-нибудь «связаться».

И все-таки у Дины Константиновны при внешней ее грубоватости было доброе сердце. В этом Сережа убедился, когда принес домой дневник с оценками за полугодие и показал его ДК, как он называл для краткости Дину Константиновну. Окинув взглядом столбик из аккуратных пятерок, она сказала:

– А ты и правда уже почти взрослый, Сережа Новиков. Хочешь навестить маму?

– А разве можно?

– Мы рождены, чтоб сказку сделать былью, – бодро сказала она, став прежней ДК – самоуверенной и решительной. – Твоя мама пишет, что в конце января на две недели приезжает из провинции в Хошимин. Вот мы и подгадаем. Со школой я договарюсь, чтоб отпустили. Разумеется, потом ты должен будешь наверстать упущенное.

Через месяц после этого разговора Сережа выходил из самолета в хошиминском аэропорту Таншоннят. Он ослеп от непривычно яркого солнца и спускался по трапу почти на ощупь, с ощущением, будто погружается в горячую воду. Шагнув на раскаленный бетон, Сережа попал в объятия загорелой женщины, одетой во все снежно-белое.

– Сереженька, неужели это ты? Вырос-то как! И похудел!

Он растерянно улыбался, постепенно привыкая к яркому солнечному свету и обретая остроту зрения.

– Тюльпаны, наши, родные! – воскликнула мать, окуная лицо в букет, которым Дина Константиновна снабдила Сережу в Москве на аэровокзале. – Милые вы мои солнышки! – Ее щеки и кончик носа были припудрены цветочной пылью.

После завтрака мать уехала по своим делам, как водится, озадачив Сережу целым ворохом наставлений. Он должен был принять душ, позаниматься французским, пообедать в ресторане (ужинать они будут уже вместе). Запрещалось пить сырую воду из крана, уходить далеко от гостиницы, покупать «всякие сомнительные сладости» у торговцев на улице и кататься на велорикшах. За послушание ему были обещаны попугаи, которых он видел вчера на птичьем рынке.

– А дышать-то мне можно? – заметил Сережа с самым невинным видом.

Он включил укрепленный под высоким лепным потолком вентилятор с тремя длинными лопастями. Эта «вертушка», целыми сутками монотонно гудевший кондиционер, тяжелые металлические жалюзи на окнах помогали переносить влажную тропическую духоту.

Номер Новиковых был просторный, с душем. Здесь стояли две широкие деревянные кровати с тумбочками в изголовьях, фанерный желто-коричневой расцветки трехстворчатый платяной шкаф, источенный древесным червем, и той же желто-коричневой масти комод, так изумивший Сережу: «Надо ж, как когда-то у бабушки!...» Яркие абажуры на лампах, розовые гвоздики в вазе создавали почти домашний уют.

Сережа, довольный одиночеством и свободой, очень редким для него состоянием, разгуливал по номеру в плавках. Мельком заглянув в зеркало на стене, он с удовольствием отметил, что, кажется, похудел – вот даже ребра проступили – и уже вполне нормально загорел. Тропический загар был иной, нежели российский, мягче, с какой-то лимонной желтизной. Видели б его сейчас одноклассники или ребята из двора – рты разинули б: среди зимы такой загар!

Он взял с подноса плод, название которого живущая в номере напротив врач Вера Борисовна переводила как «материнское молоко». Формой и цветом он напоминал большой недозревший апельсин, а внутри была сладковатая, вяжущая рот каша. Его надо было разрезать пополам и выковыривать нежно-молочную мякоть ложкой. Но Сережа нашел другой, более быстрый и удобный способ: он проделывал ножом дырку в кожуре и со свистом высасывал содержимое.

Освежившись в ванной чуть теплым душем, Сережа надел приготовленное матерью белье – его здесь приходилось менять каждый день. В поисках носового платка он перерыл все ящики комода. Стал задвигать нижний – тщетно. Что-то мешало внутри. Сережа опустил на корточки, осмотрел пыльную нишу и увидел приставший к боковой ее стенке квадратик картона. С трудом дотянувшись до квадрата – выдвигать верх-

ний ящик было неохота, – Сережа достал его. Он оказался старой, измятой фотографией. На ней был человек в военной форме, скорее всего летчик или моряк.

Солнце поднялось над крышей отеля и прямой наводкой било в открытую дверь балкона. «Вертушка» и кондиционер, включенные на полную мощность, уже не справлялись с духотой в номере. Сереже пришлось закрыть жалюзи. До обеда немного позанимался языком, слушал магнитофон через наушники, читал прихваченный из дому томик Грина. Ровно в тринадцать – специально следил за часами – Сережа отправился на нижний этаж отеля в ресторан. Точность, с которой он являлся на обеды, нравилась официанту, обслуживавшему столики у окна. Это был пожилой человек с неестественно прямой сухопарой фигурой, внимательными, цепкими глазами под дряблыми черепашьими веками. Звали его Ваном.

Еще издали раскланявшись с официантом, Сережка прошел к столику. Ван принес ему сок в высоком стакане.

За соседним столиком сидели двое вьетнамцев, отец и сын. Отец ловко орудовал палочками для еды. Сын держал огромный ломоть арбуза. Заметив Сережу, мальчик показал на него пальцем и громко произнес: «Ленсо!» – что означало «советский». Сережа подмигнул ему. Мальчик надул свои крепкие влажные щеки, но они тут же разъехались в широкой улыбке.

Потягивая вкусный ледяной сок через соломинку, Сережа смотрел в окно, из которого открывался вид на город и набережную реки Сайгон. Тесно лепились друг к другу дома с уступчатыми черепичными крышами. Мостовую запрудил поток велосипедистов. Вдоль набережной стояли пальмы, их кроны напоминали веером распущенные павлиньи хвосты.

По реке шли баржи, паучками-водомерами мчались моторки, волоча углом расходящиеся усики следов, медленно плыли лодки под коричневыми парусами. Напротив отеля стоял закопченный катерок, приспособленный кем-то под жилище. На его палубе сушили белье и варили еду на железной печке с кривой трубой. Чуть поодаль находилась пристань, куда только что причалил белый пароходик. По другую сторону широкой реки, насколько хватало взгляда, шли джунгли.

Вдруг за спиной грохнуло. Сережа вздрогнул и обернулся. Старый официант Ван выронил тяжелый поднос с посудой и теперь, испуганно озираясь, опускался на корточки и трясущимися морщинистыми руками тянулся к осколкам. Сережа бросился помогать Вану.

Тут же прибежал старший официант, полный человек, с круглой головой и прилизанными редкими волосами.

Он был виртуозом в своем деле. В часы пик, когда ресторан заполнялся до отказа, он напоминал дирижера или полковника. Важный, строгий, стоя в центре зала, он отдавал негромкие отрывистые команды, следуя которым официанты бесшумно сновали между столиками. «Вот это школа!» – восхищалась Вера Борисовна.

Склонившись над Ваном, старший официант тихо сказал ему что-то, по-видимому, злое и обидное, Ван с трудом поднялся и пошел прочь, прижав к себе осколки разбитых грязных тарелок и не замечая, что они пачкают форменный пиджак.

В свой номер Сережа вернулся расстроенный. Как был в джинсах и кроссовках, так и бухнулся на кровать и вскоре уснул под ровный, убаюкивающий шум кондиционера.

– Бедный мой отшельник. – Мать разговаривала с ним, как с маленьким. – Приехал к матери за тыщи верст и все один да один. Обещаю тебе: весь вечер будем вместе. Только вдвоем. Никаких визитов, никаких гостей!

– А попугаи?

– Сейчас же идем. Я пригласила Веру Борисовну, она будет переводчиком. Пусть?

Пока мать принимала душ, Сережа приготовил напиток: налил в стеклянный кувшин сока манго, разбавил его водой, положил несколько кусочков льда. Тянуть через соломинку не стал – долго, залпом выпил один стакан, второй. Он понимал, что так можно и заболеть, но ничего не мог с собой поделать: мучила жажда.

Постучалась Вера Борисовна:

– Так мы и к ужину не успеем.

– Этот ужин отдадим врагу, – весело сказала ей мать, подсушивая волосы феном. – Кстати, тебе полезно.

Художник А.Мелик-Саркисян

– Попрошу без намеков! Я и так лишилась самых драгоценных килограммов. Приеду домой – стыдно будет показаться людям, – засмеялась в ответ Вера Борисовна.

Они спустились по лестнице, сдали портье ключи и, выйдя из отеля, двинулись к бульвару Лелой. Они шли по улице Восстания, бывшей Катина, где первые этажи домов занимали яркие магазины. Здесь продавали украшения из серебра и жемчуга, деревянные лаковые панно, керамические вазы, ткани с национальной вышивкой. Торговцы, приветливо улыбаясь, звали посмотреть товар.

Желтое, как лимон, солнце укатилось за крыши домов. Под шинами велосипедов шипел размякший асфальт. Казалось, ездили здесь без всяких правил, но странным образом не сталкивались, не сбивали друг друга. Треща моторами, проносились грузовые мотороллеры. Протарахтел двухэтажный, набитый до отказа автобус, украшенный облезлой, вероятно, старых еще времен, рекламой. Устало накручивали педали велорикши. Иногда они подъезжали к бровке тротуара и, постукивая ладонями по сидениям из потрескавшегося дерматина, предлагали подвезти.

Порой Сережа ощущал робкие мимолетные прикосновения чужих рук и уже не удивлялся этому. Мать объяснила ему, что здесь существует поверье: если коснешься тела европейца, то тебе повезет в жизни – исполнится твоя мечта. Желательно,

чтобы европеец был полный. Поэтому Веры Борисовны касались особенно часто, и она, видимо, была очень довольна, что может подать кому-то надежду на счастье.

На рынке клетки были битком набиты зелеными попугаями с красными клювами. Сережа попросил себе самца и самку. Вера Борисовна, хорошо говорившая по-вьетнамски, перевела. Продавщица ловко подцепила за крылья пронзительно орущих, пытающихся кусаться птиц и запихнула их в отдельные небольшие клетки из тонких прутьев. Тут же были куплены стеклянные, похожие на медицинские, банки с грязноватым овсом.

– Теперь на очереди у нас слон? – задорно подмигнула Сереже мать.

– Здравствуйте! – неожиданно услышали они приветствие на родном языке.

Навстречу им, улыбаясь, шли две вьетnamки в аозаях – коротких, с разрезами на боках, легких платьях вишневого цвета и широких брюках из белой ткани. Они были одинакового роста, тонкие, с круглыми смуглыми лицами, и Сережа принял их за сестер. Но Вера Борисовна сказала, что это ее знакомые, Нгуены, мать и дочь.

– Между прочим, Нгуен здесь каждый третий, – наставительно добавила она. – Примерно как у нас Ивановы.

Расцеловав Нгуенов, Вера Борисовна стала на русском языке расспрашивать девочку о том, как она себя чувствует после больницы, и почему-то называла ее Леночкой. Девочка отвечала односложно, тоже по-русски: да, нет, не знаю...

Сережа смущенно спрятал за спину клетку с попугаем, но тот, будто нарочно, начал хлопать крыльями и кричать резким неприятным голосом.

Расставшись с вьетнамками, Вера Борисовна и мать пошли чуть впереди, занятые своим разговором. Сережа невольно прислушался к нему.

– Нас зовут в гости, – говорила Вера Борисовна, не замечая, что на ходу размахивает клеткой.

– Удивительно симпатичные люди, – заметила мать.

– И такая трагическая судьба! Сперва у Тьонг казнили мужа. И вот теперь дочка. Порок сердца. Ее бы к нам в Москву, в Бакулевский институт.

– А девочку действительно зовут Леной?

– Ее имя – Лиен. В переводе – «Лотос». Лиен, Лена, разве не схоже? Очень больная девочка, хоть по виду и не скажешь. И очень красивая. Я вижу, Сережа заметил, да? «Эйджент ориндж», оранжевая смесь. Жесткая штука. Ею Тьонг отравилась, когда была в джунглях, в партизанском отряде. Ты же видишь, сколько здесь людей, покалеченных химической войной.

В гостинице мать потащила попугаев под душ – мыть прямо в клетках.

– Как ты думаешь, это им не противопоказано? – спросила она Сережу сквозь шум воды. – Я считаю, ничего не случится. Попадают же они под дождь в своих джунглях. Только не прохватил бы сквозняк... Ты еще не придумал им имена?

Самца можно назвать Лап, решил Сережа. В честь чумазого мальчишки с плетеной тарелочкой: «Здравствуй, меня зовут Лап!». Самке, сколько он ни думал, подходящего имени не нашлось. Ладно, пусть придумает мать. Или Вера Борисовна. Да, так как там эта желтая отрова называлась?

Он сменил футболку и отправился в соседний номер, к Вере Борисовне.

– Момент! – отозвалась на его стук докторша. – А, это ты, – с облегчением улыбнулась она и тут же извлекла из-под столика фарфоровую пепельницу. – Вот, понимаешь, грешу в одиночестве. Курю. Приеду домой – непременно брошу. Такая прилипчивая гадость.

– Вера Борисовна, а что такое «ориндж»?

– «Ориндж»? – вскинула брови Вера Борисовна. – Она взяла из пепельницы длинную сигарету с темным фильтром, раз другой затянулась. Потом спохватилась, включила «вертушку», открыла балконную дверь. Вечер стоял тихий, душный, воздух был перенасыщен влагой и дышалось тяжело.

– Они распылили над Вьетнамом семьдесят миллионов литров ядов. Большею частью – «эйджент ориндж». За десять лет войны – по три килограмма на каждого вьетнамца. На Юге им засыпали половину полевых и лесов. Месяц назад я была в провинции Дангай, в ста километрах от Хошимина. Так там вместо лугов до сих пор мертвые пустоши, а вместо лесов – сухие уродливые стволы. Звери все погибли. В водоемах – один яд. Между прочим, в этом отеле жили когда-то американские летчики, летавшие бомбить партизанские зоны.

Так вот что за фотографию он нашел в комоде!

Самолет, напоминавший птицу с несуразно маленькой остроклювой головой, летит над пальмовыми рощами и плантациями сахарного тростника, над зеркальными квадратами залитых водой рисовых полей, над черными паутинками дорог. Он заходит на разворот над деревенькой в два десятка хижин, накрытых пальмовыми листьями, снижается и выпускает из люка смерть. Дымная лента ядовитой смеси ложится на деревья и хижины, на старика с буйволом, застывших в мутной воде рисовой делянки.

По ровному, как линейка, проселку среди пальм бежит девочка в аозае. Ее настигает ядовитое облако. Девочка вдруг останавливается, будто налетает на прозрачную стену, поднимает лицо вверх, и Сережа узнает в ней Лиен.

– Девочка Лотос! Девочка Лотос! – в отчаянии кричит Сережа – и просыпается от собственного крика.

Хотя о каком крике речь? Он не может не то что кричать, ему и говорить трудно. Даже дышать – тяжелая работа. Вот оно, коварство тропиков: духота, жаркое пекло – и, как спасение, ледяной сок из холодильника и приятный сквознячок от кондиционера. Предупреждали же его!

Мама пичкала его таблетками, заставляла полоскать горло прямо в кровати, над тазиком. Потом ее сменила Вера Борисовна. Она принесла с собой гору таблеток и томик переводов старинных вьетнамских поэтов.

– Ты послушай, какая прелесть! – трясла она книгой:

*Куда ни посмотришь, повсюду вода.
Кормилу покорны речные суда.
Веслу веселее с луною вдвоем.
Сопутствует парусу в небе звезда.
Вода зеленей, чем кошачьи глаза,
И вся голова под луною седа.*

– Похоже на вьетнамскую лаковую миниатюру, правда?

Сережа соглашался: правда. Ему и самому так казалось. Он живо представлял теплый вечер, раздольную реку с бирюзовой водой, желтым мячиком подпрыгивающую на волнах луну, лодку под косым парусом... А над ней – одинокую звезду, зацепившуюся за мачту.

*Длинные тени лежат на цветном
Дворцовом крыльце моем,*

*Лотосом дышит прохладный ветер,
В оконный вея проем.*

Лотос... Какое красивое имя дали девочке в вишневом платье. Сам не зная, почему, он часто думал о Лиен.

Мама названивала по телефону примерно каждый час, умоляя его не вставать с постели. И, наверное, чтобы хоть как-то его развлечь, спрашивала, как ведут себя попугаи.

С птицами уже начались хлопоты. В тот вечер, когда их принесли, они перегрызли тонкие прутья клеток и разлетелись по номеру. Вернувшись с ужина, мать и Сережа нашли Лапа на карнизе для штор, а попугаиху, которую Вера Борисовна назвала Машкой, – на лопасти «вертушки».

– Так я и знала, что они устроят нам веселую жизнь, – сказала мама.

Все попытки согнать Машку с «вертушки» свистом, криками и хлопаньем в ладоши ничего не дали. Она невозмутимо поглядывала вниз и перебирала клювом перья на груди.

– Ну, тогда держись, – пригрозил Сережа попугаихе, нажимая на кнопку вентилятора.

Лопасты бешено закрутились. Машка дико вскрикнула, рванулась к окну и запуталась в шторах. Сережа накрыл ладонями теплое тельце птицы. И тут же острая боль заставила его отдернуть руки. Это Машкин клюв крепко защемил ему палец. Хорошо, что мать быстро поднесла клетку, и они водворили Машку на место.

Поймать Лапа было еще сложнее. Раскачивая шторы, Сережа пугнул его с карниза. Попугай перелетел на абажур над кроватью. Потом опять забрался на карниз. В конце концов его удалось загнать в ванную. Оказавшись в западне, попугай затаился между трубой и потолком. Едва мать протянула к нему руку, как он тут же нацелился хищным клювом.

Мать сдернула с вешалки банное полотенце, прижала им Лапа к стене, и попугай, успев лишь слегка царапнуть ее когтем, перекочевал в клетку.

– Выберутся, – сказал Сережа. – Нужна железная клетка.

– Где же ее взять?

– Нет ничего проще, – сказала явившаяся на шум Вера Борисовна. Она куда-то ушла и вскоре вернулась с объемистой металлической клеткой, которую заметила в одной из служебных комнат на втором этаже.

Очутившись на общей жилплощади, попугаи передрались. Ссору начала Машка. Пытаясь согнать Лапа с насеста, который показался ей тесным для двоих, она несколько раз тянула его за ногу. Лап терпел, терпел да вдруг так хватил Машку клювом, что попугаиха с воплем полетела вниз и распласталась на полу клетки.

Вера Борисовна смерила у него температуру, удовлетворенно хмыкнула и удалилась.

Минут через пять зазвонил телефон. Снова мама?

– Сережа, – раздалось в трубке, – приготовься, тебя ждет сюрприз. Ни за что не догадаешься!

Он не сразу узнал голос Веры Борисовны, с которой только что расстался. Ведь он разговаривал с ней по телефону впервые – до этого только накоротке.

– Только, пожалуйста, не вставай с постели, ладно? Сюрпризу известно, что ты болен.

Приоткрылась дверь, и появилась Лиен. Вместо вишневого аозая, так запомнившегося Сереже, на ней были коротенькая, с широкими рукавами, кофта и черные брюки – повседневная одежда вьетнамки. В одной руке она, точно корзинку, держала за ленточку шляпу и несколько крупных белых хризантем, в другой – бумажный сверток.

– Здравствуй! – Круглое лицо гостя сияло радостной улыбкой. – Тебе... присент.

В свертке лежали ананас и два плода манго.

– Куда столько? – пробормотал Сережа.

– Кушай. Сделать свет?

Шурша кофтой, она подошла к окну, сдвинула одну из тяжелых створок жалюзи. В комнату дымно-золотистым потоком хлынул дневной свет. Лиен довольно уверенно, хотя и с сильным акцентом, говорила по-русски. Этот язык она изучала и в школе, и на специальных курсах, и дома, самостоятельно. И вообще она хотела бы преподавать русский. Или, что еще лучше, стать переводчицей. Торопясь рассказать об этом, Лиен невольно сбивалась на вьетнамский и еще больше смущалась.

Она знала, что такое снег (он как сахар, только не сладкий и тает от тепла). Что в Москве есть метро – подземный город с быстрыми поездами и движущимися лестницами. Ей хотелось посмотреть на Красную площадь, Кремль. Замечательно было бы приехать в Советский Союз зимой, чтобы шел снег.

Хошимин, конечно, не такой огромный, как Москва, продолжала рассуждать Лиен, и метро в нем нет, но он тоже большой город и очень красивый. Дворец «Единство», парк Тао Дан, бульвар Лелой...

Рассматривая попугаев, Лиен заговорила о том, что скоро Тет – Новый год по лунному календарю, самый веселый вьетнамский праздник. Жаль, что Сережа уедет раньше, чем он наступит. Она знает об этом от Веры Борисовны. А ведь они с матерью хотели позвать Новиковых и Веру Борисовну на семейное новогоднее торжество. Правда, у них вся семья – она да мама. Но пусть Сережа не огорчается: как только он выздоровеет, Нгуены обязательно пригласят советских друзей к себе в гости. По какому поводу – пока тайна.

Прежде чем уснуть, он долго разглядывал на потолке маленьких ящерич. Они с легким шорохом вились друг подле друга в пятнах света, пробивающегося из окна. Раньше при виде их Сережа испытывал брезгливость: так и казалось, что заползут в постель, под одежду. Постепенно он привык к этим безобидным существам.

Проснулся он с радостной легкостью в теле. Выпил стакан апельсинового сока, который уже не царапал, не жег горло. Мать измерила ему температуру, осталась довольна, но подняться до прихода Веры Борисовны не разрешила. Та появилась, как всегда, шумная и веселая, осмотрела Сережу и, заговорщицки подмигнув ему, сказала:

– Да ты просто богатырь! Думаю, мы вполне можем позволить себе пойти к Нгуенам в гости. У Лиен день рождения. Так что готовь подарок.

Что же подарить Лиен?... Привезенные из дому сувениры Сережа большей частью роздал, да все эти ложки-матрешки, по его мнению, на настоящий «присент» и не тянули.

– Куда вы без Лазаревой? – с довольным видом сказала Вера Борисовна. – Пропадете! Ладно, выручу.

Она принесла две коробки конфет

– Только вчера из Москвы. Пользуйтесь моей добротой!

...Нгуены жили на бульваре Лелой, недалеко от городского театра. Дорогой Вера Борисовна рассказывала о национальном герое Вьетнама, имя которого носила центральная, самая шумная и, на ее взгляд, самая красивая улица Хошимина. Оказывается, Ле Лой был предводителем народного восстания против чужеземцев. Давно, еще в XV веке.

– Между прочим, Вьетнамом страна именуется лишь с XIX века, – энергично размахивая руками, рассказывала Лазарева. – Раньше государство называлось Дай-ко вьет, затем Дай-

вьет. А, все равно. И так и так – «вьет». Почему? Вьеты – племена, жившие на севере Вьетнама.

Они пересекли бульвар Лелой в том месте, где круто, на полном ходу, заворачивал с улицы Восстания поток велосипедистов и мотоциклистов. Вера Борисовна едва не угодила под велосипед, на котором ехала целая семья – двое взрослых и двое детей. Один ребенок сидел на раме, второй – на багажнике, вместе с матерью. Отскочив в сторону, Лазарева испуганно пробормотала «пардон».

– Хозяева дорог здесь не пешеходы и не водители машин, а велосипедисты, – как ни в чем не бывало, говорила Вера Борисовна, когда они перебрались на тротуар. – Сначала я долго не могла поладить с ними. Улицы переходила так: закрывала глаза – и точно в воду... И представьте себе, ни разу не сбили. Велосипедисты здесь настоящие виртуозы... А вот и дом нашей юной именинницы!

Это было ничем не примечательное серое здание с магазинами-пеналами в первом этаже, окнами с жалюзи, балконами во всю длину фасада. Центр Хошимина вообще по своей архитектуре был более европейским, чем юго-восточным. Пагоды с характерно загнутыми углами многоярусных крыш, к удивлению Сережи, попадались здесь редко. Зато недалеко от бульвара Лелой, вверх по улице Восстания, стоял чопорно строгий костел.

Услышав свое имя, Сережа задрал голову и увидел на балконе третьего этажа Лиен. Она махала рукой. Сережа вдруг оробел, замедлил шаг.

Вот она уже выбежала из подъезда. Но не одна. Следом за ней появились две юркие, словно ящерки, девочки в синих, с белой окантовкой пилотках и красных галстуках, похожие одна на другую. Даже заколки на висках были у них одинаковые. Вежливо раскланявшись, девочки взяли старших за руки и повели в подъезд.

Пока они поднимались по лестнице, Лиен рассказала Сереже, что ее подружек зовут Ту и Нгует. Нгует – значит Луна. Правда красиво? Обе живут в детском доме для сирот войны, над которым шефствует мать Лиен. Сама Лиен учится в обычной школе, но она часто бывает в детском доме и там подружилась с этими девочками. Особенно с Нгует.

Квартира Нгуенов состояла из двух небольших комнат и совсем крошечной кухни. Мебель у них была тоже скромная, только самое необходимое. Украшали жилище лишь несколько акварелей и картин на шелке, расписанные тростниковые шторы в дверных проемах да разноцветные циновки на полу.

Пока Тьонг и взявшиеся помогать ей Вера Борисовна и мать накрывали на стол, Сережа разговаривал с девочками в комнате Лиен. Ту и Нгует разглядывали его во все глаза и наперебой рассказывали о себе. Лиен переводила, не поспевая за их речью.

Вся семья Ту – а была она довольно многочисленной – погибла сразу. В их тростниковую хижину угодила бомба. Ту была у родственников, на другом конце деревни. Во время бомбежки сидела с ними в погребе. Через несколько дней разбомбили и родственников. И опять Ту осталась жива – перед самой бомбежкой ее послали за чем-то в лавку.

У Нгует тоже погибли все родные.

Девочки говорили, что живут в детском доме весело и интересно. Там таких, как они, много. Да и скучать-то им некогда: учатся в школе, ухаживают на хозяйственном дворе за птицей и поросятами. Есть у них и огород. Целый мау – треть гектара. Там растут огурцы, помидоры, золотые – очень сладкие – бататы. Ребята постарше работают в столярной и слесарной мастерских, младшие занимаются плетением из рисовой соломы.

Из кухни до них донеслись обрывки разговора старших.

– Они сказали, что мне нельзя рожать ребенка. Из-за того облака, – тщательно выговаривая русские слова, рассказывала Тьонг. – Но мы с Линем не послушались. И вот...

– О каком облаке ты говоришь? – тихо спросила мама.

– Я тогда шла в лагерь, и вдруг самолеты. Я спряталась под деревом, и сразу пополз какой-то туман. Совсем нельзя было дышать. И глаза очень сильно жгло. Я думала, ослепну. Потом на меня посыпались листья с дерева. Все сразу. Они стали, как сгоревшая бумага. Я замотала лицо

платком и побежала. Дальше не помню. Меня люди подняли...

На другой день Тьонг видела это место. Ствол дерева, под которым она пряталась, рассыпался в черный прах, а вокруг валялись мертвые птицы. Как уцелела она сама, Тьонг не понимает до сих пор. Разводили руками и партизанские врачи. Но от будущего ребенка, которого Тьонг носила под сердцем, они в один голос советовали избавиться. Тьонг с мужем так молоды, у них еще будут дети. Нужно решаться.

Но они не послушались.

Сережа присмотрелся к висевшей на стене фотографии человека в военном шлеме.

– Мой папа, – сказала Лиен. – Его давно убили. Мы с мамой видели, как его забирали. А он стрелял в них!

Они тогда с мамой жили в Сайгоне, потому что Лиен сильно болела. Папа иногда приходил к ним по ночам, на несколько часов. А потом – снова в джунгли. Перед самым праздником Тет они поменяли квартиру. Боялись, что выследят. Папа остался тогда у них до утра. Впервые.

А на рассвете в дверь постучали. Перепуганная соседка, тетяшка Тхи, сообщила, что дом окружают «черные каски».

Линь попросил тетюшку Тхи спрятать у себя жену и дочь, а сам забаррикадировался в комнате.

Около получаса дом сотрясала перестрелка. Все это время Тьонг, кусая губы, не отходила от окна. Потом позвала дочь, жавшуюся к тетюшке Тхи, и показала на улицу: «Смотри. И запомни это на всю жизнь!»

Раненого в плечо и ногу, избитого отца волокли из дома трое полицейских. Во дворе стоял закрытый автомобиль с решетками на окнах. Щуплый человечек ударил отца ребром ладони по горлу, и тот упал. Его запихнули в фургон, и машина уехала. Больше Лиен не видела отца никогда.

– Вы, кажется, чем-то озабочены? – раздвинув тростниковую штору, вошла в комнату Вера Борисовна. – Не будем грустить. К столу, друзья мои, к столу! Хозяйка приглашает. Пирог остывает. А пирог, скажу я вам...

Сережа с матерью должны были зайти за Лиен, затем вместе отправиться в госпиталь, где работала Вера Борисовна, чтобы оттуда с группой советских специалистов поехать к морю. У магазина, в витрине которого красовалась написанная по-русски вывеска, Сережа увидел высокого худенького мальчика с отросшими до плеч волосами. На нем была чистенькая приталенная рубашка навыпуск и шорты. Локтем правой руки он прижимал к боку белую спортивную сумку.

Этого мальчика Сережа уже знал. Он частенько крутился возле отеля, с вежливой улыбкой предлагал туристам солнцезащитные очки, сигареты. Иногда Сережа замечал, что маленький торговец сопровождает его, держась на почтительном расстоянии. И начиналась игра. Словно не подозревая о преследовании, Сережа спокойно шел по улице, потом внезапно поворачивал назад и устремлялся навстречу торговцу очками. Тот нырял в первый попавшийся магазин и уже оттуда, затаившись, наблюдал за «ленсо».

Однажды Сережа был свидетелем непонятной ему сцены. Плетущегося за ним торговца очками остановил щеголеватый одетый длинноволосый мужчина с кофром на плече – его Сережа тоже видел у отеля. Мужчина так сердито отчитал мальчика, что тот испуганно съехался.

– Салют, Вьет! – сказала Вера Борисовна.

– Здравствуй! – произнес по-русски мальчик.

– Как торговля? – деловито осведомилась Лазарева. – Что же ты сегодня не предлагаешь купить очки?

Вьет смущенно скосил глаза на Сережу и сильнее прижал сумку к боку.

– Тебя стесняется, – сказала Вера Борисовна. – Обычно я при каждой встрече покупаю у него очки. Надо же выручать парня. Потом дарю их кому придется. Куда ж их еще девать?

Вьет внимательно прислушивался к словам Веры Борисовны, хотя, конечно, вряд ли что понимал. Сережа, собравшись духом, протянул ему руку и сказал:

– Я – Сережа Новиков.

Вьет произнес хриплым от волнения голосом:

– Нгуен Вьет. – Ладонь у него была сильная и жесткая.

Вдруг, почуввав неладное, он резко обернулся. Недалеко от них стоял щеголеватый мужчина с кофром на плече, взгляд его был тяжел и недружелюбен. Вьет, что-то пробормотав, попятился от Сережи и скрылся за углом магазина.

– Надо думать, хозяин, – кивнула Лазарева на мужчину с кофром. – Парнишка явно на него работает.

Путь до моря не был близким, но и не показался долгим, не утомил. Пассажиры автобуса всю дорогу шутили, пели. Сережа рассматривал плывущие мимо заросли джунглей, квадратики рисовых полей, деревеньки, как бы сошедшие с лаковых

миниатюр. Шествующие по обочинам люди весело махали автобусу руками. Полуголая ребятня, поднимая пыль и что-то крича – различалось лишь знакомое «ленсо», – подолгу бежала за машиной... Обогнали зеленый военный грузовик, в кузове которого сидели солдаты, на вид совсем мальчишки. Они приветствовали пассажиров автобуса поднятыми над головами автоматами.

На красном купальнике у Лиен был вышит крупный белый цветок лотоса. Она взяла Сережу за руку, и они пошли к морю.

Его охватила острая жалость к ней, такой тоненькой, хрупкой, носящей в себе тяжкий недуг. А туг еще эта история с велосипедом! Вчера, когда он позвонил Лиен, она сказала, что у нее пропал велосипед, новенький «Дананг», подаренный матерью к дню рождения. Она всего на минуту оставила его во дворе, и велосипед тут же исчез. Лиен считала, что этоделки Лая, мальчишки, который верховодит ребятней в районе бульвара Лелой.

До Тета – Нового года по лунному календарю – оставалось меньше недели, и город уже готовился к празднику. На цветочных базарах продавали карликовые мандариновые деревца с маленькими оранжевыми, вполне зрелыми плодами. Эти деревца для вьетнамцев как для жителей северных стран новогодние елки. То тут, то там оглушительно гремели петарды и хлопушки: нетерпеливая детвора не могла устоять перед соблазном испробовать их до наступления праздника (и заодно попугать прохожих). Все чаще встречались прикрепленные к рулям велосипедов и мотоциклов, к стеклам автомобилей веточки абрикосовых и персиковых деревьев.

– А почему названия ваших праздников начинаются со слова «тет»? – спросил Сережа у Лиен.

– Потому что «тет» и значит «праздник», – рассмеялась она.

Мимо них проехал, рассыпая звон колокольчиков, продавец масок. Его велосипедная коляска была увешана ярко размазанными головами из папье-маше с оскалившимися ртами.

Проводив Лиен, Сережа возвращался в гостиницу. Вьет поджидал его на набережной. Он с заговорщическим видом подвел его к одной из скамеек. Под ней лежал... сияющий лаком и никелем велосипед. На передней трубке синей рамы красовались надпись «Дананг» и эмблема знаменитого во Вьетнаме велосипедного завода. Машина была великолепна: два ручных тормоза, зеркало в хромированной оправе, изящная фара.

Сережа сразу догадался: это велосипед Лиен. Вьет каким-то образом разыскал его. Но почему ему самому не отдать его хозяйке? Сережа достал несколько донгов и протянул их продавцу очков. Тот отшатнулся от него, обиженно поджав губы.

Сережа сел на велосипед. У «Дананга» был легкий ход, он сам катил по улице. Отличная машина! Замечательный парень Вьет. Не зря же они с первой встречи понравились друг другу.

Одно из окон Нгуенов выходило во двор; оно было закрыто жалюзи, но рама оказалась приотворенной. Сережа негромко окликнул Лиен. Увидев Сережу на велосипеде, изумленная и счастливая, она выбежала во двор.

И тут невеста откуда появился мальчишка в короткой, давно не стиранной майке. Он ухватил Лиен за руку и куда-то потащил, что-то объясняя на ходу. При этом он все показывал пальцем на узкий переулок, ответвляющийся от бульвара.

– Это Фам, – сказала Лиен. – Он помогает Вьету продавать очки. Лай увел Вьета. Они... их много...

Надо обязательно помочь Вьету, что бы ни говорила мама: «Ни во что не лезь, ты не у себя дома!» Как тут не полезешь?

Они миновали угловое здание с кафе и оказались в тупике между стенами двух домов и кирпичным забором. Спинай к

забору стоял Вьет, которого окружала толпа мальчишек.

– Лай! – показал на коренастого мальчишку Фам и юркнул за спину Сережи.

Лай в заношенных джинсах и яркой майке стоял перед Вьетом. На земле валялась растерзанная белая сумка, выпавшие из нее очки были растоптаны ногами.

– Ий-е-е! – разом выдохнула ватага: это Лай нанес удар не успевшему увернуться Вьету. Тот пошатнулся, но устоял на ногах. Лай отскочил от него и изготовился для новой атаки.

Лиен ринулась в толпу мальчишек, беспорядочно колотя их кулачками по спинам. Она протиснулась к Вьету и встала рядом с ним. Мальчишки, растерявшиеся от этого неожиданного вторжения, засуетились, загалдели. Воспользовавшись суматохой, Сережа пробрался к друзьям: уж кого-кого, а Лиен в обиду он не даст! И все-таки было страшно.

Первым оправился от замешательства Лай.

– Ленсо! – крикнул он и показал на Сережу пальцем.

– Ленсо! Ленсо! – подхватила ватага и закружилась перед Сережей пестрой каруселью. Ему что-то кричали, его ощупывали, словно хотели убедиться, что он живой, настоящий, как и они. Он стоял, точно связанный, испытывая страх не столько за себя, сколько за Лиен, чье острое вздрагивающее плечо прижалось к его руке.

Но их почему-то не били. Лай исподлобья глянул на троицу, поглубже засунул руки в карманы и... пошел прочь, беспечно насвистывая. Компания послушно потянулась за ним. Некоторые мальчишки постукивали палками по пустотелым обрезкам бамбука, издавая звонкий жестяной звук.

Лиен подняла с земли сумку и начала засовывать в нее растоптанные очки. Вьет остановил девочку: кому нужны смятые оправы, разбитые стекла?

Потом, вытирая с лица кровь, он рассказал, как получилось с велосипедом. Угнав «Дананг», Лай с компанией прикатили его к Тиепу, хозяину Вьета. Тот не только торговал всякой всячиной, но и скупал краденое. По всем признакам, у Тиепа тоже были свои хозяева, какие-то темные люди из особого мира.

Пока Лай с Тиепом торговались, Вьет, видевший, как Лиен приезжала в Сережину гостиницу на этом велосипеде, прыгнул в седло и нажал на педали. За ним погнались, но разве за «Данангом» угонишься? Потом его все равно выследили. Хорошо хоть, успел крикнуть Фаму, что нужно делать.

Они шли по набережной. Было уже темно. Ночь здесь наступала внезапно. Где-то сверху шумели кроны деревьев – это прорывался со стороны моря муссонный ветер н ом.

Сережа первым увидел Тиепа. Тот стоял в десятке метров от них за куртинкой подстриженного кустарника. Некоторое время они молча разглядывали друг друга. Щуплый Тиеп докурив сигарету и щелчком отбросил ее в реку. Затем пальцем поманил Вьета к себе – и тот, словно загипнотизированный, сделал несколько шагов навстречу хозяину.

– Я знаю этого человека! – вдруг звонко крикнула Лиен. – Мама сказала – запомни, и я запомнила. Это он тогда ударил моего папу!

Она говорила все громче и громче, горячее и горячее, переходя с русского на вьетнамский и обратно, показывая на Тиепа рукой. Гуляющие по набережной люди стали поворачивать головы в их сторону. Тиеп насторожился, потом повернулся и мгновенно растворился в толпе.

Лиен что-то сказала Вьету, и тот бросился за хозяином.

– Нужно звать на помощь, – сказал Сережа. – У вас тут есть милиция?

Неподалеку на скамейке сидели двое молодых парней с автоматами. Ребята бросились к ним. Лиен рассказывала быстро-быстро, задыхаясь и прижимая левую руку к груди.

Обменявшись короткими фразами, военные закинули за плечи автоматы и побежали туда, куда указала им Лиен.

Сережа кинулся было за военными, однако, спохватившись, вернулся к Лиен, дрожавшей в нервном ознобе. Они побежали вместе, только теперь Сережа вынужден был умерить шаг, чтобы девочка поспевала за ним.

Они пересекли площадь с массивным черным памятником и попали на тесную безлюдную улочку. Погоня захватила Сережу, он даже сердился на Лиен за то, что она не поспевает за ним. Без нее он точно не отстал бы от милиционеров, а может, догнал бы и Вьета.

Они долго плутали в каких-то двориках, закоулках, наполненных душной липкой тьмой, натыкались на тупики и закрытые ворота. Наконец, оказались на маленькой, тускло освещенной площади. Лиен вскрикнула. Из подворотни вышел один из военных. Он нес безжизненно обмякшее тело мальчишки. На плече у солдата, рядом с автоматом, висела хорошо знакомая Сереже белая сумка.

Домой его отправили на следующий день. Едва дослушав его рассказ, не на шутку перепуганная мать побежала в номер к Вере Борисовне и вернулась назад с уже готовым решением. Они даже успели заказать по телефону билет на самолет.

Ну как мать не понимала, что он не может, не имеет права уезжать сейчас! Лиен в больнице, Вьет тоже...

Они поссорились. Мать расплакалась, упрекая его в бессердечии. А Сережа упрямо повторял: уезжать сейчас нельзя, и он не уедет. Ни за что. Мать вновь убежала к Лазаревой.

Вера Борисовна пришла одна и сказала подчеркнуто твердым тоном:

– Билет заказан. Отъезд отложить невозможно. Но до отлета – сутки. Съездишь навестить Лиен и того мальчика. А потом я буду писать тебе о них. Идет? Я уже звонила в госпиталь. Мальчика прооперировали. Состояние удовлетворительное.

Утром Сережа и мать поехали в госпиталь. Он не сказал Лиен о своем отъезде, но она догадалась сама.

– Я напишу тебе, – пообещал Сережа. – Сразу, как только приеду домой.

В уголках огромных черных глаз Лиен дрожали слезы.

Вылет задерживался, и Сережа, несмотря на протесты матери, пошел бродить по аэровокзалу.

И вдруг он увидел Человека с фотографии! Высокий седой американец придерживал за локоть женщину, едва достававшую ему до плеча и одетую в желтую куртку и клетчатые брюки. Впереди них служащий катил тележку с чемоданами.

Тот же узкий, скобкой, рот, тот же прямой нос, тот же жесткий, хотя и заметно побелевший ежик волос... У него должен быть небольшой шрам над бровью. Он или не он?

– Happy New Year!
– сказал Сережа.

Американец вопросительно улыбнулся, показывая ровные, один к одному, белые зубы. Его спутница понимающе кивнула головой и протянула Сереже шарик «чупа-чупса».

Мучительно вспоминая английские слова, Сережа медленно и не слишком уверенно начал составлять фразы:

– Я жил в Хошимине... то есть в Сайгоне. В том самом отеле... в том самом, где когда-то жили вы. Я нашел у себя в номере фотографию. На ней был человек, похожий на вас.

– Я был в Сайгоне много раз и жил в разных отелях, – все еще дружелюбно улыбаясь, ответил американец. – Вполне возможно, что фотография и правда моя.

– Говорите медленнее, – попросил Сережа, – я не все понимаю. Вы были во Вьетнаме на войне? Летчиком?

– К сожалению. – Американец широко развел руками, как бы подтверждая, что действительно очень сожалеет. – Но не я затеял эту войну.

– Вы тоже... участвовали в бомбардировках? Есть одна больная девочка, очень больная девочка. Она...

Американец нахмурился и что-то быстро сказал спутнице.

– Нет, – отрицательно покачала головой женщина. Сереже показалось, что она говорит нарочито медленно, чтобы он ее понял. – Я не отойду. Тебе вредно волноваться.

Она крепко взяла мужчину за руку и с вызовом посмотрела Сереже в глаза.

– Почти всю войну я был в транспортной авиации.

Слово «транспортной» американец выделил интонацией.

– Потом меня сбили, и я год провел в плену.

Он понимает.

Конечно, это была несправедливая война. Американцы принесли Вьетнаму немало горя. Ему понятна и собственная вина, и вина его страны. Он был одним из тех, кто бросил свои награды к ступенькам Капитолия. Но теперь, когда война давно закончилась, не надо поддаваться чувству мести. Надо думать о том, как научиться понимать друг друга.

– И поэтому, – он приложил руку к сердцу, – я сегодня здесь.

Они переписывались весь год. Почти шесть месяцев Лиен провела в больнице. Вышла оттуда только в середине лета, к концу маминой заграникомандировки. Скоро они увидятся – Лиен привезут в Москву, на операцию. А потом, возможно, они вместе поедут на юг, к морю. Если только Сережа захочет.

Из писем Лиен и Веры Борисовны Сережа узнал, чем завершилась история с Тиепом. Его задержал тот, второй военный. Вьет выздоровел быстро. Тьонг устроила его в детский дом, а Ту и Нгуэт взяли опеку над новичком. И скоро Сережа стал находить в письмах Лиен узкие листочки плотной желтоватой бумаги, на которых рукой Вьета неумело было выведено по-русски: «Москва», «Сережа», «Вьет»...

Недавно Сереже приснился цветной сон.

Вокруг были зеленые горы. Между ними, блестя на солнце, словно река, скользила дорога.

И, как река, она впадала в море, смутно синевшее на горизонте. Сережа и Лиен шли по этой дороге, взявшись за руки.

– Эй, подождите, – внезапно раздалось сзади. – Мы с вами!

Их догоняли Вьет, Ту, Нгуэт, Фам, Тьонг...

И они пошли вместе.

Была когда-то у пионеров страны такая заповедь. Может, она звучит слишком уж абсолютно, но то, что воспитывать юные души нужно в постоянном стремлении к добру и милосердию, сомнению не подлежит. Эта традиция зародилась едва ли не одновременно с самой пионерской организацией. Очень яркий пример – солидарность нескольких поколений советских пионеров с детьми Вьетнама.

В апреле – мае 1968 года в стране прошла Всесоюзная акция «Пионеры СССР – Вьетнаму». От каждой дружины каждому вьетнамскому школьнику был приготовлен подарок – ученический портфель, а в нем тетради, ручки, набор цветных и простых карандашей, пенал, ластик. И еще – рубашка защитного цвета и галстуки. А чтобы подарок не выглядел безликим, ребята вкладывали в портфели открытки родных мест и фотографии, рассказывающие о жизни пионерской дружины. 115 тысяч таких портфелей были приобретены на средства, собранные нашими ребятами. 19 мая 1968 года от причалов Новороссийска и Владивостока два корабля – «Березовка» и «Мондугай» – отправились к берегам далекого Индокитая. Они доставили вьетнамским ребятам подарки от советских сверстников.

Потом пионеры собирали средства для детского госпиталя и Дворца пионеров в Ханое. Так что лозунг был правильный. Чужого горя и правда не бывает. При условии, конечно, что у вас сердце доброе.

Кстати, тот Дворец пионеров и сегодня в Ханое работает, никто и не думал его закрывать. И пионерская организация во Вьетнаме действует. Жаль только, что об этом у нас мало пишут. Мы пробовали спросить «московских» вьетнамцев, но они помалкивают. Им у нас и так нелегко живется. Боятся лишнее слово сказать.

Николай АЛЕКСЕЕВ.

Тупа, ИНТЕРВЬЮ

Встретаться со мной Константин долго не соглашался. Потом пообещал прийти, но оба раза не пришел. И вот, наконец, мы беседуем – на «нейтральной территории». Он поставил условие – не задавать «лишних» вопросов. Иначе он уйдет.

Константин – это твое настоящее имя?

– Допустим.

Тебе сколько лет?

– 16. Через полгода 17.

Ты работаешь или учишься?

– Я пропускаю этот вопрос.

Ты пьешь пиво, куришь?

– Пью, но мало и редко. Я занимаюсь спортом. Айкидо.

Таких, как ты, в Москве много?

– Не очень. Нам не нужно количество. Нужно качество.

А почему вы плохо относитесь к людям другой национальности и другого цвета кожи?

– Мы к ним нормально относимся. Пока они сидят у себя дома.

Но ведь так же не бывает, чтобы вся страна состояла из людей одной национальности. Здесь ты у себя дома, а куда-нибудь поедешь – станешь чужаком.

– Я никуда не собираюсь ехать. Я русский.

Вот фото старика. Что ты мог бы о нем сказать?

– Какой-то старый чуркмен. С рынка.

Это узбекский кузнец Шаахметов. В войну он усыновил 14 сирот. И все разной национальности. Что ты об этом думаешь?

– Ничего не думаю. Хотя он мог их заставлять на себя работать.

Ты бы мог помочь больному, допустим, вьетнамцу, если бы он попросил тебя о помощи?

– Они не попросят. Они всего боятся. Это какие-то макаки.

А ты знаешь, что так их называли те, кто бомбил их дома?

– Америкосы? Мне это безразлично.

Скажи, чтобы в стране все было хорошо, что нужно делать?

– Нужно очистить ее от грязи. И мы это сделаем.

– Кулаками?

– Мы не отморозки. Но если понадобится, то и кулаками. Надо же когда-нибудь навести в стране порядок.

Как думаешь, когда?

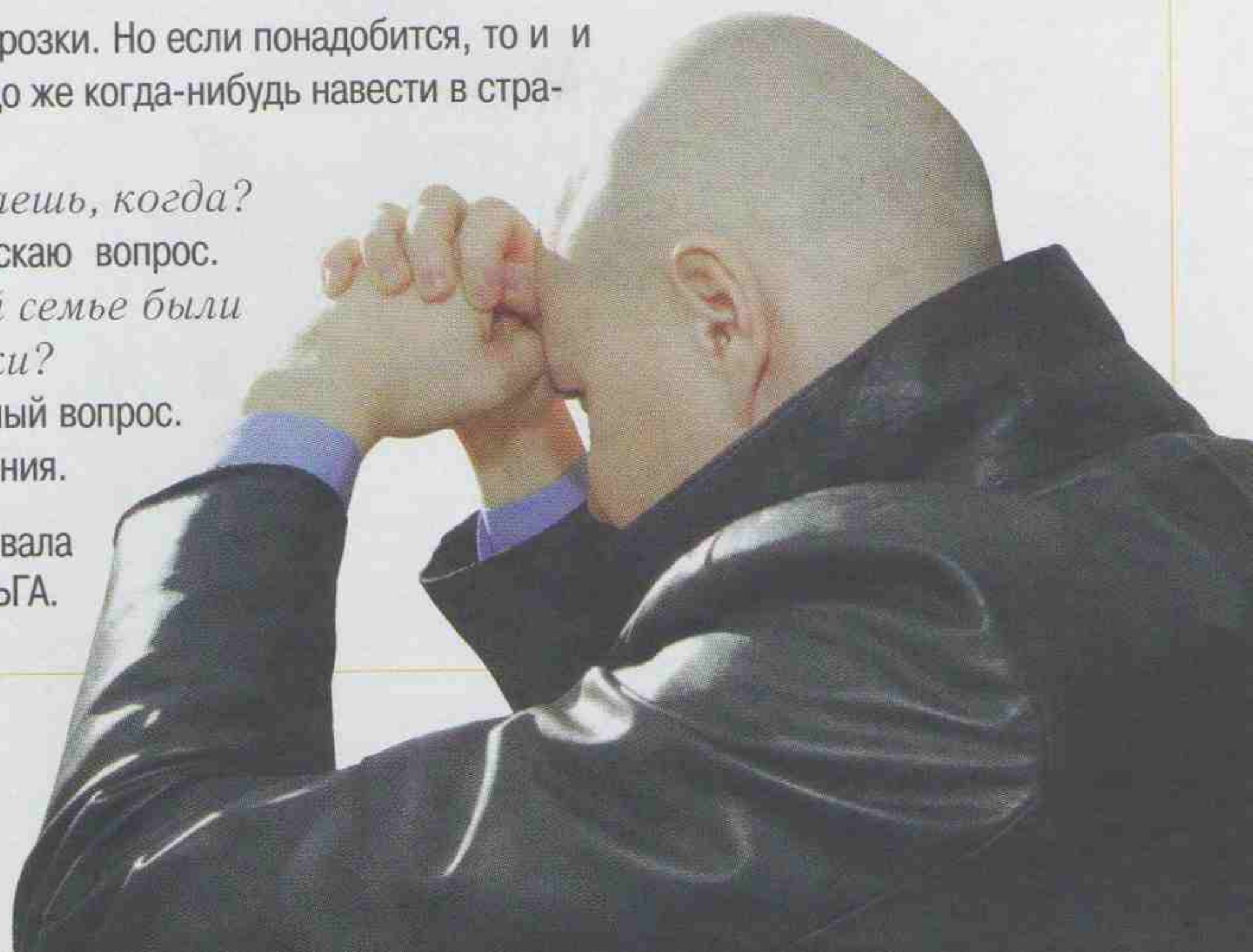
– Я пропускаю вопрос.

В твоей семье были фронтовики?

– Это глупый вопрос.

Все, до свидания.

Беседовала
О.ШУЛЬГА.

БЕЛЫЕ

*«Пустите детей и не
мешайте им приходить
ко мне, ибо таковых
есть Царство Небесное».*

От Матфея, 12, 14.

КРЫЛЬЯ

СТАРАЯ ПЕСНЯ О ГЛАВНОМ

Пионерские песни были разные. Одни мы исполняли по обязательке, как если бы ты решал задачу по геометрии или, под понукания учителя, с указкой в руках искал на карте столицу Кении. Слова и мелодии других запомнились сами. Их мы пели у костра в походе, в кузове грузовика, где так здорово стоять плечом к плечу, глотая встречный ветер, срывающий с губ обрывки красивых строчек: «... свой закончили поход!» А еще – вечером на скамейке, под нетвердый перезвон тяжкими трудами освоенных четырех заветных аккордов.

И, разумеется, в пионерском лагере. После отбоя «всякие хождения» не поощрялись. Но когда девчонки из старших отрядов заводили песню, вожатые не слишком ругались. И даже подпевали сами.

Из-за полуоткрытой двери льется тоненький, колеблющийся, как огонек свечи, девчачий голосок:

*Жил в Ростове Витя Черевичкин,
В школе он отлично успевал...*

Песня была жалостливая. Фашисты хотели отнять у мальчишки голубей, но он не отдал. И тогда они его убили. Когда доходило до припева, пел уже весь лагерь. Даже самые отъявленные личности. Натянув до подбородка одеяла и сдвинув брови, мы выводили:

*Голуби, вы мои милые,
Улетайте в облачную высь.
Голуби, вы сизокрылые,
В небо голубое унеслись...*

С годами песня забылась. Точнее, осталась в дальнем уголке памяти, среди других полустершихся картинок моего детства.

А несколько лет назад я услышал ее снова, случайно включив телевизор. Тетенька-искусствовед, барабаня по клавишам наманикюренными пальчиками, деланным голосом выводила знакомые слова: «Жил в Ростове Витя Черевичкин...» Фальшивила она понарошку. Такая уж была тема передачи. Что-то о глупостях прошлого, когда из нормальных ребят делали маленьких тупоголовых уродцев в красных галстуках. В самые драматические моменты тетенька круглила глаза, как бы приглашая всех посмеяться вместе с ней над этой, слава Богу, давно отброшенной ерундой.

Но разве песня – про «фанатиков-пионеров»? Она ведь совсем про другое. Про войну. Про убитого мальчишку, и правда жившего когда-то в Ростове. И еще – про осиротевших

голубей, напрасно высматривающих из синеющей выси своего маленького друга.

ЧТО ТАКОЕ ПОДВИГ?

Считается, что Витя крепко досадил фашистам. Поэтому они его и расстреляли. Он ведь был заядлым голубятником, Витя Черевичный. В войну это пригодилось. Голубиной почтой Витя отправлял за линию фронта донесения, в которых сообщал нашим важные сведения о врагах. Есть и другая версия. Всякий раз перед налетом наших бомбардировщиков мальчик выпускал в небо голубиную стаю. Его дом был рядом с немецким штабом, и советские пилоты сообразили: кто-то подает им знак, куда наносить бомбовый удар.

Было ли так на самом деле, могло ли такое быть?

Разумеется, нет. Хотя бы из-за «конструкции» голубиной почты. Красивая кроткая птица и правда может лететь за тысячи верст, неся под крылом послание от человека к человеку. К ее лапке привязывали мольбы о помощи, депеши о военной победе, любовные признания... Голубю доверяли даже драгоценные камни! И он никогда не подводил. Если не погибнет в дороге, – прилетит непременно.

При одном условии. Голубя нельзя отправить с письмом или посылкой по *любому* адресу. Куда ему, крылатому, лететь, как искать? Он ведь всего лишь птица. Но птица удивительная, наделенная редким даром. Голубь умеет *возвращаться*. Как бы далеко его ни увезли от родного гнезда, он все равно вернется. С запиской, шифровкой, донесением. В неуклонном стремлении птиц к родному к дому и состоит главный секрет голубиной почты. Кто привез Вите «почтарей» из-за линии фронта – в сорок первом, когда эта линия трагически катилась на восток? Куда было голубю возвращаться?

Вряд ли Витины голуби были и корректировщиками огня. Поди разгляди их из кабины самолета, если для бомбовой атаки отпущены секунды. Да к тому же голубь долго «свечку» держать не может, это не жаворонок.

Не думаю, что у Вити Черевичного были хоть какие-то «разведданные». Фельдмаршал фон Клейст ударил по Ростову внезапно. Его танки ворвались в город в ноябре 1941-го и удерживали его неделю, оставив после себя горы трупов. Вскоре подросли наши части, и Клейст почел за лучшее убраться. Во «вторую» ростовскую оккупацию здесь, в немецком тылу, будут действовать несколько подпольных групп и партизанских отрядов. Но Вити к этому времени уже не будет в живых.

Что же он такого совершил, этот ростовский паренек? За что поплатился жизнью, какой подвиг поставим ему в заслугу? А может, и не было никакого подвига? Именно об этом все запальчивее и злораднее пишут «знатоки» и «защитники» истории. Был. Без разведдонесений и голубиной почты. Но разве от этого он стал меньше, а принесенная жертва – не такой страшной?

В этот день фашисты убили в городе многих. Они пришли в Витин дом, как являлись в дома других ростовчан – за своим *палаческим делом*. Чем помешали

им голуби? Может, они и правда думали, что Витя передает кому-то с их помощью вести? Или птицы не давали своим воркованием непрошенным постояльцам спать? Слишком громко хлопали крыльями? А может, это было просто упоение запахом и видом крови, которую можно лить безнаказанно, не боясь возмездия?

Я думаю, что правда про Витину смерть и Витин подвиг – в наивных словах песни. Мальчишка обнажил самое грозное и самое страшное для любого захватчика оружие. Он показал, что *ненавидит и не боится*.

Наверное, с меня потребуют доказательств. Доказательство есть. Но оно слишком жестоко, и писать о нем не так просто. Я уже говорил – в Ростове в те дни погибли многие. Труп лежал на трупе, кровь сливалась с кровью. Но Витю убили *отдельно*, его смерть не «конвейерна», как в тысяче других случаев. Коваными каблуками добротных немецких сапог мальчишке размозжили лицо, и узнать его удалось не сразу. Витю *выделили*. Именно за эту ненависть и за эту не-боязнь.

КАК РОЖДАЮТСЯ ЛЕГЕНДЫ

В Ростове Вите Черевичкину поставили памятник. В парке его имени. А ведь у Вити была не совсем такая фамилия. Не *Черевичкин* – *Черевичный*. На юге России и на Украине Черевичных можно встретить на каждом перекрестке. Был знаменитый полярный летчик Иван Черевичный. Есть скрипач. Есть профессор-окулист...

Сперва Витю именовали по документам. Песня, кстати говоря, тоже была про Витю *Черевичного*. А потом, я думаю, – и раскаиваюсь, если не прав, – она же Витю и «переименовала». Ее стали распевать повсюду. Просто как *такую песню* – про войну, про убитого мальчика, про «родившихся сиротами» голубей. Для уха русского человека *Черевичкин* привычнее и естественнее, чем *Черевичный*. А в *такой песне* – еще и «красивее», трога-

тельнее. В конце концов фамилия мальчика стала восприниматься не как житейский факт, а как поэтический образ. Такое случается.

... Но по какой причине *Черевичкин* написано на памятнике в парке – не знаю.

А как быть с голубиной почтой, с Витиными «разведданными», со стаей птиц, подающих сигналы летчикам? Смерть подростка, зажатая в его руке простреленная голубка – неужели мало для легенд и песен? Душа не мирилась с тем, что мальчишка погиб, не успев отплатить фашистам. И он – «отплатил». Если не в жизни, так хотя бы в предании. Так Витя Черевичный, оставаясь реальным – недолго жившим и мученически погибшим парнем – одновременно стал героем героической легенды.

Поработали над Витиным портретом и мастера воспитания. В духе времени и в полном соответствии с законами жанра. *Ненавидел и не боялся?* Слишком мало. Нужно – чтобы *боролся, сражался и пал.*

ПОСЛЕ ПОДВИГА

Есть среди героев и мучеников Великой Отечественной имена, которым через много лет после гибели выпала жестокая участь – стать мишенью для пущенного недоброй рукой камня. Зоя Космодемьянская – «слепая фанатичка», Александр Матросов – «психически больной», Николай Гастелло – «погубил невинных».

Но все они – *были*. О Вите Черевичном объявили во всеуслышание, что **такого человека не существовало НИКОГДА**. Выдумка, миф коммунистической пропаганды. Все до единого слова, от голубей до фамилии. Неправда! О Вите Черевичном рассказывали

на Нюрнбергском процессе, судившем нацистских преступников. К делу приобщены документы, и это из них мы и узнали о страшной *отдельности* Витиной смерти.

Но мало ли чего могли насочинять «коммуняки». А документы – кто не знает, как их тогда делали? Не будем касаться документов. Давайте лучше откроем журнал «Пионер» за 1957-й год, через 12 лет после войны.

ВИТИНА МАМА

У нас в Ростове все знают такую грустную песню «Жил в Ростове Витя Черевичный». Эта песня про одного мальчика. Фашисты пришли в дом, схватили Витю и расстреляли.

Наш отряд носит имя Вити Черевичного. Мы разыскали семью Вити. Его мама, Анфиса Васильевна, жила в маленькой плохой комнате. Мы пошли в горисполком, в райсовет и на завод «Красный Аксай» и потребовали, чтобы маме Вити Черевичного дали квартиру. И мы добились этого. Квартиру дали хорошую, со всеми удобствами, с паровым отоплением и газовой плитой.

Всем отрядом поехали мы перевозить вещи. Все перевезли быстро и аккуратно. Витина мама очень нас благодарила, даже заплакала. А в следующее воскресенье было новоселье. Анфиса Васильевна нас пригласила. Мы стихи выучили, песни. Девочки испекли пироги. Потом мы все вместе пошли в магазин и купили в подарок Анфисе Васильевне большое зеркало.

Витина мама ждала нас. Она поила нас чаем с вареньем, угощала всякими вкусными вещами. Мы будем всегда заботиться об Анфисе Васильевне, она нам как родная, и навещать ее будем часто, помогать ей во всем.

А на Витиной могиле мы посадили красивые цветы.

*Миша Мелексетов, Володя Мамылов, Таня Воскобойникова,
Валерия Тимерова, Таня Шамраева, Додик Янкелевич.
Ростов-на-Дону, школа № 78.*

Я думаю, пионеры из этого отряда еще живы. И даже не вполне состарились. Если кому-то понадобятся подтверждения реальности недолгой Витиной жизни, – Миша, Таня, Додик, Володя и все остальные без разговоров согласятся ее удостоверить.

Но это не все. Не веря своим глазам, я читал в одном ростовском издании про «истинную» историю первого немецкого вторжения. По версии автора, гитлеровцы вели себя, как ис-

тинные джентльмены. Выгрузились из вагонов и пересели в городские трамваи. Растерявшиеся кондукторы пробовали их даже обилечивать. На первых порах фашисты никого не трогали. И лишь через несколько дней, когда Ростов принялись грабить мародеры, они потеряли терпение и начали расстреливать негодяев, пойманных за руку на месте преступления. Спасибо, что навели порядок. Не зря приходили.

В войну мародеров хватало. Ростов – не исключение. Об этом сказано и написано довольно. Но давайте пройдемся по городским улицам и площадям сразу после освобождения «седьмой столицы». Читать будет трудно. Такое немыслимо в детском журнале. Но вы **должны** это знать.

Вот они, главные ростовские «мародеры».

У большого четырехэтажного здания школы прямо на тротуаре лежат трупы. Сколько их здесь? Трупы свалены в кучу, тела громоздятся на тела. У самой стенки их так много, что они наполовину закрывают окна первого этажа.

У самого края тротуара – старик, шестидесятилетний, крупный, седой человек, с густыми заиндевевшими бровями. На крутом морщинистом лбу – желтое кровавое пятно. В этого человека стреляли в упор, целились прямо в голову.

Рядом со стариком лежит вихрастый, веснушчатый, рыжий мальчик в рубашке и ватнике. Живот его разворочен, кровь залила внутренности, кровь, смешанная с землей. Третий в ряду – голый, жестоко изувеченный человек. Часть черепа снесена, голова как бы разрублена пополам. На половине уцелевшего подбородка – черная, густая, уже седеющая борода.

Четвертая – маленькая, изможденная женщина в теплом платке, как будто замерзшая здесь, на тротуаре большой ростовской улицы. На суконном пальто – дыра, след разрывной пули. Пятая – опять женщина с разбитым, проломленным черепом. Без всякой медицинской экспертизы видно, что она умирала в страшных муках, что ее долго истязали и что смерть наступила от удара тупым оружием.

Матери узнают сыновей, жены припадают к телам мужей. Десятилетняя девочка находит мать. Ту самую женщину, которой проломили череп. Девочка хочет поцеловать мать в губы. Вместо рта у матери кровавая затекшая рана. Девочка кричит.

Рядом с последними мертвецами мы находим плакат. На большом белом листе бумаги написано: «Это не русские, это партизаны». Никому не известная женщина, мы не успеваем записать ее фамилию, берет плакат, складывает его вдвое, потом вчетверо, рвет его на мелкие куски, рвет в клочья и рассказывает всем нам о кровавых днях оккупации Ростова.

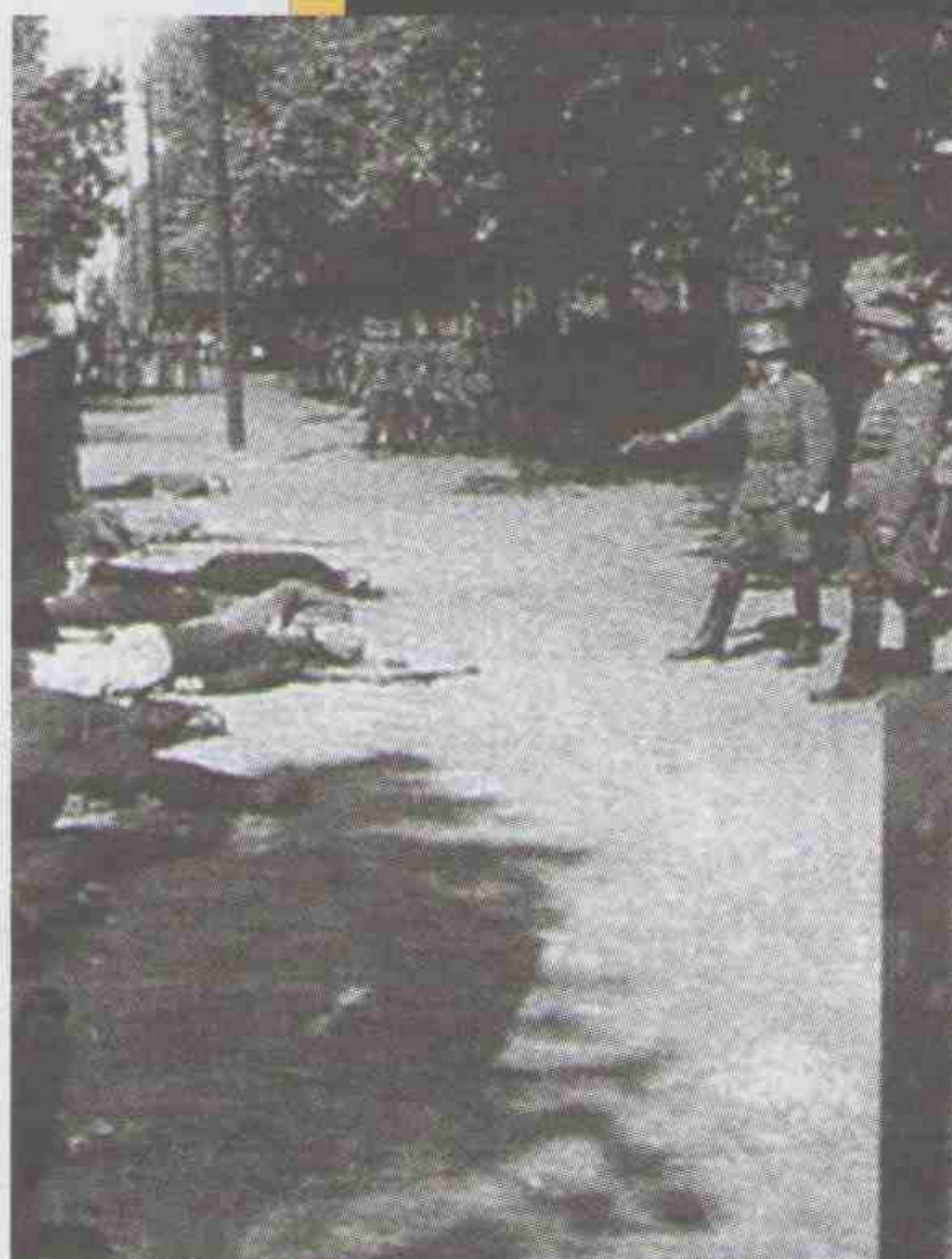
Гитлеровцы убивают «с открытыми глазами», как правильно сказал американский писатель Драйзер. Они уничтожают людей с педантичной обстоятельностью, словно уверенные в своем ремесле работники. Их палачество – это и убеждение, и призвание, и профессия.

За семь дней оккупации в Ростове-на-Дону было уничтожено несколько тысяч человек...

Это – из книги военных журналистов Мацкина и Шарова «Ростовские записи», написанной по горячим следам, сразу после освобождения города. Среди «мародеров» – старики, трехлетние дети, беременные женщины, сотни еврейских се-

*Ростов-на-Дону.
Гитлеровцы за
«работой» (вверху).
Так они вводили
«новый порядок».
«Нужно ускорить
уборку трупов, –
жаловался в штаб
каратель. – Мои
люди совершенно
выбиваются из
сил...»
Трофейные фото.*

*«Вон тот,
кажется, еще
шевелится...»*

*Фон Клейст
в районе
Ростова.*

мей, не успевших уйти из города и прятаявшихся по чердакам и подвалам.

Мне не раз приходилось слышать, что в таких книжках нет ни слова правды. Политотделы издавали их для «поднятия боевого духа» наших войск. Но вот реальные имена, фамилии, адреса: Л.Бандурин, Н.Бандурин, В.Варфоломеев... Ростов, Назрань-Донская, Змеевский поселок... В Ростове еще живут потомки замученных. А это – страшные фотографии. Армейские политотделы тут ни при чем. Фото – из ранцев убитых гитлеровцев, охотно запечатлевавших свои «подвиги».

Что касается пропагандистских материалов, то я их тоже видел. В киноархиве. Немецкую кинохронику про «новый порядок» на Восточных территориях. Крестьяне радостно аплодируют ослабившимся карателям, только что повесившим «грабителей-партизан». Отличных учителей нашли нынешние ростовские «историки».

КРАСНАЯ КОЖА СТЫДА

Но что же Витя?

Автор – Эдуард Вартанов. Написано через 63 года после немецкой оккупации:

Пока беспечные немцы еще бродили по базарам и улицам города, осматривая и фотографируя на фоне достопримечательностей, в благодушии горожан уже случился резкий крен. В ростовчанах пробудился хищник... В ночь на 23 ноября ... налетчики прочесали громаду театра им. Горького и тем сорвали торжественное мероприятие, запланированное на тот воскресный вечер. Явившемуся немецкому командованию предстало разграбленное фойе и оскорбительная нагота зрительного зала, где была срезана натуральная кожа с тысяч кресел. И тогда немцы поняли, что эту стихию укротит только страх... Так пал... пионер Витя Черевичкин... Немецкие сыскные овчарки по свежему следу привели к его голубятне, и там нашлись рулоны роскошных красных кож с тех театральных кресел.

Даже сделав немыслимое допущение, что так все и было, чудовищная выдумка предстает во всей своей – выражаясь словами самого Вартанова – «оскорбительной наготе». Рулоны натуральной кожи с **тысяч** кресел

– на голубятне? Ударные немецкие части, идущие по следу городских воришек с сыскными овчарками?!

Ловить лжеца на слове – последнее дело. Нам по наивности кажется, что уличить его во вранье – значит обезоружить, обезопасить, выставить на посмешище. Ничего подобного. Он отлично понимает, что делает. И будет рад, если вы укажете на нестыковку. Ложь для него – не позиция, не заблуждение, а инструмент. Поймаете за руку – он тут же отбросит сломанный и возьмет новый, заточенный еще острее.

Вред от работы лжеца нельзя увидеть глазами или потрогать руками. Ничего не взрывается, ни в кого не летят пули, никого не грабят. Это как дурной запах. Он есть – и одновременно его нет, но почему-то вещи теряют твердую перспективу и реальные очертания.

Для чего ему это нужно, почему, зачем, по какому праву? Иногда это ремесло, дающее твердый заработок. Иногда – ущемленное самолюбие бездари, готовой платить любую цену за сладкие мгновения общественного признания. А еще – жгучая нелюбовь к моей родине, которая все падает, падает – и никак не соглашается упасть.

Дети войны. Маленькие герои, жертвы и свидетели нечеловеческого горя. Кто-то носил пионерский галстук. Кто-то о нем мечтал или был к нему равнодушен. Кого-то наградила родина, и их имена еще недавно были у всех на слуху. А кто-то навеки остался безымянным – в печах Освенцима, в Бабьем Яру, в неостывающем пепле сожженных белорусских хат.

К сожалению, я совсем не умею молиться. Но если бы умел, то непременно сделал бы это – за всех ушедших, не доживших, не успевших, не узнавших. За всех, кому нет покоя в могилах от неукротимых борцов за «настоящую» правду истории. Единственное, что я могу сделать, – это вполголоса спеть вместе с вами эту полузабытую, наивную пионерскую песню.

Не страшно, если вы не знаете мелодии.

Пусть каждый поет, как умеет.

Анатолий МОРОЗ.

Памятник Вите в родном городе.

ГОЛУБИ

Жил в Ростове Витя Черевичный,
В школе он отлично успевал.
И в свободный час всегда обычно
Голубей любимых выпускал.

Припев:

Голуби, мои вы милые,
Улетайте в облачную высь.
Голуби, вы сизокрылые,
В небо голубое унеслись.

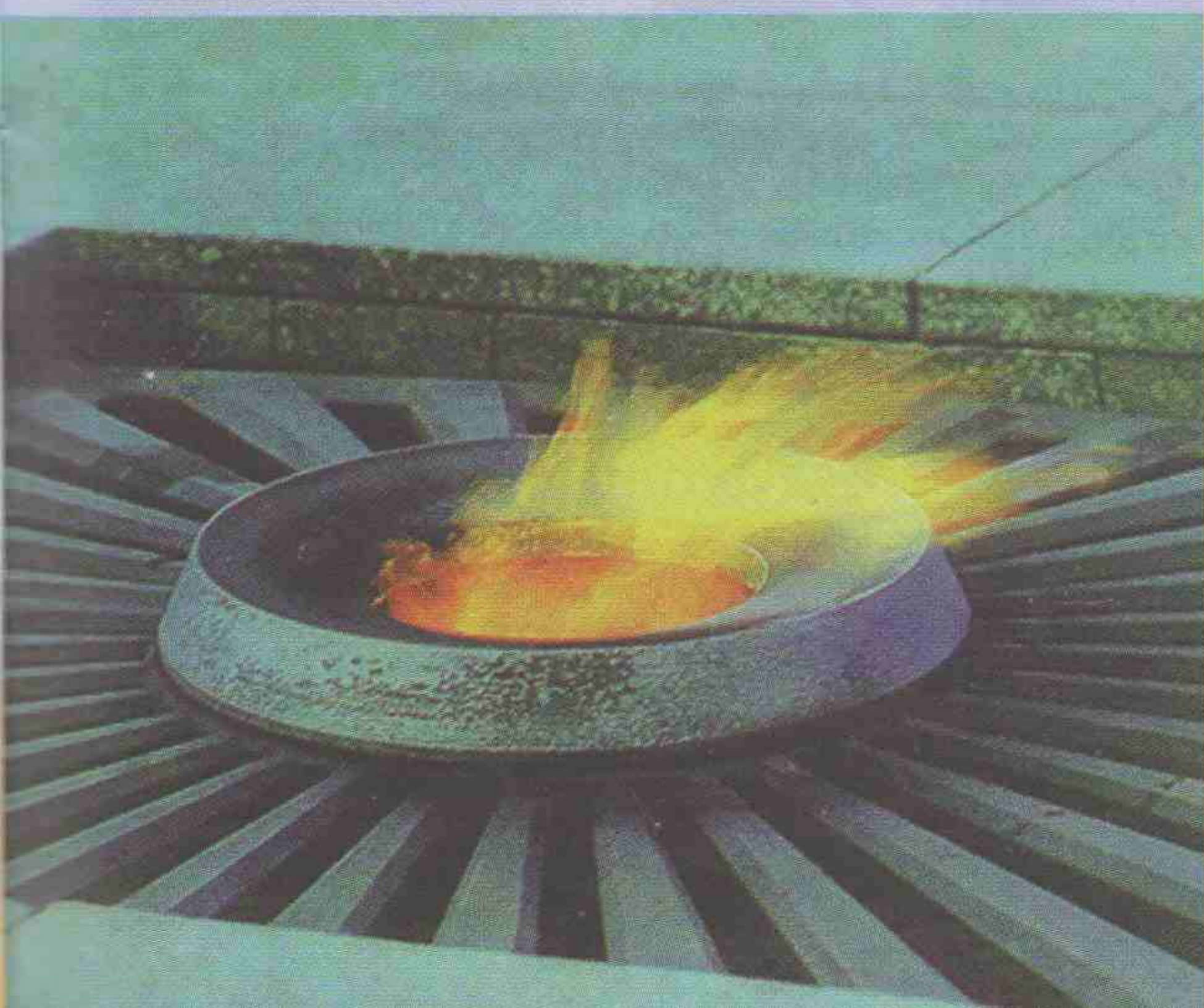
Юность, ты пришла с улыбкой ясной.
О, моя любимая страна!
Жизнь была счастливой и прекрасной,
Но внезапно грянула война.

«Дни пройдут, победа – красной птицей,
Разобьем фашистский черный шквал.
Снова в школе буду я учиться!» –
Так обычно Витя напевал.

Но однажды мимо дома Вити
Шел отряд захватчиков-зверей.
Офицер вдруг крикнул: «Отберите
У мальчишки этих голубей!»

Мальчик долго им сопротивлялся,
Он ругал фашистов, проклинал,
Но внезапно голос оборвался,
И убит был Витя наповал.

Голуби, мои вы милые,
Улетайте в облачную высь.
Голуби, вы сизокрылые,
Видно, сиротами родились.
Голуби, вы сизокрылые,
В небо голубое унеслись...

КАК КОГДА-ТО «ПИОНЕР» БУДУЩЕГО ЗНАМЕНИТОГО РЕЖИССЕРА ЛЕОНИДА ГАЙДАЯ ВЫРУЧИЛ

В детстве «Пионер» многие читали. И каждый находил в нем для себя что-нибудь полезное. Потом читатели вырастали, но старое добро не забывалось. Они с удовольствием, а иногда и с улыбкой вспоминали, как им «Пионер» когда-то помог. Сгодился он и будущему знаменитому кинорежиссеру Леониду Гайдая. Вы его фильмы видели – «Операция «Ы», «Кавказская пленница», «Двенадцать стульев»... Правда, Леонид Иович ходил тогда в школу, и никто не догадывался, что получится из этого долговязого паренька. Сам он думал, что станет великим музыкантом.

Тогда его семья жила в Глазкове, пригороде славного сибирского города Иркутска. В доме любили музыку. У Гайдаев был патефон и огромное количество пластинок. Леонид слушал их каждый день. Но одно дело – слушать, а другое – самому играть. И он однажды попросил:

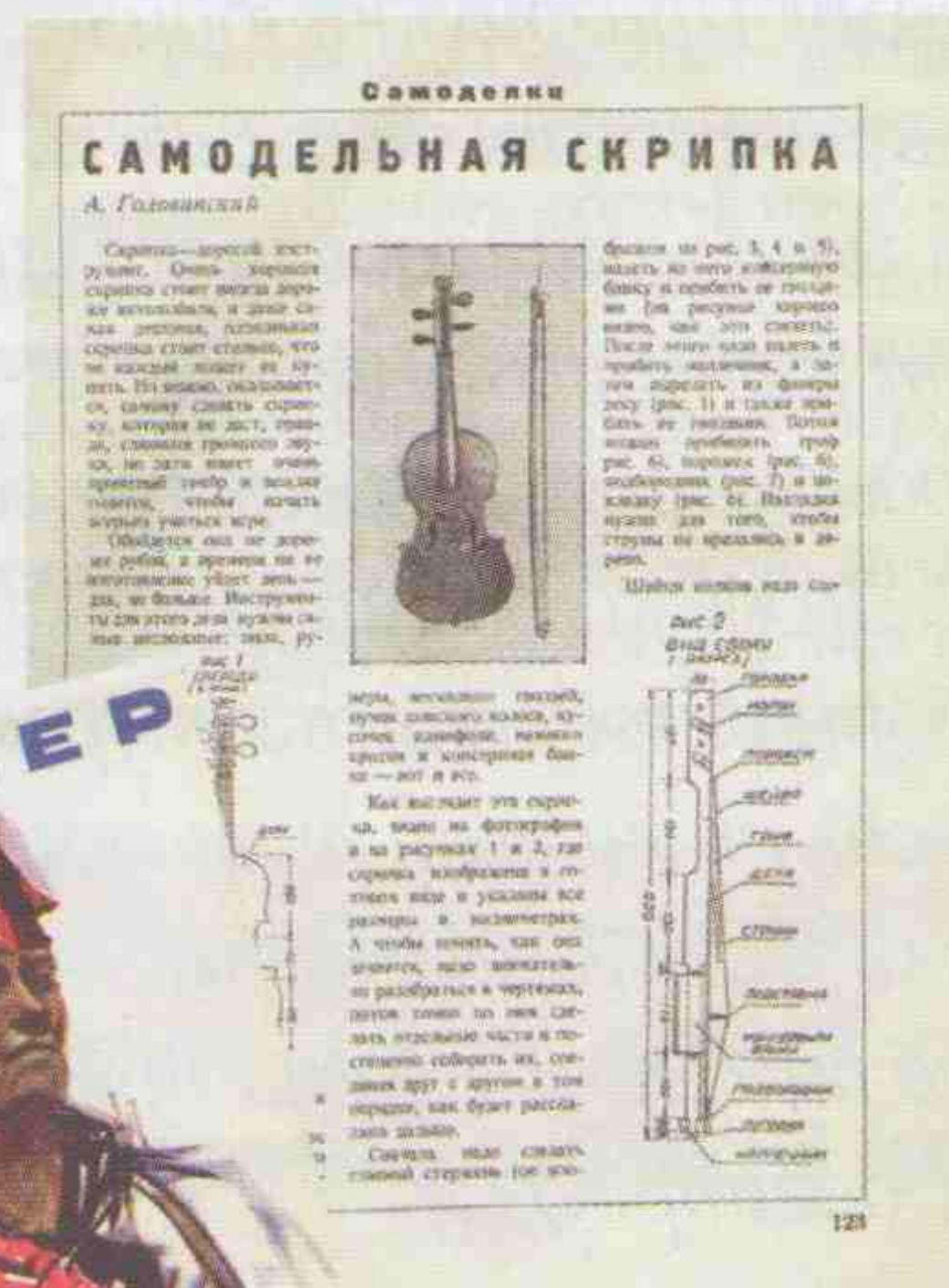
— Мама, купи мне, пожалуйста, скрипку!

Но в Иркутске детских скрипок в продаже не оказалось. Гайдай к тому времени был пионером и ежемесячно получал журнал «Пионер», который выписывали для него родители. В одном номере он нашел рекомендации, как можно сделать скрипку своими руками. Нужно было высушить еловые дощечки, выпилить их по чертежной форме, прорезать эфы в верхней деке, склеить, укрепить гриф — все это у мальчика получилось. Но где взять струны? Делать их рекомендовалось из конского волоса.

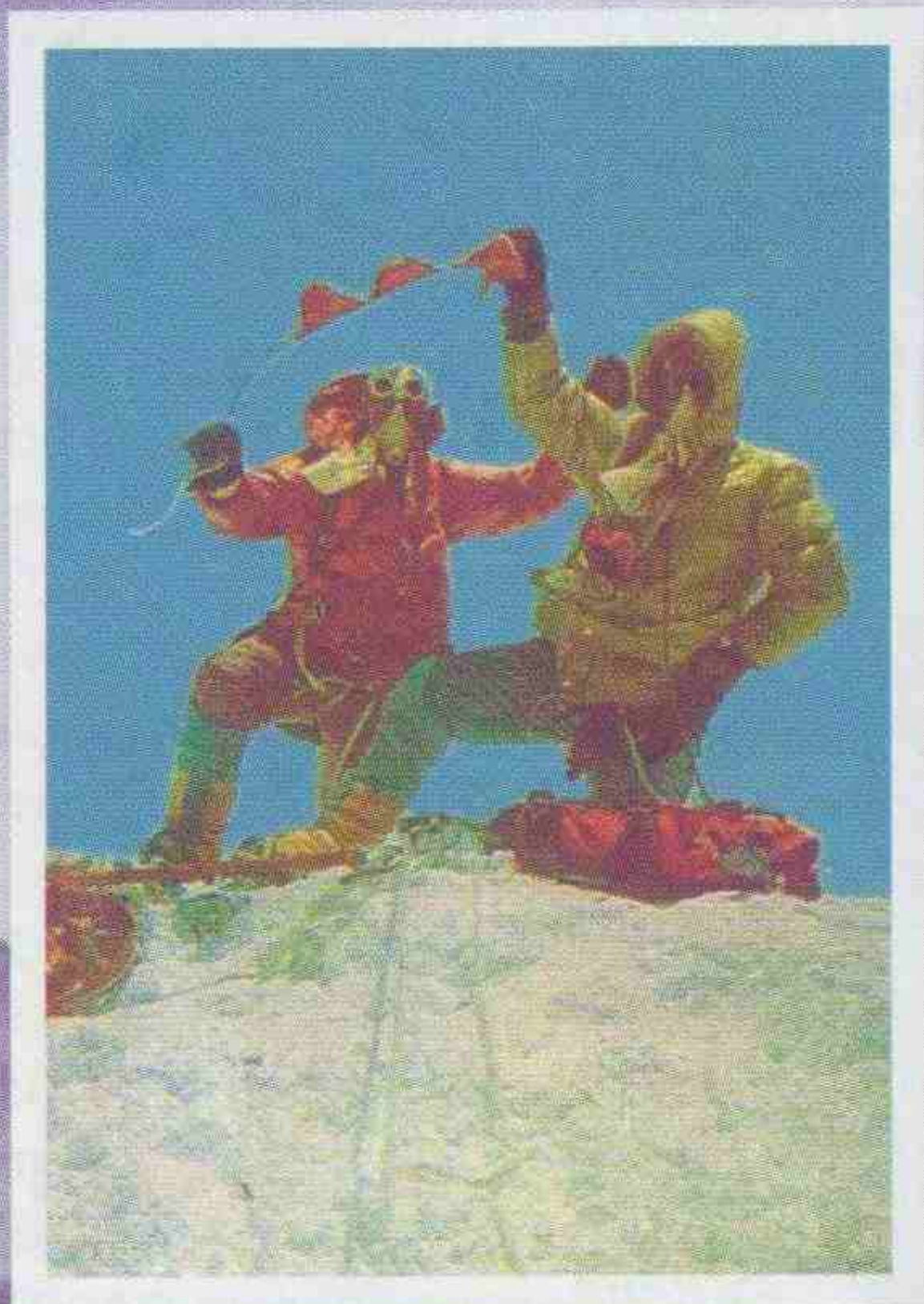
Срочно требовалась лошадь. Очень кстати у соседей была смиренная кобылка сивой масти. Половины ее хвоста хватило юному умельцу для оснащения инструмента. С ним Леня и отправился поступать в музыкальное училище. Когда там увидели «Пионерский «Страдивари», то хохотали так громко, что и на улице было слышно. Леню не приняли. Но винил он себя, а не скрипку: «Тогда мне и Страдивари не помог бы!»

А схема — вот она, вдруг кому понадобится.

Вот как хорошо сделали родители Леонида Гайдая, выписав ему «Пионер». И вы со своими тоже поговорите, ладно?

Татьяна ГУЛЯЕВА,
Феликс СВЕШНИКОВ

Маленькое ЗНАМЯ ПОБЕДЫ

«МЫ ВЫБИРАЕМ ТРУДНЫЙ ПУТЬ»

*Была у пионеров хорошая традиция. Что бы ни проходило в государстве интересного – обязательно «присосе-
дятся». Собираются что-нибудь по-
строить – они тут как тут со своим
металлоломом и трудовыми десан-
тами. Празднуют юбилей Победы –
зовут в гости ветеранов, ухаживают
за могилами и обелисками. Встреча-
ют гостей со всего мира – готовят
подарки и разучивают песни.*

*Даже когда наша альпинистская
сборная собралась штурмовать Эве-
рест, пионеры и тут сумели «прист-
роиться». Казалось бы – где Эверест, а
где пионеры? Но они применили «воен-
ную хитрость».*

Сперва дадим слово Феликсу Михайловичу Свешникову. Феликс Михайлович человек заслуженный. Известный альпинист, горноспасатель, член Географического общества России, автор интереснейших книг. Его перу принадлежит первая книжка об альпинизме для школьников – «Золотой ледоруб».

До 1982 года наши восходители на Эвересте не были. И вообще никому из советских альпинистов не удавалось покорить вершину выше 7600 метров. Поэтому взять «высотный полюс» планеты было для нас мечтой и делом чести.

И вот, наконец, принято решение – штурмовать Эверест. Готовились долго и серьезно. Почти три года. Отбирали кандидатов, проводили тренировочные сборы, тщательно прорабатывали маршрут. Решили идти по контрфорсу юго-западной стены. Это один из самых сложных путей к вершине.

В спортивный состав экспедиции вошли двенадцать основных и шесть запасных участников. Опытнейшие горновосходители, отважные люди, настоящие мужчины – чемпионы СССР, мастера и заслуженные мастера спорта. Руководил экспедицией крупный ученый, доктор физико-математических наук и одновременно – опытнейший альпинист Е.И.Тамм. Это была настоящая сборная. В ней были москвичи, ленинградцы, харьковчане, алмаатинцы, свердловчане... Капитаном команды стал прославленный альпинист Валентин Иванов, обладатель знака «Золотой ледоруб» – за покорение всех советских семитысячников, двукратный чемпион страны. Под стать ему были Владимир Балыбердин, Сергей Бершов, Казбек Валиев, Юрий Голодов, Сергей Ефимов, Эдуард Мысловский, Владимир Пучков, Валерий Хомутов...

Наша экспедиция оказалась двадцать пятой за всю историю покорения Эвереста. Штурм проходил в несколько этапов, с 4 по 9 мая. Сперва Эверест покорился «двойке» Балыбердина. Последней на высочайшую вершину мира взойшла «тройка» Голодова, Хомутова и Пучкова. Всего на вершине побывали одиннадцать наших спортсменов – случай в истории альпинизма небывалый.

В ознаменование победы альпинисты развернули над Эверестом несколько полотнищ. Государственный стяг страны, флаги некоторых союзных республик и... вымпел пионерского отряда имени Петра Куприянова из белорусского села Большая Ухолода.

Как он здесь оказался?

О готовящемся покорении Эвереста знала вся страна. Люди живо интересовались экспедицией и горячо болели за успех наших восходителей. В том числе и в Белоруссии. Особенно – мальчишки и девчонки, которым и самим не терпелось побывать на вершине.

Вот только как это сделать? Школьников в опасную экспедицию не возьмут. И пионеры нашли выход. Республиканская детская газета «Зорька» объявила соревнование под девизом «Дорога к Эвересту». От Белоруссии до далекого Непала в Гималаях примерно четыре тысячи километров. Значит, нужно пройти зимой на лыжах точно такое же расстояние. Пусть каждая пионерская дружина из Полесья, Беловежья, из Минска, Борисова, Могилева, Гомеля, Витебска наберет свой «гималайский» километраж. Все – на честность. Никто ребят контролировать не будет. Им доверяют.

Конечно, белорусские перелески и равнины не похожи на горные пики. Нет в Белоруссии ни пропастей, ни ледников, ни скал. И все-таки каждому из многих тысяч участников похода «Дорога к Эвересту» нужно было проявить спортивный дух, волю, выдержку, чтобы зимой, в любую погоду-непогоду пройти свои «гималайские километры».

В экспедиции приняли участие тысячи ребят. Быстрее всех прошли дистанцию лыжники пионерского отряда 7-А класса из села Большая Ухолода Минской области. Капитан команды Сережа Бабицкий получил победный вымпел за первенство в соревновании.

И тогда у ребят родилась идея: пусть весь мир узнает о том, что пионеры Белоруссии тоже участвовали в победной экспедиции советских альпинистов на «высотный полюс планеты»!

На маршрут горовосходители берут с собой только самое необходимое. Каждый лишний грамм веса может оказаться им в тягость и сыграть роковую роль. Даже «карманы» на рюкзаках приходится спарывать. В рюкзаке у участника штурма заслуженного мастера спорта Валерия Хомутова на вершине Эвереста были два баллона с кислородом, пакетик с сухим завтраком, немного теплого чая во фляжке, мини-рация – и пионерский вымпел из Белоруссии.

Он один такой – кусочек алого кумача, побывавший на «крыше мира». Его бережно несли к вершине, его трепали свирепые ветры, – а он гордо развевался над Эверестом, как маленькое знамя Победы.

А теперь предоставим слово журналистке из Белоруссии Татьяне Гуляевой. Корреспонденту той самой «Зорьки», которая затеяла когда-то пионерский «штурм Эвереста». По нашей просьбе Татьяна съездила в Большую Ухолоду – выяснить, на месте ли школа, не потерялся ли знаменитый вымпел и кем стали бывшие юные «альпинисты».

КАК ЭВЕРЕСТ ПРИШЕЛ В БОЛЬШУЮ УХОЛОДУ

Жив-здоров знаменитый вымпел, никуда не делся. Окружен, можно сказать, почетом и уважением. Его в Большеухолодской школе берегут, как зеницу ока. Как-никак – реликвия. И школа на месте. Только в новое здание перешла.

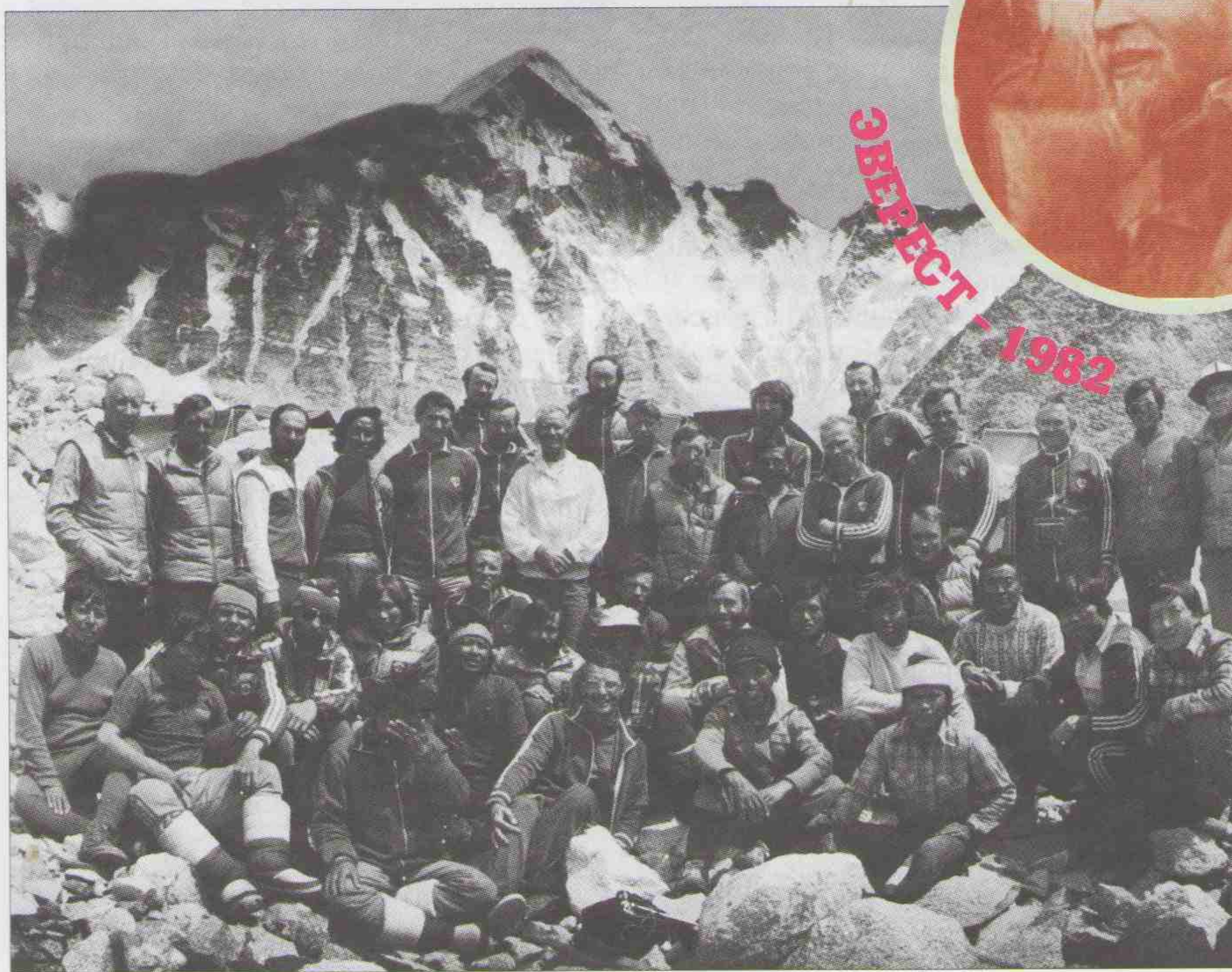
Но сперва я бы хотела немного дополнить рассказ Феликса Михайловича.

Это правда, от белорусских границ до Непала – около 4 тысяч километров.

«Давайте «проводим» наших альпинистов до подножия Эвереста, – предложила республиканская пионерская газета «Зорька». – Одному этот непростой путь не одолеть. Но если в каждой школе в поход отправятся тридцать юных лыжников, и каждый за неделю пройдет 15 километров, то к концу марта отряд финиширует у подножия Эвереста! Сложенные в одну лыжную километры, пройденные всеми участниками отряда – это и будет дорога к высочайшей вершине мира. На пути могут встать «заслоны» – метели, снегопады, оттепели. Нельзя терять ни одного погожего дня!»

Штаб опубликовал условия участия: научиться ориентироваться на местности, ходить по азимуту, брать на лыжах «высоты» и спускаться с гор, сдать на лыжне норматив ГТО, быть готовым к проверке знаний по географии. Победителям похода – тем, кто первым «дойдет» до подножия Сагаматхи (в переводе с непальского «мать-гора»), предоставлялось право передать свой отрядный флажок альпинистской сборной страны. И если альпинисты взойдут на вершину, они поднимут его над Эверестом.

Уже через неделю после объявленного старта в редакцию посыпались донесения от участников. В них сообщалось о

Сборная команда страны перед штурмом Эвереста. В центре – руководитель экспедиции Е.И.Тамм.

Вымпел, побывавший на вершине Эвереста. С волнением вспоминает «гималайскую гонку» Станислав Владимирович Бабицкий. Сегодня его дело продолжает сын. А вот интересно, мальчик с указкой, — он ему кем доводится?

результатах проведенных кроссов, соревнований, уроков физкультуры. На схемах были отмечены маршруты.

Семиклассники Большеухолодской школы из Борисовского района Минской области помчались по лыжне, как на крыльях. Если по правде, то руководители школы им чуть-чуть подмогнули. Ввели 30-минутную перемену. Едва дождавшись звонка с урока, ребята надевали лыжи — и вперед, к «Джомолунгме»! Чуть ли не ежедневно отряд имени Петра Куприянова докладывал о солидных прибавках в километраже. Через месяц физорг класса Сережа Бабицкий рапортовал: «Есть две тысячи километров — на двадцать двух лыжников!» Еще через две недели из Большой Ухолоды прилетела телеграмма: «Достигли подножия Эвереста. Продолжаем идти вперед». Победители прошли 5149 километров!

Прыткости большеухолодцев никто особо не удивился. Имена юных лыжников, «золотых» значкистов ГТО — Иры Насуро, Саши Уклеико, Иры Слайковской, Сергея Кнотько — не раз звучали на всю Белоруссию. Года за два до «Эверестовской лыжни» они победили во всесоюзном пробеге, объявленном детской азербайджанской газетой «Азербайд-

жан пионеры». А в 1981 году, благодаря «Зорьке», не покидая Большой Ухолоды, «побывали» на Северном полюсе, пройдя на лыжах более 3500 км.

С замиранием сердца ребята передавали отрядный флажок выдающимся альпинистам — заслуженным мастерам спорта Валерию Васильевичу Хомутову и Владимиру Николаевичу Пучкову. Во время восхождения ребята с волнением следили по карте-«километровке» за всеми этапами штурма, переживали, от души желали альпинистам удачи.

9 Мая, в День Победы, на вершину Эвереста взойшло последнее звено «заоблачной» экспедиции. В его составе — Валерий Хомутов и Владимир Пучков. Рядом с флагами СССР и Белоруссии на ветру заполоскался вымпел пионерского отряда имени Петра Куприянова. Чуть позднее Владимир Николаевич Шатаев, тренер команды альпинистов, заслуженный мастер спорта СССР, расскажет, как альпинисты дорожили пионерским вымпелом, как берегли его на пути к вершине. А чтобы ни у кого не оставалось сомнений, предъявит фотографию.

«Гордимся победой альпинистов!» — летели телеграммы на радио, в газеты, Особенно радовались в Ухолоде. О при-

ключениях пионерского вымпела рассказали в телевизионном «Клубе путешественников». Студия «Беларусьфильм» сняла о нем документальную ленту.

И вот я в Ухолоде. Спустя двадцать пять лет после «гималайской» гонки.

Большая Ухолода не слишком большая. И даже, если по правде, маленькая. Милое, приветливое белорусское село с забавным названием. Когда мы договаривались с редакцией «Пионера» об этом материале, в Москве почему-то решили, что «ухолода» — это по-белорусски «прохлада». И правда похоже. Тем более что и удивительно красивая, по-особому живописная природа к этому располагает. От тенистой рощи веет приятной прохладой, игривые лучики солнца отражаются в кристально чистой Березине... как раз у того места, где в давние времена при сплаве леса к берегу прибились несколько колод. Пришли искать потерявшиеся бревна лесорубы, облюбовали местечко — и вот на краю могучего леса выросло селение. «Где живете?» — спрашивали соседи. «У колоды», — отвечали новоселы. Потом и адрес стали такой писать, слив два слова в одно и слегка изменив их для удобства произношения.

Сегодня воспоминания Станислава Владимировича Бабицкого, бывшего учителя физкультуры и классного руководителя того самого, «знаменитого» 7-го «Б» класса, нынешние большеухолодские пионеры слушают, как захватывающую книгу. Слово семейную реликвию хранит Станислав Владимирович классный журнал 1982 года, где напротив каждой фамилии — сплошная арифметика. Пройденные километры считали на совесть, без всяких «приблизительно», «примерно» и «около».

— Где же вы такой огромный маршрут проложили? — удивляюсь я, осматривая окрестности деревушки.

— Здание старой базовой школы находилось в лесу. Вот по его сугробам мы и прокладывали свои стежки-дорожки, — смеется Станислав Владимирович. — Вдоль реки Березины лыжня шла.

Тогда сын Станислава Владимировича Сережа стал абсолютным чемпионом, одолев 544 километра.

— Признавайтесь, — испытываю я у Станислава Владимировича, — приписали сыну километр-другой?

Он смеется:

— Еще и «отписывал», чтобы разговоров не было. С сына — спрос особый.

Есть что вспомнить и учительнице истории Тамаре Петровне Шапчиц. Она прошла вместе с двадцатью юными «альпинистами» весь путь — от родного села до подножия Сагаматхи.

Что было дальше? Сергей – теперь он Сергей Станиславович – пошел по стопам отца. Стал учителем, преподает физкультуру. По-разному сложились судьбы у остальных участников «экспедиции». Три однофамилицы Тамары Петровны (представляете, каково им было, пока учитель решит, которую к доске вызывать?) – две Светланы и Марина – ныне живут в разных уголках республики. Ирина Слайковская врач, лечит людей в Борисове. Майя Круглик окончила линг-

можете мне поверить, совсем неплохо. Могу подтвердить это примерами из... Большой Ухолоды.

Пионерам дружины имени Михаила Морозова в наследство от бывших выпускников школы досталась аллея из 113 тополей, высаженных в память о погибших в годы Великой Отечественной войны земляках. Она в идеальном порядке. Видно, что сюда приходят не только по праздникам да перед приездом какой-нибудь важной комиссии.

Вместе с педагогом-организатором Анной Евгеньевной Богдан ребята разработали авторский проект, посвященный истории родного села и его будущему. Учатся, горячо болеют друг за друга на спортивных соревнованиях, участвуют в самодеятельности, летом купаются в Березине, помогают родителям.

А в остальном – все как у людей.

Где не справится одному – возьмутся всем отрядом.

Татьяна ГУЛЯЕВА,
корреспондент газеты «Зорька» –
специально для журнала «Пионер».

Республика Беларусь,
Минская область, Борисовский район,
д. Большая Ухолода.

Фото автора.

Пионеры Большой Ухолоды в полной боевой готовности. Горнистам немного смешно. Попросили приложить горны к губам, и все. Эх, как бы они затрубили!

вистический университет. Теперь она на Кубе, за тысячи километров от родной Белоруссии. Александр Кудин – не кто-нибудь, а начальник уголовного розыска в Борисовском районе. Все «альпинисты» остальные тоже в полном порядке. Живут, работают, растят детей.

Это ничего, что жизнь разбросала их по всему свету. Они все равно остаются членами одного отряда, одной дружной команды, проложившей тысячекилометровую лыжню от маленькой Большой Ухолоды до самого Эвереста.

Наверное, многим российским читателям это покажется невероятным. Большинство их белорусских сверстников – пионеры. Даже галстуки у них почти такие же, как раньше, – красные, только с зеленой полоской. Живется им,

**Вспоминает Эмилия Петровна ЛУКАНСКАЯ,
главный редактор газеты «Зорька» в 1982 году:**

Близилась весна, неумолимо таял снег и, чтобы довести задуманное до конца, некоторые участники упаковывали лыжи, садились на велосипеды и спешили в лес, где в тени деревьев земля еще была покрыта снегом. А потом присылали в штаб донесения о пройденных «вело-лыжных» километрах.

Сейчас трудно представить, но тогда лучшими подарками ребята считали памятные вымпелы и Почетные грамоты газеты «Зорька», значки «Альпинист СССР», фотоснимок вершины Эвереста с начерченным маршрутом следования. И еще ледоруб. Тот самый, что помог знаменитым спортсменам взойти на вершину.

Прочитали? И как вы к этому относитесь? Многие наши читатели наверняка иронично улыбнутся. Кому это было нужно – гонять на лыжах по берегам Березины, наматывать вокруг деревни километры, якобы «двигаясь» к Северному полюсу? Как сказано в одном фильме – «на парте по карте»...

Во-первых, полезно для здоровья. А еще ребята открыли для себя много нового. Но главное – это дарило им ощущение личной причастности к чему-то интересному, важному и большому.

Большому делу.

Большому народу.

Большой стране.

Оно ит- НАДО!

Когда человеку хотят намекнуть, что он не дает другим людям спокойно жить, у него интеллигентно спрашивают: «Оно тебе надо?»

Московские пионеры... да есть, есть, надоело уже объяснять – отвечают на этот вопрос утвердительно. Но пусть расскажут поподробнее. Мы для них даже специальные вопросы придумали. А разговор поведет координатор Московского городского Совета пионерской организации Дмитрий Николаевич ЛЕБЕДЕВ. Фотографии, кстати, тоже их, «пионерские».

Идея собрать вместе пионеров разных поколений – от новичков до опытных ребят, которые давно стали студентами, но не вышли из организации, и попросить их рассказать о себе, показалась мне интересной. А действительно, что они думают о Пионерии? А себя как в ней ощущают? Знакомьтесь:

Илья МАСЛИКОВ, шестиклассник; в организации – 1 год.

Коля ГАВРИЛИН, десятиклассник; старший пионер, «трубач» (ранг в организации не маленький). 4 года пионерской жизни.

Ира ЕФИМОВА, Саша ЛЕБЕДЕВ, Марина ИВАНОВА – студенты. Год или два года назад они еще стояли в пионерском строю. Теперь они инструкторы, вожатые.

Итак, к началу!

Почему ты решил стать пионером? Как появилась у тебя эта идея?

Илья МАСЛИКОВ: Так вышло. Конечно, о пионерах я слышал, ведь все в моей семье были пионерами. Но даже не мечтал стать пионером сам. А тут к нам в школу пришли ребята в красных галсту-

ках. Я своим глазам не поверил. Спрашиваю: «Вы и правда пионеры?» Отвечают: «Да, пионеры. А что такого?» Они приглашали пойти в поход по линии обороны Москвы. Я поднял руку, сказал, что пойду. И пошел. Можно сказать, это было мое боевое (по-настоящему!) крещение в организации. Был декабрь, стоял мороз, шел снег, а мы шли. И прошли весь маршрут. Вечером дома думал: «Все, это не для меня». А потом понял, что именно *для меня*.

Коля ГАВРИЛИН: Я о пионерах мечтал с детства. Мой папа много рассказывал о своих пионерских годах. И мне тоже хотелось и в лагерь поехать, и в поход сходить, и интересными делами заниматься. Но где найти пионеров сегодня? Но мне повезло. В нашей школе пионеры были. И был замечательный инструктор – Татьяна Борисовна Реброва. Так, четыре года назад, моя мечта осуществилась.

Ира ЕФИМОВА: Во многом я стала пионеркой случайно. Моя подруга Наташа Саратовцева стала пионеркой. И она просто вза-

хлеб рассказывала о пионерах. И я тоже решила пойти с ней вместе, просто посмотреть. Мне понравилось. Да так, что я осталась. Что понравилось? Наверное, атмосфера в коллективе. И еще взрослые. Они так не походили на многих моих учителей. Они – свои.

Сашиа ЛЕБЕДЕВ: Становиться пионером или нет – для меня такого вопроса не стояло никогда. Ведь меня еще в раннем детстве «окунули» в атмосферу пионерства. А вот почему я остался пионером, даже когда стал выпускником организации, даже когда поближе познакомился с другими организациями – вопрос... Наверное, в нашей организации есть нечто такое, что присуще, как мне кажется, ей одной. Если бы Пионерия была человеком, я бы перечислил ее главные качества: сила (порой дремлющая, но совсем не маленькая, способная перебороть любые трудности); доброта; чувство справедливости (иногда суровой, но именно *справедливости*). Она – друг. Она обращена к людям, она готова помогать. А еще она – выдумщица, непоседа, озорная особа. Мне такие люди нравятся.

Марина ИВАНОВА: Я пришла в пионерскую организацию поздно, в десятом классе. Почему пришла? За компанию. А осталась в организации до сих пор уже «по своему хотению». Потому, что считаю: помогать людям, и особенно детям – сейчас, в наше время, просто необходимо. Иначе нельзя.

Ладно, с этим разобрались. А что для вас означает БЫТЬ ПИОНЕРОМ сегодня?

Илья МАСЛИКОВ: Лично для меня *быть пионером* означает стремиться быть лучше, уметь вести за собой других людей, помогать им. А еще – очень хотелось бы сделать наш мир хоть чуть-чуть чище, чуть-чуть добрее.

Коля ГАВРИЛИН: Я почувствовал себя по-настоящему пионером, когда начал работать с полной отдачей. Сейчас я председатель Тимирязевского районного пионерского штаба. Действовать с полной отдачей – это и есть настоящая пионерская жизнь.

Ира ЕФИМОВА: Быть пионером, наверное, – это образ жизни. Я учусь в институте и одновременно являюсь инструктором организации. Времени не хватает, приходится крутиться, как белке в колесе, но такая жизнь мне нравится.

Сашиа ЛЕБЕДЕВ: Да, это образ жизни. Причем именно такой жизни, какой она должна быть, мне кажется, в принципе. Не знаю, но порой я себя ловлю на мысли, что по-иному я сейчас жить уже не могу. Мне приходится не только учиться, работать инструктором, но и быть старостой мужского хора МИФИ. Я, конечно, понимаю, что затыкать все дыры при подготовке концертов, поездок хора, может, и не мое дело, но иначе я не могу. Очень хочется, чтобы все было по высшей мерке. Мои родители ворчат: что ты, мол, пытаешься объять необъятное?.. Но они у меня сами такие.

Марина ИВАНОВА: Не сочтите за громкие слова, но у меня есть свой девиз жизни. Это строчки из пес-

ни: «Я это сделать должен! В этом судьба моя. Если не я, то кто же? Кто же, если не я?!» Очень пионерская песня. А еще для меня быть пионером – это значит уметь дружить. Мне кажется, что только в организации можно понять, что такое настоящая дружба. Ведь именно в походах, на лагерных сборах, в трудном деле людей узнаешь, как нигде.

А как на вас смотрят окружающие? Современны ли сегодня быть пионером?

Илья МАСЛИКОВ: Конечно, кое-кто считает, что пионеры «вымерли». А вот и нет. Мы, извините, есть, и вымирать не собираемся. А раз так, значит, мы современны, нужны, значит, мы есть и будем.

Коля ГАВРИЛИН: Я никак не могу понять тех, кто считает, что мы – позавчерашний день. Скорее, в чем-то день будущий. Народ у нас умный, веселый, деловой, идущий в ногу со временем. Хотя и не во всем согласный с тем, что делается вокруг. Но это – нормально. А наши выпускники – они умеют и выстоять в этой непростой жизни, и помогать другим. И будущее за такими людьми.

Ира ЕФИМОВА: Именно. Для меня настоящий пионер (и не обязательно член детской организации,

Принимаем гостей.

Ох и наползаетесь, когда пионеры придут. Под фанфары!

а, так сказать, по жизни) – Человек с большой буквы. Такие люди, пусть даже в небольшом количестве, всегда есть. Так что настоящие пионеры были и есть. Они будут в любую эпоху. И с этим, я думаю, ничего поделать не сможет никто.

Саша ЛЕБЕДЕВ: Меня всегда оскорбляет, когда про наше поколение говорят, что мы – «поколение пепси». Если каждый будет весь состоять из пепси, с «бананами» в ушах и сам по себе, – это будет страшно. Как в джунглях, каждый сам за себя. Так и погибнуть можно. У нас это невозможно, хотя мы и музыку современную слушаем, и внешне не сильно отличаемся от сверстников.

Марина ИВАНОВА: Я не очень люблю это выражение, но пусть уж лучше мы будем «поколением next»! Мы современные, потому что смотрим в будущее. Мы думаем не только о себе и своих интересах. А разве это не современно, не перспективно?

А то, что ты в пионерской организации, – тебе это помогает или мешает?

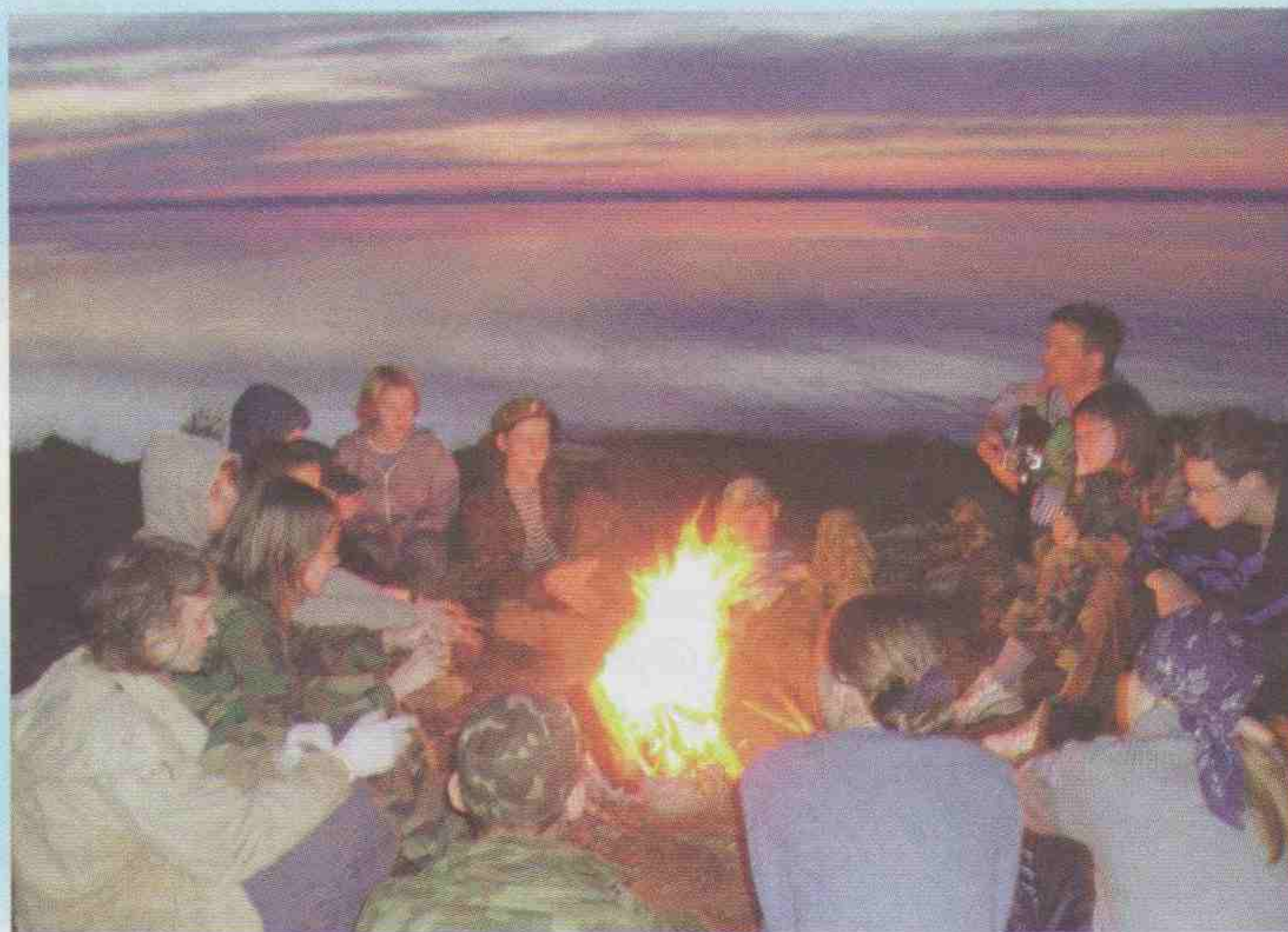
Илья МАСЛИКОВ: Помогает, иначе я не был бы в организации. Помогает думать, отстаивать свое мнение. Мне кажется, я стал лучше понимать людей, даже родителей своих. Я стал более раскрепощенным и самостоятельным.

Коля ГАВРИЛИН: Однозначно, помогает. Столько всего мы узнали, сколькому научились – всего и не перечислишь! А помехи... Да нет. Конечно, порой приходится отстаивать свои взгляды – и словесно, и делом. И бывает досадно, когда нас не понимают. Но это сегодня жизнь такая.

Ира ЕФИМОВА: Пионерская организация научила меня оставаться собой. Она помогла мне найти свое место в жизни, сделала меня целеустремленной, показала, что не стоит бояться трудностей, а нужно преодолевать их. Помех я не вижу. Наверное, их нет.

Саша ЛЕБЕДЕВ: Мешает погрузиться в институтские дела с головой, а помогает порой чуть отдохнуть от учебы, чтобы не свихнуться окончательно (шучу). А если серьезно, то она помогает и уже помогла «не прогибаться под изменчивый мир»...

«Не за огонь люблю костер, – за тесный круг друзей...»

Марина ИВАНОВА: «... пусть этот мир прогнется под нас!». Нет, серьезно, мне очень хочется, чтобы побольше ребят и взрослых получили такой опыт, какой получили мы. Это было бы здорово!

* * *

Дмитрий Николаевич ЛЕБЕДЕВ: Вот так. Нельзя сказать, что мне нечего добавить к тому, что сказали ребята. Добавить я мог бы многое, но, пожалуй, ограничусь лишь несколькими словами.

Мне не хотелось бы, чтобы кто-то понял нас неправильно, что, мол, мы выпячиваем свою органи-

зацию, похваляемся чем-то. Нет, просто на вопросы отвечали очень убежденные пионеры, ребята, любящие свою организацию, гордящиеся ее успехами, болеющие, переживающие за нее.

Нам действительно, в 90-е годы прошлого века, пророчили скорую гибель, утверждая, что мы – из прошлого, что место в будущем для нас не предусмотрено. Но получилось иначе: пионерские объединения действуют сегодня практически во всех областях, краях и республиках России, а также в соседних с нею странах. Думаю, так будет и впредь.

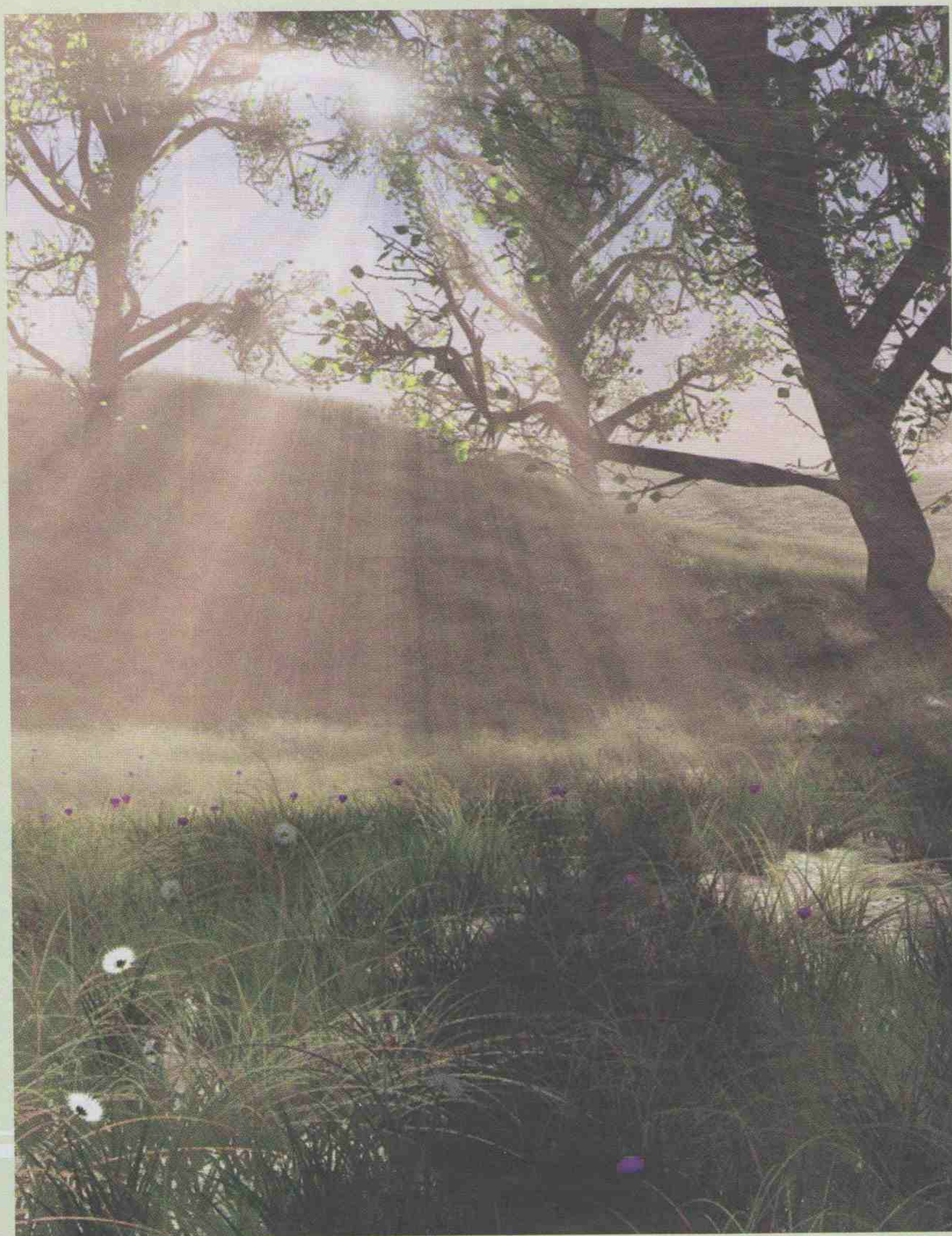
Конечно, пионеров сегодня значительно меньше, чем было когда-то. Но мы искренне считаем «пионерами» не только тех, кто носит пионерский галстук, но и всех, кто живет по-пионерски: активно, творчески, инициативно, с пользой для себя, для окружающих, для Родины своей, наконец. Ведь слово «пионер» по-прежнему означает *первопроходец*, а таких людей и сегодня немало. В каком-то смысле им принадлежит будущее. По су-

ти, пионером, может быть, являетесь и вы, дорогие читатели. Не важно, сколько вам лет – 10, 16 или больше. Значит, и праздник у нас сегодня с вами общий. Так что с 85-летием Пионерии вас!

Дорогие пионеры и ветераны Пионерии, папы, мамы, дедушки, бабушки и, конечно, мальчишки и девчонки! Я не сомневаюсь, это – не последняя «круглая» дата в пионерской истории. Поэтому заканчиваю свой комментарий строчкой из старой пионерской речевки: «В тебя, Пионерия, верю я! Шагай вперед, Пионерия!»

БОЛЬШЕ, ЧЕМ ОСТАТЬСЯ

Этих людей сегодня с нами нет. А дело, которому они себя посвятили, продолжает жить. В замечательных фильмах. В удивительном театре. В звонких песнях. В ярком и честном печатном слове. В памяти любящих, в работе учеников и единомышленников. Обычно заботу общества о детях измеряют строкой в бюджете. И это правильно. Но точнее было бы – масштабом личностей, присягнувших когда-то Детству. Они все еще продолжают светить.

*Уходя, оставляю свет
В комнатухе обветшалой.
Невзирая на запрет
Правил противопожарных.
Невзирая на запрет
Правил противопожарных.*

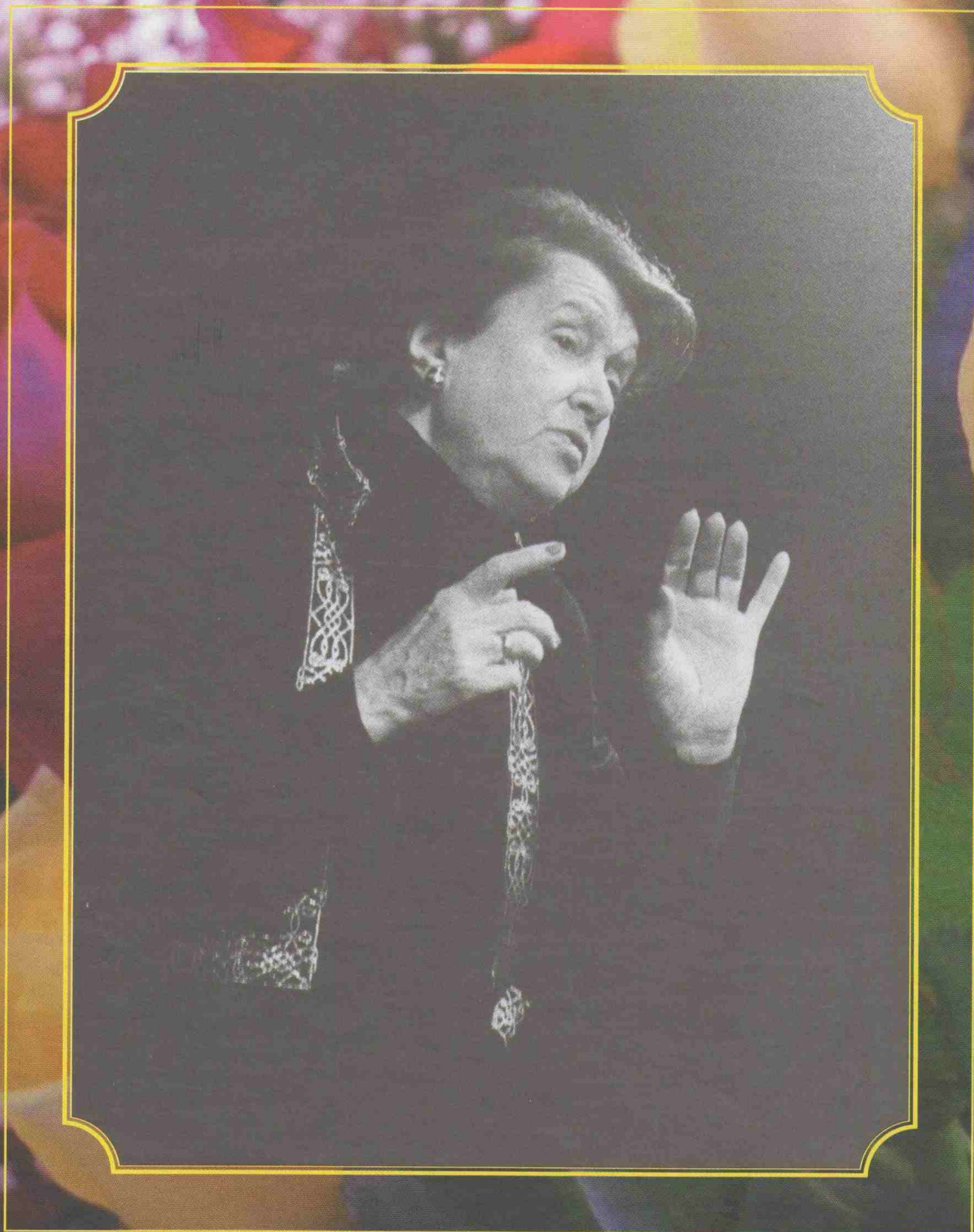
*У любви гарантий нет.
Это очень скверно, братцы.
Но уходя, оставьте свет
В тех, с кем выпадет расстаться.
Уходя, оставьте свет
В тех, с кем выпадет расстаться.*

*Жаль, что неизбежна смерть.
Но возможна сатисфакция¹ –
Уходя, оставить свет.
Уходя, оставить свет –
Значит больше, чем остаться.*

П.ВЕГИН, А.ТАЛЬКОВСКИЙ.

¹ Сатисфакция. Здесь – право на ответный удар.

Наталія Ільїнічна САЦ

В

споминаю Наталию Ильиничну часто и по разным поводам. В этом году, например, мы будем проводить в Манеже традиционную выставку культурного развития столицы. Там будет представлено много всего интересного. А поскольку в Москве объявлен Год ребенка, мы решили сделать на этой выставке специальный отдел, где творческие союзы расскажут, что они делают для детворы. И в этой связи я попросила сделать макет комнаты для младших братишек и сестреноч, которая уже давно работает в театре Н.И.Сац.

Это ее идея, ее авторская педагогическая модель. Ведь на самом деле у себя в театре она придумала – и продумала – все. Там нет ничего второстепенного и случайного. Я помню, как сама с большим удовольствием водила ребенка к ней в театр, когда он был еще маленький. И все равно он шел туда с радостью. Спектакль для него был «делом десятым», он не все понимал, что происходит на сцене. Но комната для маленьких... В ней можно было поиграть, пообщаться с такими же малышами, как сам, погонять в автомобильчике по просторным фойе. Тем временем старшие, с которыми малышня явилась в театр, в зрительном зале спокойно смотрели спектакль. Афиша у Наталии Ильиничны была разнообразной, на все возрасты. И для взрослых – «Король Лир», «Евгений Онегин», «Мадам Баттерфляй» – и для самых маленьких.

Почему-то, когда родители покупают билеты, они думают, что если ты идешь в детский театр, то можно смело вести туда мальчика или девочку любого возраста. И попадают пяти-шестилетние ребята на «Мадам Баттерфляй», например. Даже если малыши очень постарались и будут вести себя смирно, – больше их в театр не затащишь. Но и «разворачивать», отправлять их домой тоже нельзя. Представляете, сколько слез прольется? А результат получится такой же, как и в первом случае. Так и так плохо.

В театре Наталии Ильиничны другие порядки. Пришли? Милости просим! Только маленькому лучше пройти в эту комнату. Она сделана тоже, как театральное пространство. Там можно самому поиграть на фортепиано. Или нарисовать что-нибудь. Можно самому побыть актером – в кукольном театре. Там тобой займутся педагоги, там тебе найдут дело по душе. Но потом, в какой-то момент, всех, кто находится в этой комнате, педагог потихоньку, чтобы не шуметь, ведет на балкон и показывает, что происходит внизу, в зрительном зале. Маленькому человеку на понятном ему языке говорят: «Посмотри, как все слушают и смотрят. А вон сцена – видишь? Когда подрастешь, ты тоже придешь на этот спектакль. Будешь сидеть внизу, смотреть и слушать – и тебе все-все будет понятно!»

И вот уже малыш мечтает поскорее подрасти и снова придти в театр – уже как «настоящий» зритель.

Я очень хочу, чтобы такие же комнаты были в каждом московском театре. Поменьше, побольше, более современную, по-своему адаптированную к репертуару театра, – главное, чтобы она была. Мы хотим, чтобы родители, уходя в театр, не оставляли детей одних или под присмотром родственников. И чтобы они с детьми

не ходили в театр порознь. Как было бы хорошо, если бы они отправлялись в театр вместе. И чтобы ребенок знал: они идут *в театр*, там ему будет хорошо и интересно. Пока родители будут смотреть спектакль, он тоже будет в театре. И это очень важно.

У Наталии Владимировны каждый спектакль начинался с «вхождения» в театральное действие. Она всегда готовила вступительную речь и произносила ее перед юными зрителями сама. Сейчас это делают ее дочь Роксана Николаевна, педагоги театра. Для Наталии Ильиничны это был очень ответственный момент. Она всегда особенно тщательно одевалась, продумывала, что она скажет, искала убедительные слова. И при этом она никогда не повторялась!

И вот спектакль окончен, занавес опустился. Но Наталия Ильинична разбиралась в детской психологии, как никто другой. Когда дети посмотрят спектакль, им обязательно захочется, поделиться впечатлениями. Пожалуйста! Вот столы, вот карандаши, вот краски, кисточки, фломастеры. Можешь нарисовать то, что произвело на тебя наибольшее впечатление. А вот и специальный стенд, на который можно прикрепить рисунок.

А если кто захочет продолжить для себя сказку, он может зайти в особую комнату. В ней – таинственный полумрак, в ней загадочно, в ней необыкновенно красиво. На стенах – огромные палехские панно с сюжетами сказок. И под музыку – легкую, негромкую, спокойную – они могут послушать рассказ педагога об этом полотне или, возможно, послушать часть любимой сказки.

В этом театре даже подносы в буфете, даже фантики от конфет, которые там продавались, как-то связывались с театральным действием.

Наталия Ильинична была потрясающим организатором детского театра. Не зря ее называли матерью детских театров. Во всем мире ее авторитет был абсолютно признан, и я не раз была тому свидетельницей. Однажды она меня взяла с собой – в качестве члена делегации,

которую возглавляла, – на фестиваль детских театров в Данию. Мы с ней провели в этой стране несколько дней. Эти дни для меня очень памятные, и не только из-за смешных и трогательных приключений, которые поминутно с нами случались. Мы с ней постоянно говорили о судьбе детских театров. Она мне рассказывала о своих замыслах. А еще – о трудностях, с которыми сталкиваются все ее коллеги.

Наталия Ильинична постоянно над собой работала. Даже в больнице, в тяжелую для себя минуту. Она мне всегда говорила, что боится склероза. «Я учу наизусть Барто!» Она брала с собой «Болтунью» и повторяла это стихотворение. Учила языки. Перед поездкой в Японию – японский, перед поездкой в Китай – китайский. Английский, немецкий, итальянский – она знала и так.

Наталия Ильинична была человеком, который продумывает все до мелочей. Она приглашала для работы над спектаклями очень серьезных мастеров. Например, композитора Чолаева, когда готовилась постановка «Короля Лира». Первая партитура ей не понравилась. Это был уникальный случай, когда серьезный ком-

Наташа

позитор переписывал партитуру заново. Встречаясь с Чолаевым, мы всегда об этом вспоминаем.

Никогда не забуду Фестиваль молодежи и студентов, когда мы делали детскую программу. В ту пору я возглавляла пионерскую организацию. Помню, как мы с Наталией Ильиничной придумывали, что можно сделать, чтобы показать нашу страну мировому сообществу с точки зрения заботы о детях. Она предложила провести у себя в театре вечер «Ведущие мастера культуры страны – детям». В нем принимали участие Олег Ефремов, Ролан Быков, Ирина Архипова, наши ведущие детские композиторы. Она собрала всех известных людей «под» свое имя. Все пришли, никто и не подумал ей отказать.

Она выступала на всех активах, на всех собраниях, на всех пленумах. Она везде и всюду взывала, требовала, просила, чтобы ведущие творческие силы работали «на детей».

Она скрупулезно подбирала и воспитывала свой коллектив. Приглашала из ГИТИСа, где была профессором, самых талантливых молодых выпускников. У нее работали лучшие оперные голоса, к ней охотно шли талантливые артисты балета. Она знала о своих ребятах все. Она устраивала свадьбы, мирила, решала споры, вечно пристраивала куда-нибудь детей, у многих она была крестной, а случалось, и свахой.

Помню, как двое ее ребят получали премии Ленинского комсомола. Она пришла с ними на вручение и не постеснялась дойти до кассы, чтобы молодых артистов не волокитили, потому что деньги им были очень нужны. И потом она «внушала» каждому из них, что нужно купить – что-нибудь полезное, а не лишь бы что. Ее слушались. Не по должности. Просто она желала людям добра, а это очень хорошо чувствуется. Людей она к себе притягивала, как магнит. Она очень переживала, когда ее актерам приходилось уезжать за рубеж «на заработки».

Помню времена, когда бизнес только зарождался. Тогда появлялись очень богатые люди. Кто-то имел в виду свой собственный корыстный интерес. Возможно, некоторым просто хотелось ей помочь. И она каждый раз взвешивала, не придется ли ей поступиться своими принципами. Она понимала – нужно выжить. Но разменять свои принципы она не могла. Она этим все время мучилась и со мной этим делилась: «Чувствую, что я этого делать не должна. Он мне предлагает золотые горы, но я ни за что не пущу этого не чистого на руку человека в свой театр».

Это была большая школа, которую проходили все, кто с ней работал и общался.

А еще я всегда восхищалась мощнейшим женским началом, свойственным Наталии Ильиничне. Однажды она рассказала мне забавную историю. Как-то ей пришло письменное объяснение в любви от некоего молодого человека. Письмо было приятным для женского самолюбия: «Я видел вас совсем недавно в зале ожидания сочинского аэропорта. Вы сидели в дальнем углу зала, читали какую-то книгу. На вас было надето очаровательное черное платье. У вас белокурые волосы и очень выразительные глаза. Рядом с вами стоял небольшой саквояж. Я влюбился в вас с первого взгляда, но не осмелился к вам подойти, и вот теперь пишу вам письмо...»

Наталия Ильинична ответила юноше: «Милый юноша! Трону-та вашими чувствами. Хотя и понимаю, что это – минутный порыв. Но как честный человек, должна вам сказать, что я давным-давно не была в Сочи. У меня никогда не было дорожного черного платья. Да и волосы у меня совсем другого цвета. Но это еще можно было бы терпеть. Вот главное: я никогда и нигде не езжу с одним лишь маленьким дорожным саквояжем».

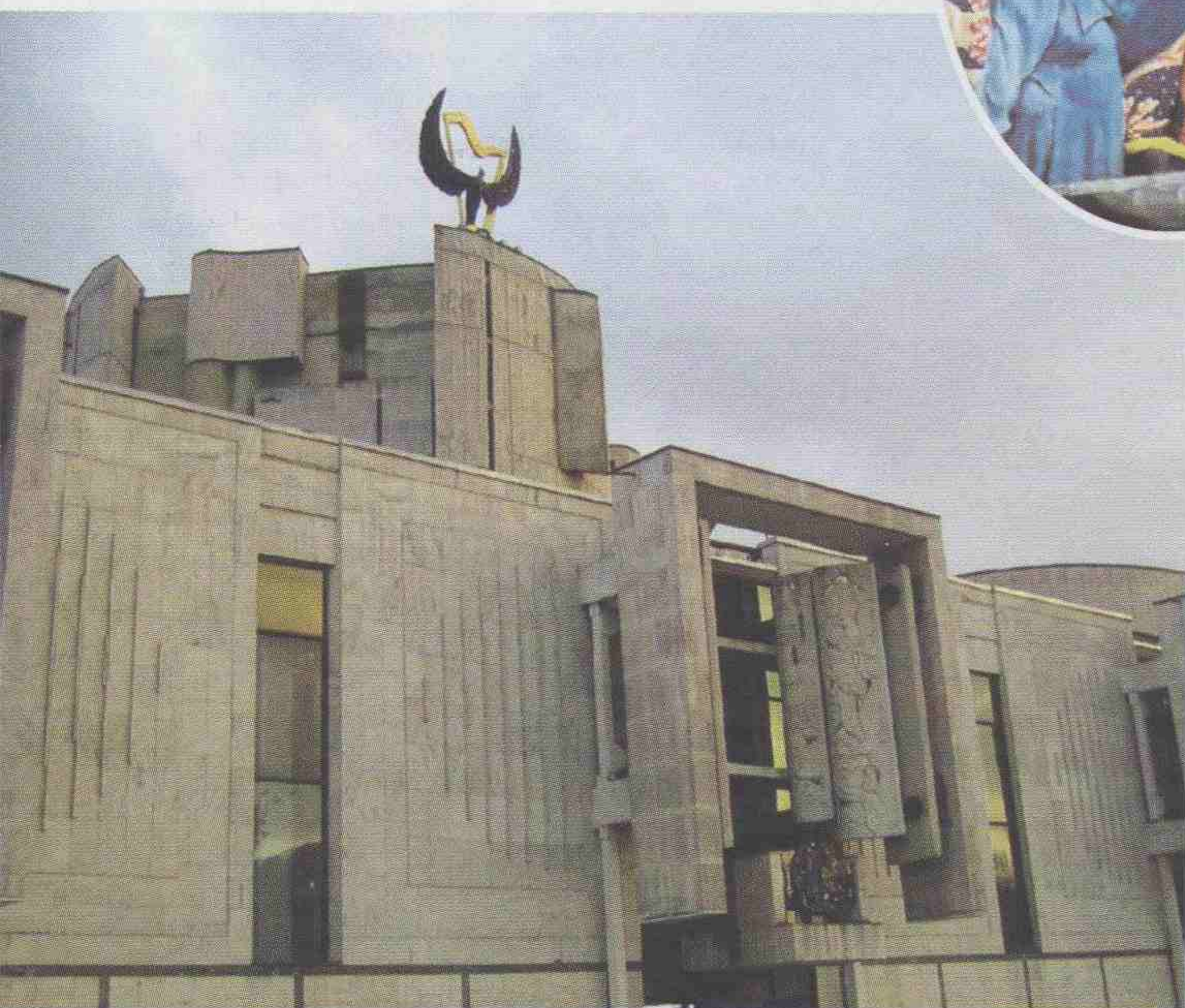
Эту историю она мне рассказала после того, как я в полном изумлении увидела ее багаж в Шереметьево, перед нашим отлетом в Данию. Служащий катил за ней тележку с несколькими внушительными чемоданами и саквояжами. «Наталия Ильинична, зачем вам столько?» Она ответила: «Как это – зачем? В этом чемодане у меня – двенадцать платьев. Мы же едем на 11 дней, правда? На каждый день – по платью, и еще одно запасное. Мало ли что может случиться. Там, – она взглядом указала на другие чемоданы, – туфли, сумки. В саквояже – украшения. Не могу же я явиться на прием к королеве в чем ни попадя».

Уже в Дании она купила себе какой-то браслет, довольно дешевый, но необыкновенно красивый. И она устроила вечер для нас для всех. Вечер презентации этого браслета. Там было несколько чрезвычайных и полномочных послов и очень важных персон. Но презентация браслета – это был лишь повод, чтобы нас собрать. Она весь вечер наизусть читала поэтов серебряного века. И мы сидели, открыв рты, забыв об этом браслете. Мы слушали только ее.

Когда в Копенгагене мы с ней зашли в Оперу, все уже сидели за столом, где стояло большое количество всяких деликатесов, выглядевших весьма соблазнительно. Все ждали, когда можно будет приступить в трапезе. Но прежде предстояло выслушать российскую гостью. В банкетный зал мы зашли с ней под руку. Наталия Ильинична была в умопомрачительном вечернем платье, манеры ее были, как всегда, безукоризненны. Тем не менее это не произвело на датский «бомонд» никакого впечатления. Все с постными минами косились на пожилую женщину, стараясь держаться поближе к уже описанному столу. На молодую особу, шедшую под руку с Наталией Ильиничной, взирали с куда большим интересом. Наталия Ильинична взяла слово. Минут через пять головы стали поворачиваться в ее сторону. Еще через какое-то время ее уже слушали с глубочайшим вниманием. А когда она закончила речь, разразилась долгая овация.

Она могла заморозить любую аудиторию. Записные Цицероны отдыхают. А когда я спросила у нее, где она научилась ораторскому мастерству, она мне рассказала: «Я научилась выступать у наркома Луначарского. Когда я стала создавать свой детский театр, знаешь, какой самый главный отдел был тогда в Наркомпросе? Дровяной. Мы все сами могли сделать, а вот насчет дров – увы. Только там могли помочь. Поэтому мы

всегда за дровами туда ездили. И разливались – соловьем, чтобы выпросить. Так и научилась».

Ее ТЕАТР.

Я понимаю, что Наталия Ильинична тогда отшутилась. Но с Луначарским у нее и правда многое было связано. Не только дрова, а и кое-что другое. Иногда она к нему приходила и начинала рассказывать о своих проблемах. А он отвечал: «Я не могу сейчас с тобой разговаривать. Мне нужно читать лекцию в университете». «Хорошо, — отвечала Наташа, — тогда я поеду с вами. Разговор можно продолжить и в машине». И она с ним разговаривала в машине, потом слушала его лекцию, а на обратном пути продолжала деловой разговор. Так она прослушала почти все лекции Луначарского, и, как сама рассказывала, училась у него ораторскому мастерству. И овладела искусством устной речи в совершенстве. Кстати, ораторством дело не заканчивалось. Попутно ей удавалось для театра многое «пробить».

Она бы жила еще долго, потому что в ней была заложена такая сила, такая мощь... И это несмотря на то, что в ее жизни случалось всякое. Были и утраты, и горькие минуты, и удары судьбы. Когда ее арестовали, она посидела в одну ночь!

Наталия Ильинична боялась своего 90-летия. И сильно из-за этого переживала. Мы с ней много раз обсуждали эту тему. Впервые, во что одеться? Я говорила ей: «Только белый брючный костюм!» А она отвечала: «Это же неудобно — выйти в 90 лет в белом брючном костюме!» Но все-таки послушалась. Она была безумно хороша в этом своем наряде — и когда вышла на сцену, и когда принимала поздравления. А когда сама заговорила о жизни, — как-то сразу успокоилась. Успокоилась от того, что все это не так уж и страшно. Но тогда, отпраздновав свой юбилей, она очень разволновалась. Близкие уговорили ее лечь в больницу — передохнуть, привести себя в порядок, «дать ремонт». А заодно и подготовиться к поездке в Китай. Но уже в больнице она неудачно упала и сломала шейку бедра. Потом на этом фоне произошло быстрое развитие болезни, и она ушла. Хотя, я уверена, ей еще было суждено жить и работать.

Но даже там, в больнице, пытаясь справиться с недугом, она была мощна, красива, она не падала духом и всегда была в форме. Даже когда ей было совсем плохо.

Она мне когда-то говорила, что силе духа она научилась у своего отца, революционера-музыканта. Отец ее дирижировал оркестром, который играл на похоронах убитого черносотенцами Баумана. Власти тогда запретили провожать гроб революционера траурной музыкой. И тогда музыканты собрались в одном доме в разных квартирах. Один играл на пианино, другой — на скрипке, третий — на валторне. Формально запрет не был нарушен, каждый играл у себя дома. Что касается дирижера,

Всем интересна и всеми любима.

«собиравшего» все партии в один траурный марш, то он стоял на крыше дома напротив — так, чтобы его мог видеть каждый музыкант.

Долгих 18 лет ей довелось провести в ссылке. Но она и там многому научилась. Училась у сильных женщин, которые были рядом с нею. И она сама их учила очень многому. Претерпев много горя от страны, в которой она жила, она всегда говорила, что, несмотря ни на что, любит свою родину.

Одна из ее книг называется «Жизнь — явление полосатое». Это правда. Были в жизни Наталии Ильиничны светлые полосы, были и черные. Сбылась ее главная мечта, свершилось главное предназначение ее жизни. Она создала детский музыкальный театр. О черных полосах мы уже отчасти говорили. Но она всегда воспринимала их как неприятный временный этап. Их нужно переждать, перетерпеть, перешагнуть, и на горизонте снова маячит светлая полоска добра.

В заключении и ссылке она не «сидела». Она многое сделала для детского театра в Алма-Ате. Даже на поселении умудрилась создать очень талантливый коллектив.

Таких людей, как Наталия Сац, как Ролан Быков, как Юрий Чичков, как Дмитрий Кабалевский, — таких людей остается все меньше и меньше. В конце прошлого века они были знаменем детства в обществе, заступниками ребят и одновременно — их полномочными представителями. Потом как-то так случилось, что у детей забрали все. Дворцы пионеров, пионерские лагеря, клубы. Потом у них забрали театры. Я помню, как переживала Наталия Ильинична, когда ТЮЗы, созданные для детворы, меняли свое качество, становились другими театрами. Детству в таких театрах нет места.

Сейчас, похоже, черная полоса потихоньку отползает назад. Не слишком быстро, неохотно. Но дело сдвинулось. Многие театры имеют свои детские спектакли. У нас даже есть в Москве «Театральная детская афиша». Не пустуют залы в театре Наталии Ильиничны Сац, в других детских театрах. Верю, что в будущем появятся новые коллективы, работающие для детворы.

Мы в Москве учредили специальный грант, чтобы поддерживать детские постановки, детские спектакли. Все это приносит свою пользу.

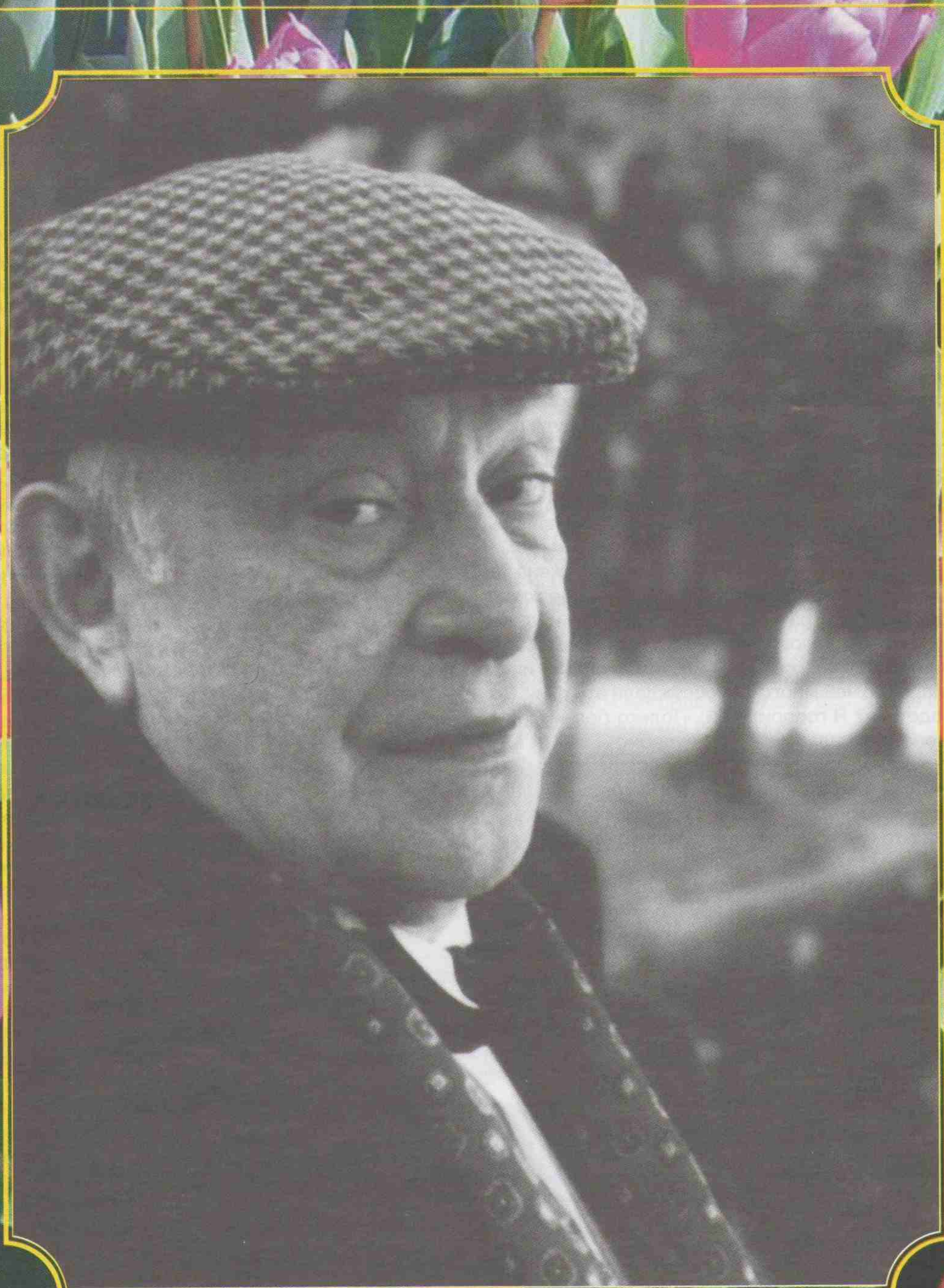
И все равно горько сознавать, что таких людей, как Наталия Ильинична Сац, рядом с нами больше нет. Но остаются идеи великих мастеров и подвижников. Остаются — написанные и ненаписанные — творческие заветы всем, кто обязан их знать и выполнять. Есть, в конце концов, память сердца.

Память о людях, которые были когда-то нашими старшими товарищами и мудрыми учителями.

Л.И.ШВЕЦОВА, первый заместитель мэра Москвы в правительстве Москвы.

Ролан Антонович БЫКОВ

Б

ыков говорил, что в детстве был городским шпаненком. Он вырос на московской улице. Из эвакуации они с мамой вернулись в 43-м. Несмотря на уличные распри, у ребят тогда был один враг – фашист. Чтобы поскорее с ним разделаться, мальчишки были готовы на все.

Ролан даже приложил руку к «окончательной победе» над Гитлером. В прямом смысле. Помните кадры Парада победы на Красной площади? Наши солдаты бросают гитлеровские знамена к мавзолею. Они там какое-то время лежали, а потом их свалили в кузов и куда-то повезли. Сегодня они, кажется, хранятся в музее Армии. Но тогда пацаны решили, что их везут уничтожать. Ролан уцепился за борт машины, одной рукой дотянулся до какого-то полотнища и попытался его разорвать. Но там бы и взрослый не справился. Так он продержался до самой Пятницкой, несмотря на крики ехавшего в кузове солдата. В конце концов тому эта история надоела, и он древком какого-то штандарта слегка стукнул настырного мальчишку по башке, чтобы тот отстал.

Но в детстве у Быкова были не только дворовые баталии. Он сам записался в театральную студию Дворца пионеров в переулке Стопани. В тринадцать лет он поставил спектакль по Михаилу Светлову.

Потом Ролан пошел в Щукинское училище и с блеском его закончил. Рубен Симонов очень хотел, чтобы Быков работал в театре имени Вахтангова. Но когда шло распределение, его не оказалось в Москве. Он куда-то уехал, а его письменное распоряжение не нашли. Ролан ужасно расстроился. Его приглашали в другие театры. В театр Моссовета, во МХАТ, еще куда-то. Но любимый театральный педагог, мнением которого Быков дорожил, посоветовал: «Если не хочешь сидеть на «Кушать подано» – иди в ТЮЗ. Там молодые играют главные роли». О своем выборе он не жалел никогда. Несмотря на мизерную зарплату и огромную нагрузку. В месяц они давали немыслимое количество спектаклей. Это была работа на износ. Но Быков вспоминал о ней с благодарностью. Почти все первое блистательное послевоенное поколение актеров и режиссеров «прорвалось» через ТЮЗ и Центральный детский театр. Ефремов, Эфрос, Товстоногов, Шатров...

ТЮЗ подарил Быкову главное – его зрителя. А зрителю – Быкова. Про себя он говорил, что работает «в кристалле» – как другие работают в глине, бронзе, граните, гипсе. Ведь детство – не возраст, это человеческий кристалл, это система мироздания.

Он никогда с детьми не сюсюкал. Говорил: «Дети – это люди, только маленькие». Савва Кулиш, который тогда оказался нашим соседом, посоветовал ему прочитать книгу своего родственника, Владимира Железникова. Мы сначала скептически к этому отнеслись. Я прочитала и сказала: «Ты не можешь этого не поставить. Еще и потому, что это и про тебя тоже». В это время у моего сына Паши в школе были те же проблемы, что и у Лены Бессольцевой. Он часто болел, и когда приходил в класс, его встречали вопросом: «Не сдох еще?» Потом я перевела его в другую школу.

Ролан читал книжку Железникова всю ночь и под утро подбросил ее в потолок. Я открыла глаза и спросила: «Будешь ставить?» Он ответил: «А куда денешься?»

Он говорил, что может сделать из детей профессио-

нальных актеров за две недели. Ему не верили. Но вы посмотрите, как играют ребята в «Чучеле». Уже через несколько дней работы на съемочной площадке они начинали жить ролью, предлагать что-то свое, импровизировать. Быков был от этого в восторге.

Фильм еще не был смонтирован, когда его закрыли. По нему высказали 240 замечаний, это была травля. Быков боролся, у него болело сердце, сдавали нервы, но он не отступал. Он обратился с письмом к Андропову, и после его вмешательства Ролану дали закончить картину. «Чучело» посмотрели 17 миллионов зрителей. Я думаю, что и сегодня фильм совершенно не устарел.

Быков мне несколько раз показывал свою руку и говорил: «Смотри, какая у меня линия Аполлона!». Этой его линии хватило на очень многих людей. До него всегда можно было дозвониться. К нам приходил незнакомый человек со своими проблемами, и Ролан тратил на него несколько часов. Мне часто казалось, что и в Фонд Ролана Быкова люди шли, чтобы просто поговорить с ним. Многие искали у него помощи и защиты. Хотя Быков не всегда говорил людям приятные вещи. Он не любил глупых, непрофессиональных, необязательных.

Сегодняшней России не хватает таких людей, как Ролан Быков. Не хватает остро, трагически. У детей не осталось взрослого друга и заступника – ни в литературе, ни на телевидении, ни в кино. Таких людей всегда рождается мало, но теперь... Да, доктор Рошаль. А еще кто? Посмотрите сами, что делается в нашем кино, на телевидении. Почти ничего своего. Или купленная на копейки пестрая пустота, или ее нелепые копии.

Детский фильм – дело хлопотное. Не те деньги, не та слава, а работы – больше. Почему-то считается, что снять ленту для детей просто. Но ведь детский кинематограф – не трехколесный велосипед, не уменьшенная и приспособленная копия чего-то взрослого. У детей собственный мир переживаний, интересов, увлечений. Страстей, терзаний, душевных мук. К тому же ребенку нужно дать представление о духовном мире, о национальной культуре, иначе кто из него вырастет?

Не надо относиться к детям, как к недорослям, которые ничего не понимают. Когда моему сыну было 8 лет, он вместе с бабушкой смотрел по телевизору фильм «Дневной поезд». Там две подруги, у одной взрослый сын, у другой – взрослая дочь. Они хотят их познакомиться, поженить. Но любовь так и не случилась. И мама моя говорит: «Паша, ну что ты смотришь, что ты понимаешь в этом?» – «Я все понял». – «И что же ты понял?» – «Оборвалась ниточка любви».

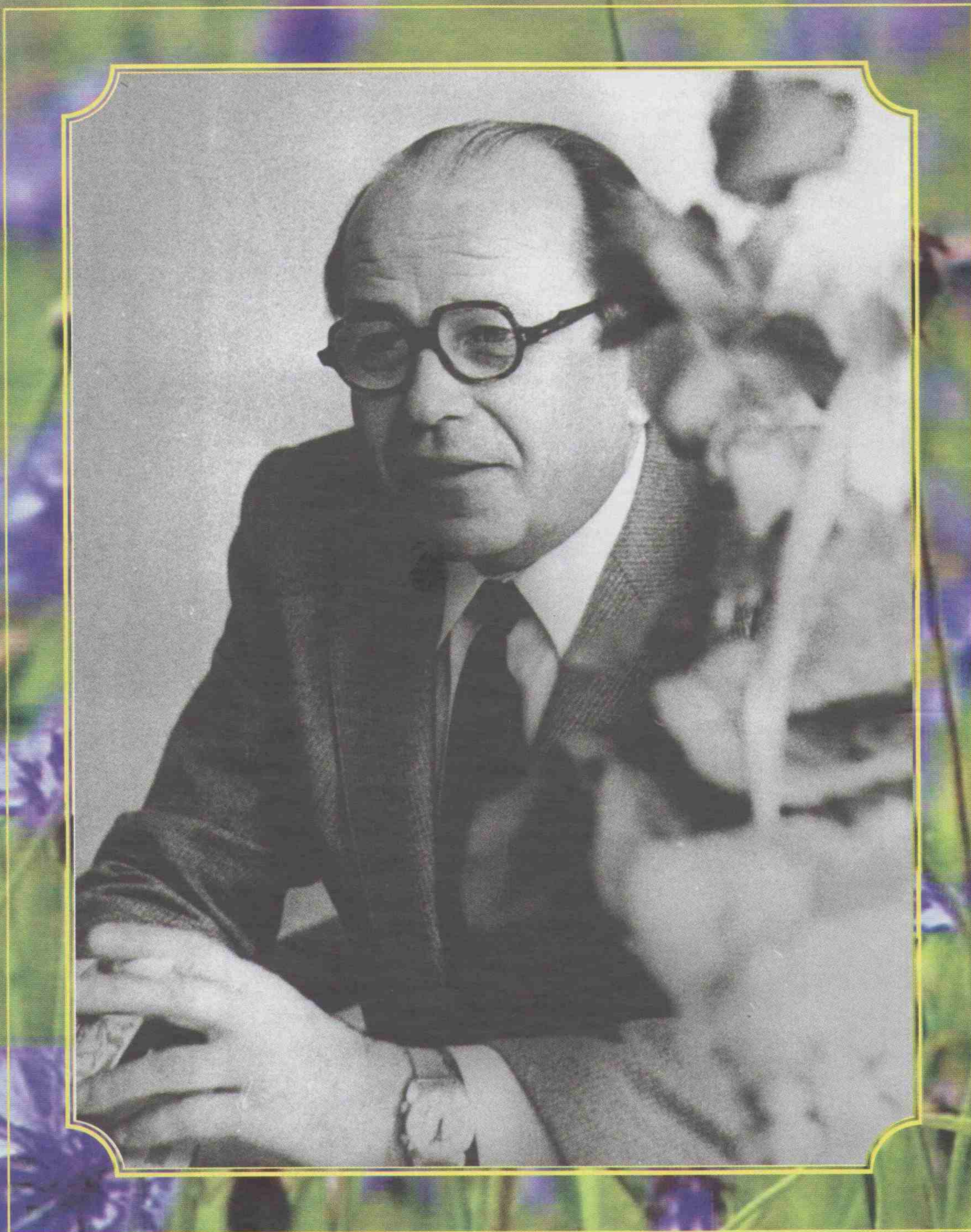
Это сказал 8-летний мальчик.

Нужно, чтобы ниточка любви, связывающая души людей, не обрывалась никогда. Даже когда любимого человека уже нет на свете. Я занимаюсь наследием мужа, оно ждет своего часа и должно быть издано. Разбирать архив Ролана в первые годы после его смерти было больно. Но это нужно людям, и я это делаю.

Елена САНАЕВА, актриса, вице-президент Фонда Ролана Быкова.

Станислав Александрович ФУРИН

Станиславе Александровиче Фурине лучше вспоминать, пребывая в хорошем настроении. В скверном – не стоит и пробовать. Картинка выйдет тусклая, как фотография с неправильно установленной экспозицией.

При фуринской блестящей образованности, быстром разуме и легком пере кто хочешь сделал бы на его месте карьеру. Фурину мысль о карьере претила. Прибавьте к этому полное отсутствие двоедушия, детскую открытость, взрывной темперамент, яркую одаренность – и вы получите портрет человека, которому суждено было сменить на боевом посту Наталью Владимировну Ильину, живую легенду детской журналистики.

Природная даровитость и отнюдь не поверхностная начитанность сослужат ему добрую службу. Особенно на первых порах, когда зубры детской литературы примутся испытывать нового редактора на крепость.

Первая встреча в Союзе писателей доставила удовольствие обеим сторонам. Не читал ли э-э-э... кажется, Александр Станиславович? – недавно опубликованный... Фурин читал. Но тогда, может быть, он скажет... Фурин сказал. А как он смотрит на ту точку зрения, что... Фурин смотрел иронично и сумел облечь свою иронию в несколько точных фраз. В таком случае не опасается ли он, что «Пионер»... Нет, за «Пионер» Фурин не опасается. Кстати, если говорить о перспективах журнала, то... Закончил он под аплодисменты.

Его ценили и уважали мэтры – Михалков, Алексин, Барто, Прилежаева, Воскресенская. К нему с дружеской симпатией относились Аким, Разгон, Тимур Гайдар, Быков, Коваль, Нагибин, Лиханов, Железников... Он близко дружил с Крапивинным. Лучшие крапивинские повести напечатаны в тогдашнем «Пионере», и Фурин был их первым московским читателем.

При нем начинали свою дорогу в литературу совсем еще молодые Козлов, Москвина, Бородинская, Гулыга.

Ему нравилось общаться с художниками. Фурин им тоже нравился. В ту пору с журналом сотрудничали великолепные мастера – Багин, Петров, Трофимов, Медведев, Урманче, Аземша, Дудкин, Борисов... Что ни имя – яркий образ, неповторимая манера, умный рисунок.

Но я был бы неправ и несправедлив, если бы в разговоре о своем друге и учителе ограничился только «литературной» стороной его судьбы. Часть его души безраздельно принадлежала «всамделишным» пионерам. Все новое, интересное, свежее, чем жила пионерия, находило отклик на журнальных страницах. Фурин обожал ездить в «Артек» и «Орленок». Он основал при редакции «Всесоюзный штаб Тимура», придумал несколько рубрик, из номера в номер вел «Пионерскую энциклопедию». Ему это нравилось, он этим жил, брал, как принято нынче выражаться, в голову и принимал близко к сердцу.

Победа была главным жанром его существования. В жизни, в работе, за шахматной доской. Ему не нравилась туповатая логика очевидности. Если у Фурина был выбор –

«додавить» партнера или провести авантюрную комбинацию, он не раздумывал. А потом хитро смотрел поверх очков: «Сдаешься?»

Кстати, из-за этой нашей с ним общей страстишки я однажды стал персонажем опубликованной в «Пионере» шахматной задачи. Уже прозвучало знаменитое фуринское «Сдаешься?», уже дожидавшиеся своей очереди друзья-соперники советовали мне «сливать воду», как в кабинет вошел Михаил Михайлович Юдович. Международный мастер, в свое время чемпион СССР по переписке, удивительно обаятельный старикан. Он был шахматным редактором «Пионера», вел в нем раздел.

Юдович оценил позицию, улыбнулся и спросил:

– Это вы во что играете?

– В шахматы, – ответили мы хором.

– Нет, – засмеялся Юдович, – в шахматы так не играют. Я вижу, Станислав Александрович проигрывает?

– Проигрывающего зовут Анатолий Степанович, – зная повадки Юдовича, сказал Фурин. – Через пару ходов... – в таких случаях он всегда произносил поговорку, в которой почему-то упоминалась Красная Армия.

– Проигрываете как раз вы, – Юдович положил мне на плечо большую, как подушка, ладонь. – Ну-ка...

Через несколько ходов мои фигуры стальной лавиной неслись в атаку, сметая все на своем пути.

– ...Так про Красную Армию, – сказал я мстительно.

– Вы рано торжествуете, молодой человек, – хмыкнул Юдович. – Станислав Александрович стоит на победу.

Партия «опрокидывалась» еще дважды!

Когда на доске остались чуть ли не одни короли, Фурин спросил:

– А теперь хоть кто-то может выиграть?

– Может. Я продиктую, а вы запишете все, что происходило на доске. «В одном пионерском лагере пятиклассники Слава Ф. и Толя М. сели играть в шахматы. Но поскольку оба были невнимательны, позиция менялась несколько раз. Как бы им следовало играть на этой, этой и этой диаграммах?» Будет очень кстати. А то я к вам сегодня без новой задачи пришел.

... И все-таки однажды Фурин у Юдовича выиграл – и я при этом присутствовал!

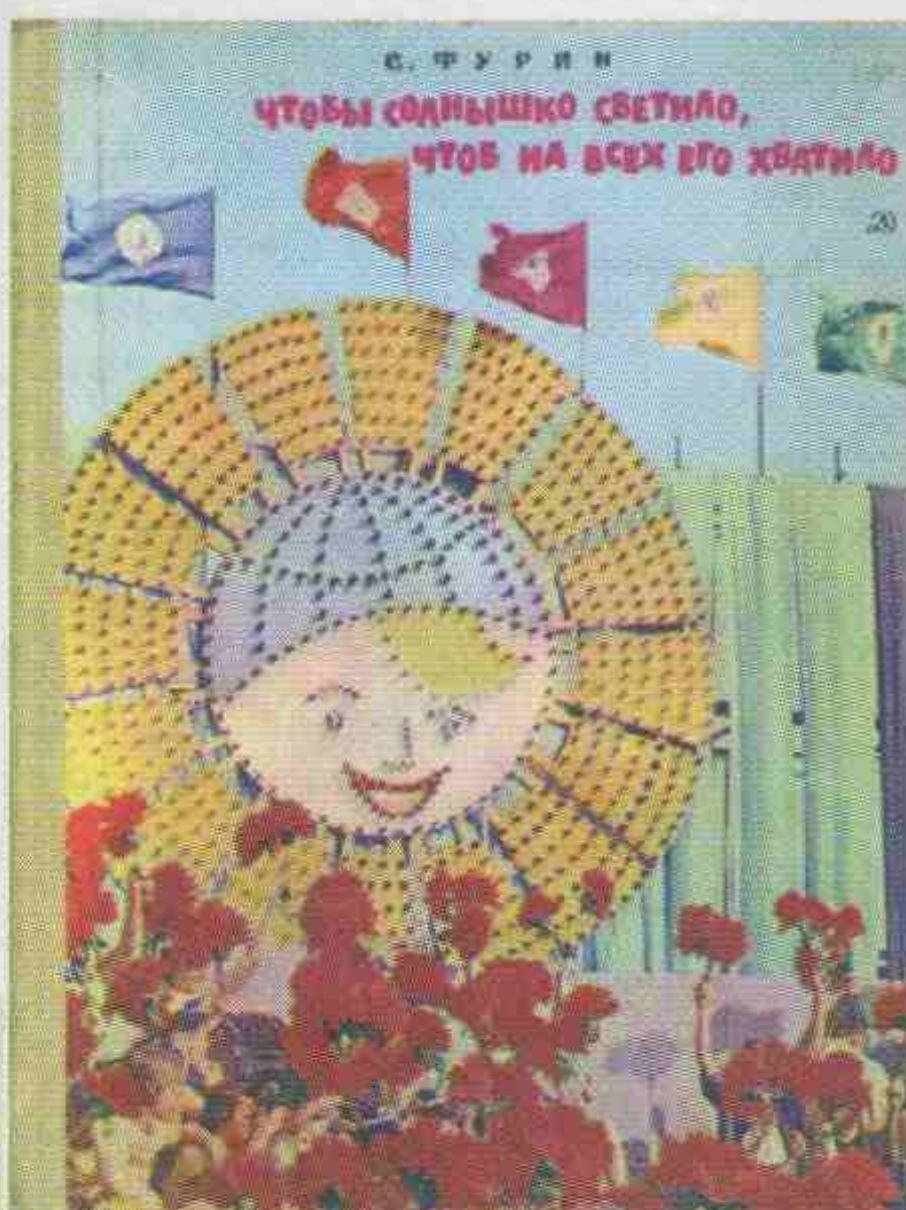
Фурин написал несколько хороших книжек. Все они посвящены пионерам, детям. В самой лучшей и самой нарядной из них он единственный раз в жизни использовал «родственные связи». Рассказал об отце своей супруги, педагоге Петре Скорике, составившем первую чукотскую азбуку. Название книжки вполне могло бы быть главным девизом его жизни: «Чтобы солнышко светило, чтоб на всех его хватило».

С этой книжкой связано самое трогательное мое воспоминание о Фурине. Так, как умел дружить он, не умел больше никто. В минуту наивысшего душевного расположения он смотрел на меня обычным своим взглядом – поверх очков – и спрашивал:

– Старый, я дарил тебе «Солнышко»?

Дарил много раз, и сперва я со смехом ему об этом говорил. А потом понял: он и сам помнит, просто для него это дружеский обряд, инициация. Он вынимал книжку и размашисто ее надписывал – каждый раз по-новому, не повторяясь. Таких книг у меня несколько.

Самую последнюю он подарил незадолго до смерти.

Анатолий МОРОЗ,
главный редактор журнала «Пионер».

Владимир Сергеевич ЛОКТЕВ

реди множества талантов, которыми обладал Владимир Сергеевич Локтев, главным был дар воспитателя. Он вырос в большой трудовой семье, и через всю жизнь пронес любовь к детям. В суровые дни обороны Москвы, в декабре 1941 года, он собрал мальчиков и девочек и предложил им петь в только что созданном ансамбле. Теперь этот прославленный коллектив носит его имя. Под руководством Локтева свыше 15 тысяч детей приобщились к волшебному миру искусства.

Однажды в коридоре у дверей хореографического класса он встретил плачущую девочку.

– Из-за чего слезы? – спросил Локтев.

– На танцы не прошла. Сказали, не гожусь.

– И только? – рассмеялся Локтев. – Приходи-ка ты к нам в хор. Сама узнаешь, какая это радость – петь.

Теперь весь мир знает имя этой девочки, народной артистки Советского Союза, солистки Большого театра, лауреата всевозможных конкурсов и фестивалей.

Не все его воспитанники стали знаменитостями. Важнее, что он тысячи, миллионы детей приобщил к музыке, к миру прекрасного. Многие его питомцы стали руководителями детских хоров, отличными музыкантами. Но даже те, кто связал свою жизнь с другими профессиями, все равно дружат с музыкой.

Владимир Сергеевич был неистощим на выдумку. В поездках, чтобы ободрить уставших за день детей, он веселил их пародиями на себя, на педагогов.

Утром он всегда выходил на зарядку и показывал, как делает ее дирижер оркестра Виктор Семенович Чупин, человек очень добрый, но медлительный.

Локтев потягивался, зевал, делал ленивое движение одной рукой, потом – другой, опускал голову – и все. Зарядка окончена. Было настолько смешно, что даже сам Чупин не мог удержаться от смеха – очень похоже!

Улыбкой, шуткой он поднимал настроение всем. Однажды на концерте одна из солисток растерялась и пропустила начало песни. Она готова была убежать со сцены. Тогда Локтев улыбнулся и обратился к залу:

– Извините, это я напутал! – и сделал знак оркестру, чтобы он повторил вступление.

Владимир Сергеевич подарил детям множество прекрасных мелодий. Широко известны его «Пионерская дружба», «Ты лети, ветерок», «Школьная полька», «Двенадцать поросят», «Море». Некоторые песни Локтева Д.Б.Кабалевский включил в свой учебник.

С Владимиром Сергеевичем Локтевым я познакомился в 1960 году, хотя впервые на концерте ансамбля побывал еще зимой 1954-го. Мы начали сотрудничать. Оба мы поднимались рано. Обычно в семь утра раздавался телефонный звонок. И я слышал в трубке звонкий мальчишеский голос:

– Другарь! – так он называл меня после нашей поездки в Болгарию – Мы собираемся ехать в Сибирь. Нужна твоя песня. Как же в Сибирь – да без подарка?

И вскоре в самолете хор разучивал новую песню:

Кто сказал, что до Сибири далеко?

Ведь на крыльях самолета долететь сюда легко...

Иркутск, Братск, Шелехово, Ангарск – таков маршрут нашего песенного путешествия.

Вспоминается концерт в клубе строителей в Братске. Мы уже были готовы начать выступление, но раздался звонок с левого берега Ангары.

– К вам плывут на пароходе еще двести строителей!

В зале на восемьсот зрителей не было ни одного свободного места. И тут Владимир Сергеевич подошел к микрофону и решительно произнес:

– Пусть взрослые, чьи дети сидят рядом, возьмут их на руки, а свободные места займут те, кто плывет с левого берега. Они тоже хотят видеть концерт.

После выступления на сцену вышла женщина-бригадир. Она низко поклонилась Локтеву и сказала:

– Спасибо, что нас подождали! Мы встречали здесь разных гастролеров, но сегодня впервые видели детей из Москвы. Значит, Братск стал еще ближе столице.

Женщина по-дирижерски взмахнула руками и запела: «Кто сказал, что до Сибири далеко?..»

Весь зал подхватил привезенную нами песню.

Через год – новое путешествие, встреча с Тихим океаном. Мы выступали на палубе крейсера, на подводной лодке, в доке, где ремонтировали корабли. Запомнилась встреча с пограничниками.

Когда на одной заставе Локтев узнал, что стоявшие в наряде солдаты не смогли попасть на наш концерт, он предложил ребятам повторить выступление. И ребята повторили. Локтев был доволен. «Фирма! – воскликнул он. Это слово в его устах было высшей похвалой.

В Уссурийске с одним из оркестрантов, Ваней Николаевым, случилась беда – срочно понадобилась операция. Локтев всю ночь провел у больницы, пока врач не сказал, что операция прошла успешно. После бессонной ночи вместо того, чтобы пойти отдыхать, Владимир Сергеевич помчался на рынок – купить Ване фрукты.

Помню поездку ансамбля локтевцев по Болгарии. Хлебом-солью и флаконами розового масла встречали нас жители Софии, Варны, Ловеча, Бургаса. Огромным успехом пользовались написанные специально для поездки песни «София – сестра Москвы» и «Цветанки»:

«Цветанки» – цветанка – по-русски «цветок».

Глаза твои – карие-карие.

Я завтра уеду к себе на восток,

А ты остаешься в Болгарии.

Несмотря на огромную популярность его песен, Владимира Сергеевича Локтева долго не принимали в Союз композиторов. Дескать, детские песни – это не настолько серьезно, чтобы вступить в Союз. Нужны фуги, сонаты и симфонии. Локтев резко ответил: «А я пишу только детские песни!»

И лишь в 1967 году, когда Локтев был уже в больнице, его приняли, по настоянию Пахмутовой и Кабалевского, в Союз композиторов.

У него было много титулов, почетных званий и наград. Но больше всего он дорожил медалью «За оборону Москвы». Созданный им ансамбль он считал главным делом своей жизни.

Виктор КРЮЧКОВ,
поэт.

Ольга Игоревна ГРЕКОВА

она была таким ярким человеком, что даже, покинув земной мир, не ушла от нас все равно. Ее душа по-прежнему помогает нам выбирать дорогу. И мы знаем точно, что хорошо, а что плохо. Где светлая правда, а где темная кривда. Наша общая Правда – Пионерская. А значит, Истина Первопроходца.

Так она всегда говорила.

Ее звали Ольга Игоревна Грекова. Она – наш редактор. Для нашей газеты она была – Всем. И для нее наша газета была – Всем. «Пионерка» была ее жизнью, ее мечтой, ее любовью, ее дружбой, ее ребенком, ее счастьем и честью – ее Судьбой.

У нашего редактора никогда не было выходных – от газеты. Самые разные люди звонили Ольге Игоревне в любое время суток, и она принимала это как должное. Она не умела уходить в отпуск. Уже на следующий день начинала тосковать и тревожиться. День казался ей пустым и бессмысленным – без забот о газете. За целый день могло произойти столько событий – в жизни ее читателей. А вдруг бы кому-то понадобилась помощь!

На сломе эпох люди часто суетятся. Они торопятся поменять свой характер, свою веру, свое имя. Поэтому очень рискуют, в конце концов, остаться без характера, без веры и без имени.

Вот о чем думала наш редактор и мы вместе с ней, когда решили сохранить свое историческое название. Тем более что нас об этом попросили сами ребята. Боясь потерять друга – свою газету. Слово ребенка было для нашего редактора важнее всех мод, всех тусовок, всех досужих взрослых разговоров; важнее дешевой популярности и примитивной выгоды. Слово ребенка было законом.

Ольга Игоревна Грекова была решительным, твердым и доверчивым человеком. Поэтому мы остались «Пионерской правдой» – Истиной Первопроходца. Наша газета не сделалась ни желтой, ни красной, ни белой, ни голубой, ни розовой. Осталась разноцветной, радужной. Преданной детям.

Однажды произошел такой случай. В девяностых годах прошлого века. Когда за продуктами стояли очереди, когда многие люди оказались без работы, когда зарплат подолгу не платили – в смутные времена. В одной из заброшенных новгородских деревень жила семья, которая выписывала «Пионерскую правду». Семья была многодетной: девять братьев и сестер составляли целый класс в деревенской малокомплектной школе. Жили они очень трудно, небогато. Но родители все равно продолжали выписывать ребятам детскую газету.

И вдруг в семье умирает отец. Это всегда горе, а по тем временам было просто катастрофой. Когда про это узнала наш редактор, она моментально оповестила всех своих сотрудников – всех нас, в разных городах и разных концах страны; в секунду объяснив суть. Объединив всех нас – своей болью и своей тревогой о незнакомой ей семье. Как если бы это была ее собственная семья. Мы собрали тогда все, что сумели и отправили в новгородскую деревню – не по почте, где посылка могла бы провалиться с месяц, – а в тот же день, с человеком. Добраться в деревню было непросто, она даже автобусного сообщения с центром не имела. Но Ольга Игоревна Грекова сумела договориться и с железной

дорогой, и с автобусным управлением и даже найти возницу с лошадей, чтоб довез! Чтобы люди, находящиеся в беде, как можно скорее ощутили тепло и заботу. Чтоб дети не считали себя брошенными сиротами...

А в другой раз, в те же смутные годы, одноклассник моей дочки-пятиклассницы разрезал ей один сапог и пальто на спине. Прокрался в раздевалку на перемене и разрезал. Как потом выяснилось, от любви. Любовь в школьном возрасте иногда принимает странные лики. Похожие на гримасы. А на улице стоял лютый мороз и свирепый ветер с Финского залива (дело было в Петербурге) швырял в лицо колючую снежную крупу. Дочка пришла домой в одном сапоге, в пальто из двух распадающихся половинок и с двумя шлейфами слез – из каждого глаза. Идти завтра в школу было не в чем.

Купить тоже – не на что, получка только что просвистала. В этот момент позвонила наша Ольга Игоревна. Она обладала способностью – почуять чужую беду. В тот же самый день, немедленно, в Москве для нас были куплены детская шубка и сапоги, на личные деньги редактора (то есть, безвозмездно!) и отправлены в Петербург ночным поездом. Утром дочка отправилась в школу в обновках. Ее слезы высохли, как утренняя роса.

А еще она навеки уверовала в силу добра. В то, что добро – сильнее...

Наша редактор хотела, чтобы все дети это понимали. И чтоб сами творили добро. Ковали его! Она доказывала силу добра всю свою жизнь. Всей своей жизнью. И когда работала во Дворце пионеров на Ленинских горах (она его возглавляла), и когда была ответственным секретарем Комитета молодежных организаций, и когда пришла в «Пионерку». Она умела расслышать правоту детей. В горниле жизни, где голоса взрослых, куда громче и напористее. Она говорила: «Сначала слушаем ребят!» Для нее это была аксиома.

Величие человека определяет и то, существуют ли для него высокие понятия. Те, которые он мысленно пишет с большой буквы. Для нашего редактора они оставались неизменны: Отечество, Память, Достоинство, Добро, Детство...

Вот что было в ней главней главного – сердцевиной. Действенная любовь и щемящая верность – Добру и Детству. Некоторые люди, взрослея, перестают эту верность хранить. Они не считают это богатством. А наш друг, наш единомышленник, наш редактор – считала это самым большим богатством на свете.

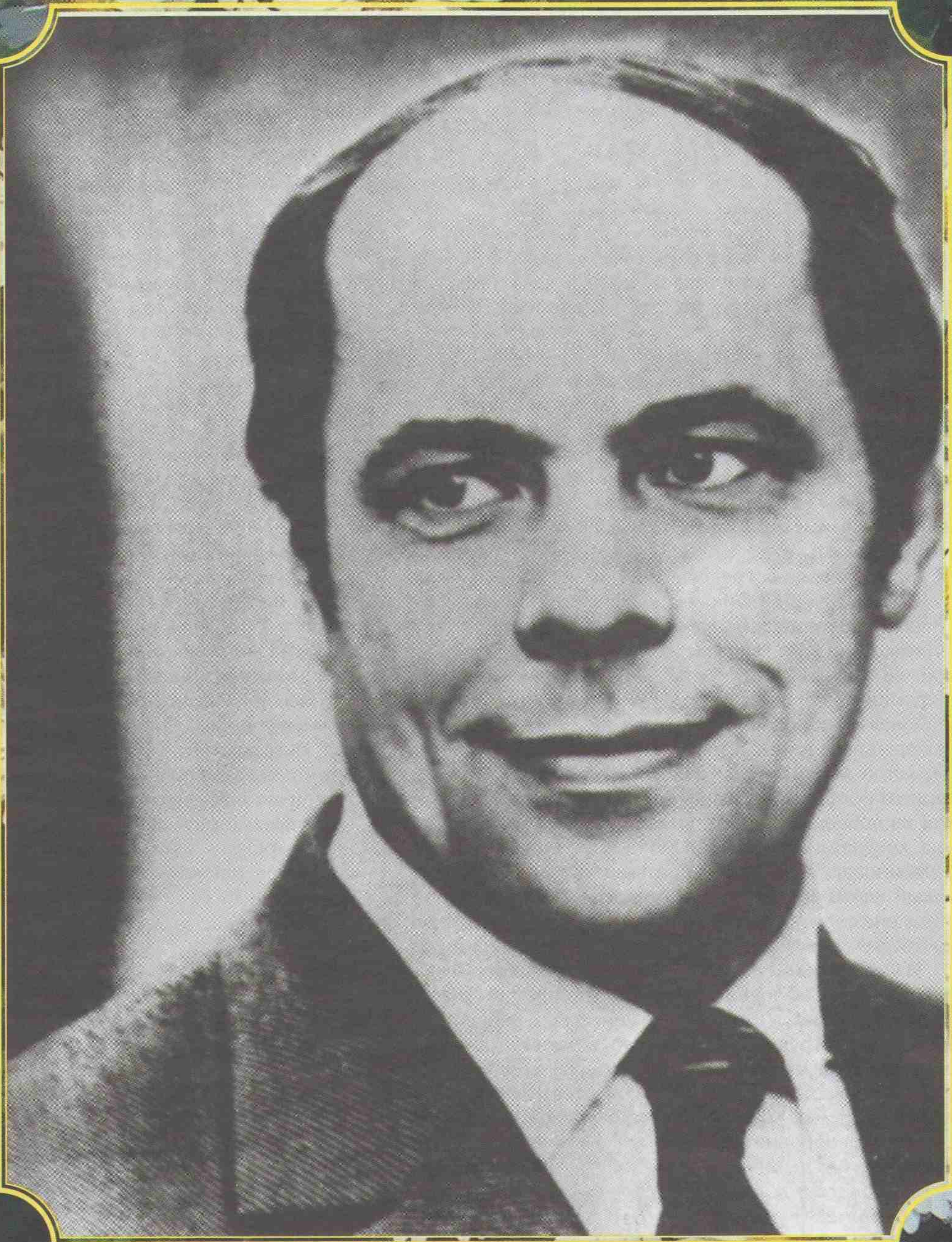

Она оставила свою газету единственный раз в жизни. Полгода назад. Покинув этот мир. Но душа ее по-прежнему с нами. Навсегда. В наших строчках. В наших читателях. В наших мыслях. И в том, чему столько лет была и будет верна «Пионерская правда»!

Я уверена, так думают все мои коллеги, журналисты «Пионерки». Они могут подписаться под этими словами. Я подписываюсь первой.

Татьяна КУДРЯВЦЕВА, редактор «Пионерской правды» по Северо-Западу и Санкт-Петербургу.

Юрий Михайлович ЧИЧКОВ

ебята стоят около входа в свою школу. Но школы больше нет. В здании разместился военный госпиталь. Вместо парт – кровати для раненых, в кабинете физики – операционная. По коридорам медленно ходят раненые. То и дело санитарные машины привозят новых. Фронт совсем близко – где-то в районе Можайска.

Юре Чичкову двенадцать. Он умеет петь и играть военные песни. Хвалят. Говорят – талант. Но разве сейчас до этого? Бросать надо всю эту музыку...

Мальчишки невесело бредут по домам. Но что это? В большой четырехэтажный дом угодила бомба. На фоне неестественно белой при дневном свете стенки чернеет пианино. Юра медленно поднимается по ступенькам – и вот он уже около фортепиано. Аккорд. Еще аккорд, – полилась знакомая мелодия. Странное, неправдоподобное зрелище: рухнувший дом – и подросток, играющий на этой жуткой «сцене».

Юрий Чичков был одним из самых образованных советских композиторов. Он окончил Центральную музыкальную школу и два музыкальных вуза – институт военных дирижеров и Московскую консерваторию. Чичков станет лауреатом Государственной премии и премии Ленинского комсомола, ему присвоят звание заслуженного деятеля искусств. Но он этим не кичился.

Песни Юрия Чичкова пронизаны особой интонацией доброты и сердечности. Может, отчасти еще и потому, что он всегда старался сотрудничать с хорошими поэтами. Особенно много песен он написал вместе с поэтом Петром Синявским. Предоставим ему слово.

Совсем недавно я побывал на гастролях в Ярославле. На одной встрече с ребятами руководитель интернатской хоровой студии обратилась ко мне с просьбой. Не совсем обычной:

– Мы знаем, что вместе с композитором Юрием Чичковым вы написали много песен. Расскажите, пожалуйста, каким он был?

Вроде бы совсем несложный вопрос, но как на него ответить? Да еще в нескольких словах. И я сказал так:

– Он был очень похожим... на свою музыку.

Получилось как-то само собой, я эту фразу, понимаю, загодя не придумывал. Но вот сейчас я размышляю обо всем этом и прихожу к выводу, что так оно и было на самом деле. Лучше не скажешь.

В тот же день, возвращаясь в Москву, я продолжал думать о Юре. Мне вспоминались наши поездки по стране, концерты, записи на радио. И, конечно, работа над новыми песнями.

У Юрия Михайловича был не просто талант. У него был переизбыток таланта. Особенно таланта мелодического. Петь можно было не только запевы и припевы. В его песнях можно было петь даже вступления. Его музыка умела и задуматься, и улыбнуться, и посмеяться, и погрузить. Как и он сам. И что самое приятное, песни Юрия Михайловича по-прежнему звучат. И в школьных залах, и в летних лагерях, и в Сибири, и на Ставрополье, и на берегах Волги, и в «Артеке». Кстати, в Ставрополе городские часы вы-

званивают мотив его песни, которую Юра написал об этом городе вместе со мной.

Однажды в каком-то разговоре один весьма солидный композитор спросил у меня:

– Слушай, вот вы с Юрой ездите на гастроли. Ну как – ребята поют вместе с ним его песни на концертах?

Я отвечаю: конечно поют. Весь зал поет

– А ноты он когда высылают в этот город – тем, кто готовит концерты? За неделю, за месяц, за два?

Ему было бесполезно что-либо объяснять, и я просто промолчал. Думаю, он просто не поверил бы. Никогда никаких нот Юрий Михайлович никуда не высылал. Естественно, выходили песни в его сборниках. Их охотно печатали в журналах. Кстати, не одна песня Юрия Михайловича пришла к ребятам со страниц «Пионера». Он был бессменным членом редколлегии этого журнала, отвечал в нем за музыкальное «направление».

Но вообще-то, Юрий Михайлович предпочитал общаться со своим слушателями «напрямую». Стоило ему написать новую песню, – и он тут же торопился показать ее тем, для кого он создавал. Созданные Чичковым мелодии запоминались сразу. И сразу же пелись – вместе с композитором. Писал он песни где угодно – и дома, в кабинете у рояля, и гуляя по парку, и в салоне самолета – на разлинованном пятью линейками авиационном билете. Я видел это все своими глазами, участвовал в этом процессе. Мне много-много раз приходилось наблюдать, как его музыка находила отклик в ребячьих сердцах. Ведь каждая написанная им нота была частицей его доброты и его жизнелюбия.

У Юрия Михайловича не было поклонников – в нынешнем значении этого слова. И уж тем более у него не было никаких фанатов. А просто были миллионы девочек и мальчишек, которые по-настоящему любили его музыку и были счастливы встретиться с автором своих любимых пионерских песен. С ним невозможно было пройти по Анапе, по «Орленку» или по «Артеку». То и дело слышалось на каждом шагу: «Здравствуйте, Юрий Михайлович! Можно с вами сфотографироваться?.. Дайте, пожалуйста, автограф...»

И он никогда никому и ни в чем не отказывал. Он мог остановиться и просто потолковать с ребятами о том о сем. А когда он с ними фотографировался, то улыбался так широко и открыто, что фотография просто светилась изнутри. Он получал множество писем. И от взрослых, и от ребят. Кстати, он писал песни не только на стихи профессиональных поэтов. Он придумал передачу «Музыкальный радиосбор». Это была его идея, он сам эту передачу вел. Самые знаменитые композиторы страны писали музыку на стихи «самых незначительных», самых юных поэтов. И результат был очень хороший.

Юрий Михайлович очень любил свою родину. Но патриотизм его был очень негромким. Он вообще предпочитал говорить о великом негромко. И все равно это проникало в умы и сердца. Поэтому песни Юрия Чичкова звучали, звучат и будут звучать всегда.

Потому что они удивительно похожи на своего автора – теплотой, добротой и задушевностью.

Петр СИНЯВСКИЙ, поэт.

Фотографии из

А

рхив в «Пионере» богатый. Накопилось за восемьдесят с лишним лет. По толстым папкам можно проследить, как поднимались и опадали волны общественного внимания. Потеряла тема актуальность – в архив. Есть у нас папка, на которой написано: «Дети и руководители, авторитетные люди страны». Давненько она не пополнялась. Посмотрите на эти снимки. С пионерами встречались министры и академики, артисты и маршалы, редакторы общенациональных газет и великие тренеры. Кто-то скажет – показуха. А вы взгляните на их лица. Они интересны друг другу. Никто из них не притворяется. Они друг друга слушают и друг друга понимают.

Сегодня это уже далекая история. Невозможно представить, чтобы на встречу с детьми явился олигарх. И не потому, что у олигарха не найдется времени. Просто – о чем разговаривать? На каком языке?

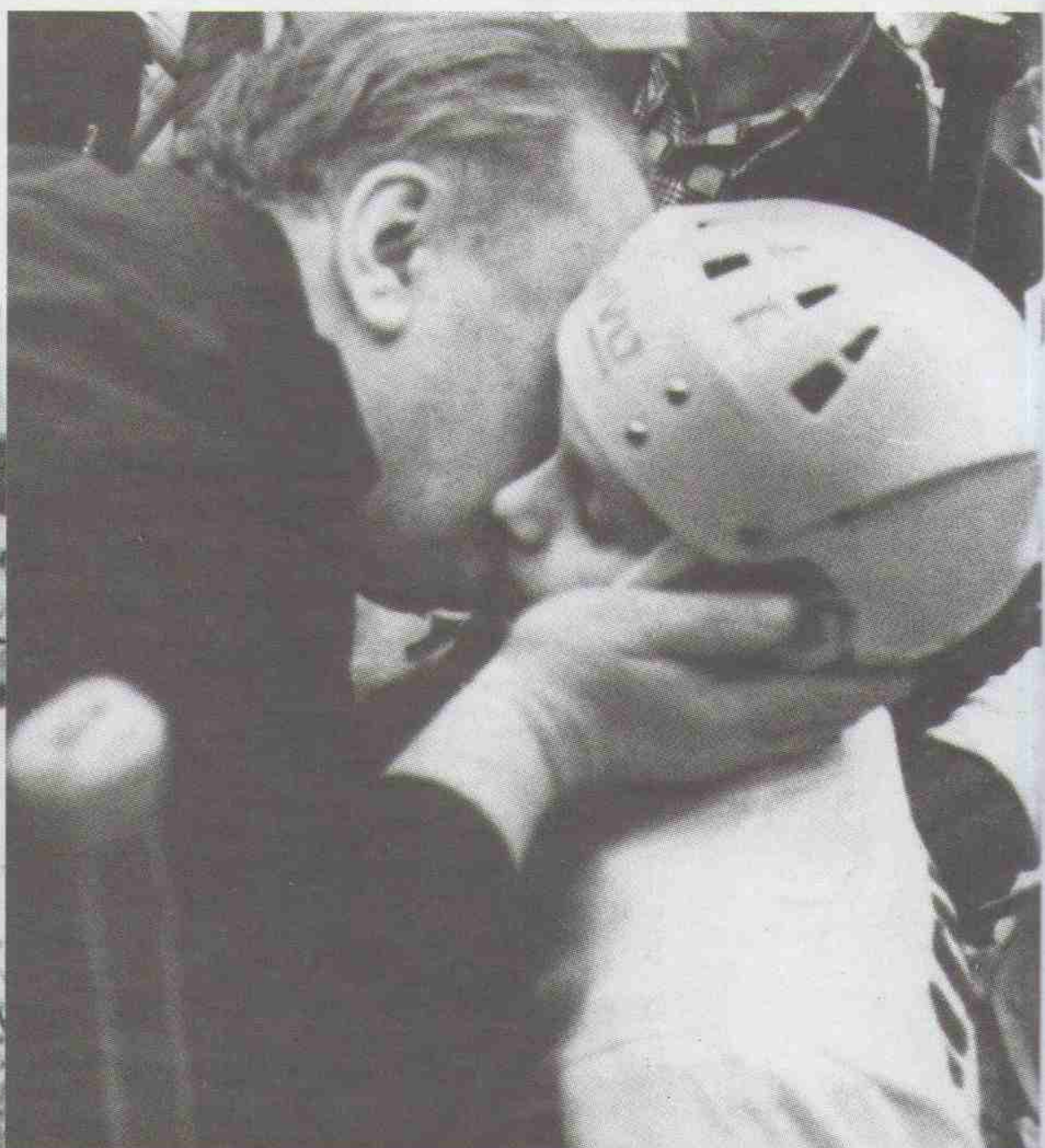
Может, кто-то не хочет, чтобы ребят представляла детская организация? Тогда пусть это будет что-то другое. Хоть что-то, хоть кто-то, кто занялся бы детьми.

Неужели эта тема – дети и государство, дети и общество – сдана в архив навечно, как эти старые фотографии?

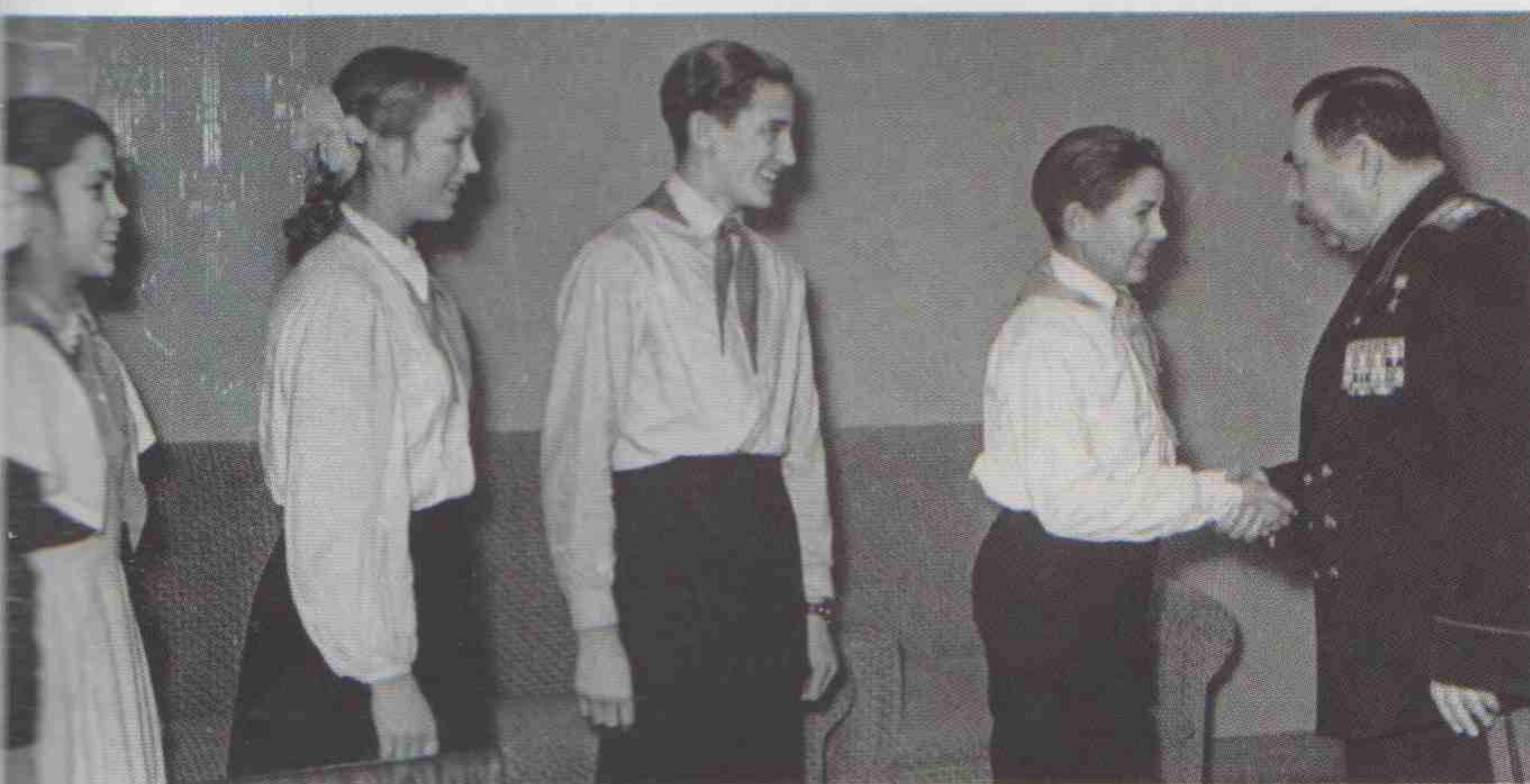
Как долго и как старательно искали у нас «национальную идею». Зачем? Она универсальна – выживаемость нации. Эта идея везде одинакова. В Мексике и Люксембурге, в Монголии и на Кубе. Как ее решишь, не видя детей в упор?

Наша «национальная идея» живет сама по себе и давно ждет, чтобы ее, наконец, заметили.

Говорят, снова подскочили цены на нефть. Какая радость. Но только Бога ради – есть ли у нас хоть что-то еще?

АРХИВА

Главный редактор
А.С.МОРОЗОВ

Первый зам.
главного редактора
Н.А.ТАРАСЕНКО

Журнал зарегистрирован в МПТР РФ.
Свид. **ПИ №77-5735**
от 10.XI.2000 г.

Выходит при финансовой поддержке
Федерального Агентства по печати и
массовым коммуникациям РФ.

Подписано
к печати 26.IV.2007 г.
Формат 84x108 1/16.
Учетно-изд.л. 7,2.
Тираж 5500 экз.
Заказ № 73732.

✉ 127015,
Москва, а/я 65

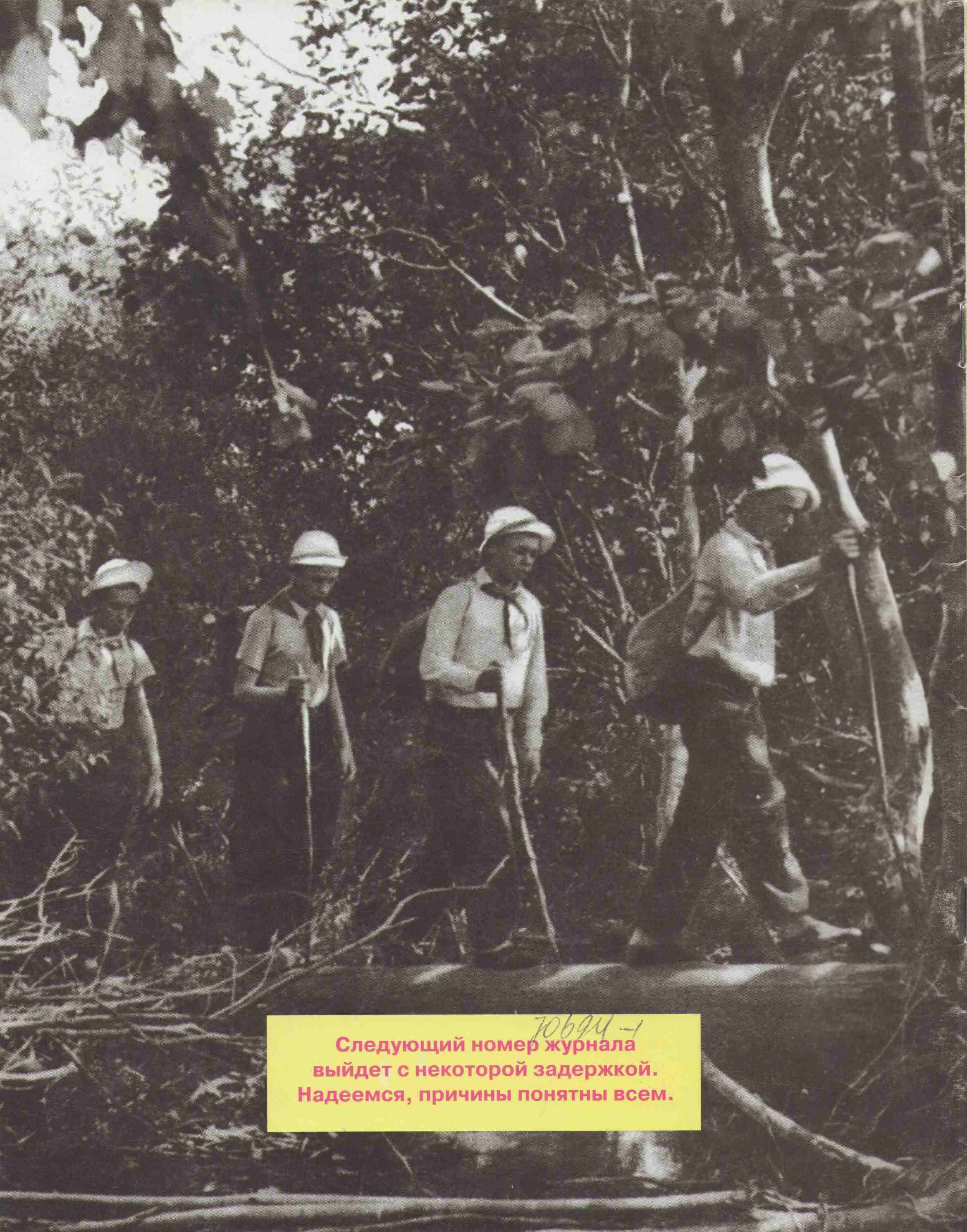
☎ 683-84-84

E-mail: pioneermag@mail.ru

“Пионер”.
2007 г.
№ 5. л-64.
Рукописи не
рецензируем и
не возвращаем.

ISSN 0130 - 8009

Отпечатано в типографии ОАО
«Молодая гвардия». Адрес типографии:
127994, Москва, Суцевская ул., 21.

70694-1
**Следующий номер журнала
выйдет с некоторой задержкой.
Надеемся, причины понятны всем.**